

Министерство культуры РФ  
Музей истории донского казачества

---

Министерство науки, высшей школы и технической политики России  
Кемеровский Государственный университет

---

АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ  
И  
ВАРВАРСКИЙ МИР

(Материалы III-го археологического семинара)

ЧАСТЬ II

НОВОЧЕРКАССК 1993

**К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ  
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ В КУЛЬТУРАХ АЛТАЙСКОГО  
И ДОНО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНОВ В ПОСЛЕДНИЕ ВЕКА ДО Н. Э.**

В сарматских погребальных комплексах II–I вв. до н. э. от Южного Урала до Дона появляется довольно представительная группа находок инокультурного происхождения, обнаруживающая аналогии иногда на достаточно отдаленных территориях. В настоящей статье предпринимается попытка выявления характера этого круга инноваций, определения тех исторических реалий, которые стоят за ними.

К указанным находкам, в первую очередь, относятся ажурные прямоугольные бронзовые пряжки с изображениями верблюдов или сценами терзания, миниатюрные бронзовые модели котлов, костяные окончания гребней, украшенные стилизованными головками лошадей, костяные полированные проколки.

Художественные вещи из числа названных выполнены в манере, не имеющей местных истоков. Костяные окончания гребней с изображениями головок, развернутых в противоположные стороны и украшенных хохолками, близки изображениям на территории Хакасии (1, табл. XXXVIII; 2, с. 79). Не местные художественные традиции отражают и ажурные бронзовые пряжки. В сарматских погребениях они появляются не ранее II в. до н. э. Поиск им аналогий вновь уводит на восток. Абсолютно такие же пряжки происходят из Средней Азии и Центрального Казахстана. На Енисее, в Забайкалье и Ордосе были широко распространены ажурные поясные пластины, которые, наряду с общим сходством, имеют определенные стилистические различия с сарматскими пряжками. Исследователи отмечали, что появление этих пластин на Енисее связано с влиянием хуннов, которыми в свою очередь были восприняты и получили дальнейшее развитие традиции скифосибирского искусства. В последние вв.

Ответственный редактор  
канд. ист. наук **Б.А.Раев**

до н. э., по словам М. А. Девлет, наблюдается обратная волна культурного влияния. Ордосские пластины попадают на Енисей, вместе с другими типично хуннскими вещами, что может быть объяснено подпаданием этого района под контроль хуннов (3, с. 18 сл.). С усилением влияния хуннской культуры связывает В. Д. Кубарев появление в курганах Уландрыка на Алтае поясных деревянных пластинчатых пряжек, которые копируют ажурные пластины Забайкалья и Ордоса (4, с. 76 сл.). Появление ажурных пряжек в Подонье и Поволжье результат восточных культурных влияний, для иных реконструкций у нас нет никаких данных. Вероятно, что в разных районах возникали свои центры изготовления таких пряжек, но традиция для всех была общей (3, с. 18). Об этом свидетельствует и то, что на поясах часто помещались две такие пряжки. Это отмечено в Забайкалье, на Алтае, Средней Азии и в Поволжье.

Миниатюрные копии бронзовых котлов известны в памятниках тесинского этапа тагарской культуры (II–I вв. до н. э.) и широко распространяются в таштыкскую эпоху (2, с. 79; 5, с. 152). М. Н. Пшеницына отмечала очень много параллелей в материальной культуре тесинского этапа и сарматов Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Это и костяные или роговые проколки, костяные игольники, мечи с кольцевидным навершием, некоторые типы пряжек. Причем, в контексте приоритет в культурном влиянии она отдает сарматам, так как в сарматских комплексах эти находки в большинстве своем датировались тогда III–II вв. до н. э. Число таких соответствий можно было бы увеличить, отнеся к ним, например, ложковидные застёжки, берестяные короба и некоторые другие вещи, встречающиеся как у тесинцев, так и сарматов.

Хронологический анализ показывает, что широкое распространение большинства упомянутых находок на сарматской территории приходится на время не ранее II в. до н. э., в основном II–I вв. Они не являются звеньями эволюции местной сарматской культуры, поскольку здесь не известны их прототипы в более ранних памятниках.

К находкам этого рода можно отнести и мечи с кольцевидным навершием. Рассмотрение всей совокупности их находок в хронологическом плане дает основание утверждать, что этот тип мечей в восточноевропейских степях появляется, начиная со II в. до н. э. Наиболее ранние их

находки встречаются вместе с мечами с серповидным навершием. Разработывавшаяся ранее гипотеза об автохтонном генезисе мечей с кольцевым навершием не подтверждается какими-либо убедительными фактами, з то время как далеко

па востоке этот сложившийся тип меча существовал, по крайней мере, начиная с раннескифского времени. Такой меч изображен на оленном камне из кургана Аржан в Туве. Кольцевые навершия известны у карасукских кинжалов. Эта традиция сохранялась у оружия в памятниках культур пазырыкского круга Алтая III–II вв. до н. э. (4, с. 58; 6, с. 40; 7, рис. 1, 2, 3) и у татарских племен. О восточном импульсе в распространении у сарматов мечей с кольцевым

навершием говорит и то, что они, по ряду наблюдений, были снабжены ножнами с лопастями в верхней и нижней части для крепления к ноге. Такие ножны вошли в употребление на Алтае в III–II вв. до н. э. (4, с. 64), по конструкции они отличаются от ножен мечей с серповидным навершием.

Чем можно объяснить распространение у сарматов, начиная со II в. до н. э. большого числа находок вещей, характерных для культур раннего железного века, расположенных далеко к востоку от сарматской территории? Являются ли они результатом опосредствованного культурного влияния, некоей внеэтнической диффузии, или их появление связано с проникновением в степной район Восточной Европы нового населения?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к письменным источникам. В абсолютно независимых сочинениях китайских и античных авторов имеются сведения о значительных перемещениях населения в евразийских степях во II в. до н. э.

Древнекитайские историки Сыма Цянь и Бань Гу сообщают о целом ряде передвижений и военных столкновений народов, охвативших обширную территорию от северо-западных границ Китая до Бактрии. Соперничество между хун-нами и юэжями, юэчжами и усунями, проживавшими в районе Дукьхуана, закончилось в конечном счете поражением юэчжей и отступлением их в Джунгарию в район долины реки Или, где они в свою очередь разгромили саков, которые также в большинстве своем покидают свою прежнюю территорию. Затем в Джунгарии юэчжи вновь были разбиты усунями и вынуждены были уйти далеко па запад, где они около середины II в. до н. э. захватили Бактрию

(8, с. 226–241). После этих событий в Средней Азии значительно увеличивается присутствие кочевого элемента, что нашло отражение в появлении большого числа крупных курганных могильников с явными элементами степной культуры (9; 10).

По всей вероятности, эти бурные события не могли не затронуть более северные степные районы и являлись по своему характеру более крупномасштабными, нежели изложенные в китайских источниках. Китайские историки описали их в основном со слов посла Чжана Цяня, посетившего Среднюю Азию по заданию императора, который мог не знать, что происходит на сопредельных территориях.

Анализ синхронных греко-римских источников позволяет сделать заключение о появлении во II в. до н. э. новых подразделений кочевников в степях Восточной Европы. В херсонесском декрете в честь Диофанта (110/109 г. до н. э.) в Северном Причерноморье упоминаются племена ревксиналов (роксоланов). Плиний называет целый ряд племен, перешедших через Дон. Причем, упоминание в этом списке сатархов дает возможность определить время этого переселения и его направление. Сатархи, как новое население, появляются в степном Крыму со II в. до н. э. скорее всего с востока (11, с. 56). Известны они были и в Средней Азии, некоторые исследователи предполагают их тождество с тохарами, фигурирующими у Страбона в списке народов, участвовавших в захвате Бактрии (12, с. 142). Уже неоднократно высказывалось мнение, что тохарский компонент присутствовал в передвижении племен II в. до н. э. и в освоении ими причерноморских степей и Северного Кавказа (12, с. 144; 13, с. 123 сл.).

Исследования по хронологии сарматской культуры позволяют утверждать, что увеличение кочевого населения в степях между Доном и Южным Уралом начинается со II в. до н. э., причем апогей этого процесса приходится, скорее всего, на его середину. Именно с этого времени начинается освоение сарматами бывшей территории Великой Скифии (14, с. 8 сл.), ощущается активизация кочевников на Кубани (15, с. 15). С новыми кочевниками сармато-массагетского круга может быть сопоставлено распространение с середины II в. до н. э. на Северном Кавказе катакомбного обряда захоронения (13, с. 130 сл.).

Б. Я. Стависким в свое время было высказано интересное соображение о взаимосвязи таких событий как падение

Греко-Бактрии под ударами кочевников и их активизация на Северном Кавказе и Скифии. В этих событиях, по его мнению, могли участвовать одни и те же племена или часть их (16, с. 108).

Не исключено, что и появление аорсов, а, возможно, и сираков в тех местах, где их впервые помещает Страбон и которых он называет беглецами из среды народов, живущих выше, связано с событиями II в. до н. э. Попытку обосновать участие в военных действиях конца IV в. до н. э. на Боспоре сираков (17, с. 45) вряд ли можно признать убедительной (18, с. 16 сл.). Как и появление, примерно, в то же время в Подонье и Поволжье аорсов (19, с. 34 сл.). При принятии этой гипотезы странным кажется, что сираки, отметившие свое появление активным участием в междоусобной войне наследников боспорского престола, затем упоминаются Страбоном только через почти триста лет. Восточного происхождения этнической основы аорсов придерживался Т. Сулимирский, хотя и считал, что само имя пришельцы могли заимствовать у местного населения прохоровской культуры. Однако, по его мнению, передвижение во II в. до н. э. было настолько мощным, что привело к значительному изменению предыдущей культуры и положило начало новому, средне-сарматскому периоду. Он отмечал, что культура переселенцев, появившихся южнее Урала и в прикаспийских степях, имеет удивительное сходство с культурой современного им народа, обитавшего в Семиречье, восточнее Балхаша и на границе Китайского Туркестана (20, с. 116). Причина этого переселения, как считал Т. Сулимирский, была обусловлена успехами хуннов, начиная с захвата ими в 201 г. до н. э. территории динлинов (долина Енисея в районе нынешнего Минусинска), разгрома ими же юэчжей, что привело в движение сако-массагетские племена и определило отступление из казахстанских и центральноазиатских степей различных ираноязычных племен (20, с. 113, 114).

Исходя из всего сказанного, можно сделать ряд выводов.

1. События II в. до н. э., охватившие значительную часть евразийских степей: активизация хуннов на востоке, хунно-юэчжийский конфликт, падение Греко-Бактрии, появление новых группировок кочевников в степях от Южного Урала

до Дона, захват сарматами территории Скифии – взаимосвязаны между собой и представляют звенья одной цепи.

1. Выявленные инновации в материальной культуре сарматов II–I вв. до н. э. в доно-волго-уральских степях являются результатом миграции части населения из более восточных районов, соседствовавших, вероятно, с территориями пазырыкской, тагарской культурами и областью формирования таштыкской культуры. Этот вывод, кроме археологических, подтверждается письменными источниками.

2. В формировании и развитии сарматских культур, особенно начиная со II в. до н. э., большую роль начинают играть миграции. Довольно часто те или иные культурные инновации в них имеют миграционное происхождение. Хотя как правило, появление новых группировок кочевников, внося существенные коррективы в этническую карту расселения сарматов, не приводило к полному изменению всего состава населения. Об этом говорят наблюдения, сделанные на основе анализа археологических памятников сарматов, свидетельствующие о наличии преемственности между, практически, всеми сарматскими культурами, находящей выражение в сохранении и развитии местных традиций в материальной культуре и погребальном обряде.

3. Определенные доказательства этому содержатся в письменных источниках. Это известный пассаж Аммиана Марцеллина об утверждении гегемонии аланов и о постепенном включении в их состав других народов. На этот счет есть и весьма интересное сообщение у китайского историка Бань Гу. Рассказывая о разгроме саков юэчжами, а затем юэчжей – усунями, он отмечал: «Поэтому среди усуней есть потомки сэ (саков – А. С) и потомки больших юэчжей» (8, с. 226). Надо полагать, что когда юэчжи разгромили саков, то часть их влилась в состав юэчжей, а затем те и другие вошли в состав новых победителей.

4. Сарматы — довольно широкий собирательный этноним. Скорее всего он имел определенный смысл и хождение в греко-римской среде и навряд ли воспринимался теми, к кому он непосредственно адресовался. Сарматы, зафиксированные в разное время и на различных территориях письменными источниками, зачастую очень отличались своим происхождением. Родина их была достаточно обширной — от северо-западных границ Китая и Алтая на востоке до Северного Причерноморья на западе. Средой, питавшей в

разное время те или иные объединения сарматов, являлся ирано-язычный кочевой мир, обитавший на этой огромной территории.

5. События II в. до н. э., нашедшие отражения в археологическом материале, вносят определенные уточнения и в периодизацию сарматской культуры. В первую очередь это касается прохоровской (ранне-сарматской) и суловской (среднесарматской) культур. Как уже сообщалось, данные события Т. Сулимирский связывал с началом среднесарматского периода. В нашей литературе также высказывалось мнение о том, что среднесарматскую культуру следует датировать концом II в. до н. э. Однако, наиболее приемлемой для нее оказалась дата I в. до н. э. — I в. н. э. Позднейшие исследования показали, что определяющие прохоровскую культуру черты сохраняются до начала нашей эры, а отдельные их рецидивы встречаются и в начале н. э. Археологический комплекс же среднесарматской культуры складывается к началу н. э. (21).

Исследуемая нами проблема позволяет под новым углом зрения рассмотреть в первую очередь само содержание понятия «прохоровская культура» и периодизацию этой культуры. Следовало бы вообще отказаться от термина «прохоровская культура» и использовать в научном обиходе употребляющийся адекватный ему термин «раннесарматская культура». Курганы у села Прохоровки, ставшие эпонимным памятником для целой культуры, датируются обычно рубежом IV – III вв. до н. э., то есть они относятся собственно к раннему периоду сарматской культуры.

Однако, учитывая, что термин «прохоровская культура» прочно вошел в научный оборот и с ним, естественно, трудно расстаться, его можно сохранить, выделив два этапа прохоровской культуры: ранний (IV — III вв. до н. э.) и поздний (II—I вв. до н. э.).

1. Кисилев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951
2. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха. М., 1960.
3. Девлет. М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. – САИ, вып. Д 4–7, 1980.
4. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
5. Пшеницына М. П. Культура племен Среднего Енисея во II–I вв. до н. э. (тесинский этап). Канд. дис. Л., 1975.
6. Кубарев В. Д. Кинжалы из горного Алтая. – Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981.
7. Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в конце VI – начале II вв. до н. э. – Канд. дис. М., 1984.

8. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М. 1988.
9. Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. М.-Л., 1966.
10. Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975.
11. Ольховский В. С. Население Крыма по данным античных авторов.— СА, 1981, № 3.
12. Десятчиков Ю. М. Сатархи.— ВДИ, 1973, № 1.
13. Кереев Б. М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988.
14. Полин С. В. Население северочерноморских степей в III—II вв. до н. э. (этнополитический аспект).— Автореф. канд. дис. Киев, 1989.
15. Марченко И. И. Сарматы степей правобережья Нижней Кубани по второй половине IV в. до н. э. — III в. н. э. (по материалам курганных погребений).— Автореф. канд. дис. Л., 1988.
16. Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.
17. Десятчиков Ю. М. Арифарн, царь сираков.— В сб.: История и культура античного общества. М., 1977.
18. Шелов-Коведяев Ф. В. О составе противоборствующих сторон в битве при Фате IV в. дохристианской эры.— Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 1990.
19. Шилов В. П. Аорсы (историко-археологический очерк).— История и культура сарматов. Саратов, 1983.
20. Sulimirski T. The Sarmatians. L., 1970.
21. Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990.

*В. Н. Зинько*

### ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ХОРЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ БОСПОРА В III В. ДО Н. Э.

Проблема взаимодействия варварских племен с Боспорским государством постоянно привлекает внимание исследователей, начиная с работ М. И. Ростовцева. Одной из наиболее интересных и сложных контактных зон была территория Керченского полуострова, который по своему географическому положению находился на оживленном перекрестке движения варварских племен в Причерноморье и активно осваивался, начиная с VI в. до н. э. греческими переселенцами. В результате взаимодействия в IV — нач. III в. до н. э. здесь складывается своеобразное греко-варварское протоэллинистическое государство (1, с. 59), со сложным и пестрым этносоциальным составом населения (2; 3; 4).

Общность территории, хозяйственной деятельности и конкретных условий жизни приводит к сосуществованию и постепенному смешению различных этнических групп. Эти процессы в V—IV вв. до н. э. только намечаются и протекают в отдельных аграрно-территориальных зонах хоры европейской части Боспора, как представляется по археологическим данным, с определенными особенностями (5). Главным проявлением этих процессов в нач. III в. до н. э. является смешение различных этнических компонентов, при том, что варварское население в той или иной форме составляло подавляющую массу жителей на большинстве сельских поселений. Именно эти жители, вовлеченные в сферу экономической деятельности Боспорского государства, являлись основными производителями боспорской пшеницы. В то же время в одних аграрно-территориальных зонах (АТЗ) сельское население в основной своей массе было одноэтничным, в других полиэтничным.

Дальнейший процесс развития европейской хоры Боспора был приостановлен в конце первой трети III в. до н. э. в связи с изменением этнополитической ситуации в Причерноморье, вызванной, как считают некоторые исследователи, продвижением на запад сарматских племен. Формирование нового скифского центра в Крыму, и как следствие этого — временное осложнение скифо-боспорских отношений, привели к оттоку свободного скифского населения в районы Степного Крыма, а кардинальные изменения военно-политической и этнической ситуации привели к переориентации политики Боспора по отношению к местным племенам: происходит переход от союза со скифами к опоре на сарматов (6, с. 14).

В первую очередь эти изменения коснулись скифских этнических групп, обитавших на территории европейской части Боспора, вне зависимости от их хозяйственно - культурного типа, соответствующего социальному и имущественному состоянию: кочевой элемент — аристократия, земледельческий — рядовые общинники (4, с. 58). Уничтожение культуры скифской аристократии наглядно демонстрируется отсутствием курганов скифской знати III в. до н. э. в европейской части Боспора. Единственный памятник этого периода — курган Ак-Бурун (1875 г.) по особенностям погребального обряда и инвентаря соотносится с меотосарматским миром (6, с. 16). В ряде АТЗ европейской хоры Боспора в конце первой трети III в. до н. э. фиксируется запустение сельских поселений. Часть из них была уничтожена, а часть,

вероятно, просто оставлена жителями. Планировка построек, находки лепной скифской посуды, преобладающей в керамическом комплексе, зольники свидетельствуют, что здесь жило скифское земледельческое население (7, с. 58 сл.). До середины III в. до н. э. на этой территории отмечены скифские погребения в каменных и грунтовых гробницах курганных могильников Астанино, Кирова, Ленино и др. (8). Судя по всему, именно сельские жители СЗ АТЗ, представленные свободными скифскими общинниками, в первую очередь ощутили на себе крушение сложившейся ранее системы политических, экономических и прочих связей с Боспором. Несколько иная обстановка складывалась в прибрежных районах. Она была обусловлена, в первую очередь, иным составом населения этих АТЗ. Археологические материалы позволяют говорить о полиэтничном составе населения поселений с преобладанием греческого (СВ АТЗ) или варварского нескифского (приазовская АТЗ) населения. Здесь вместо неукрепленных поселений к концу III в. до н. э. возникают крупные укрепленные усадьбы (Ново-Отрадное) и крепости (Золотое Восточное).

Интересные данные об этнических процессах, протекавших в приазовской АТЗ, выявили раскопки некрополя восточнее с. Золотое. Здесь среди гробниц, наиболее ранние из которых относятся к VI в. до н. э., найдены погребения второй пол. III – нач. I вв. до н. э. Они характеризуются, с одной стороны, сохранением древних традиций, с другой – скифским влиянием. В то же время отдельные элементы погребального обряда свидетельствуют о довольно устойчивом греческом влиянии. Вероятно, какая-то часть скифского населения, перемещенная сюда по предположению А. А. Масленникова принудительно, смешалась с жителями прибрежных районов (3, с. 68 сл.).

Определенные изменения происходят и на прилегающей к боспорским городам хоре. Доминирующим типом жилищно-хозяйственной постройки IV—III вв. до н. э. является греческая сельская усадьба, как отдельно стоящая (Октябрьское, Краснопартизанское, Героевское), так и группа усадеб (Андреевка Южная, комплекс близ Мирмекия). Обрабатываемые земли были размежеваны на отдельные участки, величина которых, вероятно, была 4,5 – 5 га. Эти усадьбы принадлежали греческому — как сельскому, так и городскому населению Боспорского государства. В этих хозяйствах, судя по небольшим размерам земельных участков, работали

не только сами землевладельцы, но и, вероятно, несколько рабов. В конце первой трети – середине III в. до н. э. часть поселений разрушается или оставляется; другие, расположенные в непосредственной близости к городам, продолжают существовать. Показательна в этом отношении судьба комплекса близ Мирмекия (9). Возникнув на рубеже IV– III вв. до н. э., он в первые десятилетия быстро строится и расширяется. При строительстве наиболее поздней усадьбы № 3 возводятся мощные внешние стены, толщиной до 1,5 м, что также косвенно свидетельствует о реальной опасности даже для внутренних областей Боспора. В середине III в. до н. э. усадьбы переживают период упадка, возможно что на какой-то период они были оставлены, и в последней четв. III в. до н. э. здесь происходит полная перепланировка всех строений, формируется новый сельскохозяйственный комплекс с ярко выраженной винодельческой ориентацией. В этот период для всей хоры европейского Боспора характерно запустение основной массы сельских поселений. Лишь на 43 из 276 известных выявлены слои последующих эпох (7, с. 250).

В последней четв. III в. до н. э. происходит временная стабилизация жизни на Боспоре (10, с. 50), реанимируется его хора. В сельском хозяйстве происходят существенные изменения: уменьшается значение зерновых культур и одновременно возрастает роль виноградарства, рыболовства, скотоводства (11, с. 77; 7, с. 101). Изменяется вся структура заселения АТЗ. Концентрация населения в удобных для обороны местах (7, с. 98 сл.) способствует дальнейшей этнической консолидации различных групп. Тем самым был продолжен процесс, приведший, по предположению ряда исследователей (В. Ф. Гайдукевич, А. А. Масленников) к созданию во II в. до н. э. некой этнокультурной общности, определяемой В. Н. Корпусовсой как греки-боспоряне.

Как показывают этнографические исследования, при сселении народов, связанных с завоеваниями, происходит либо ассимиляция одного народа другим, либо сосуществование различных этнических групп, либо создание нового этноса. Археологические материалы позволяют конкретизировать проявление этих процессов на хоре европейской части Боспора в III в. до н. э.

В нач. III в. до н. э., наряду с продолжением процесса формирования нового варварского земледельческого населения, наблюдается сосуществование различных этнических

групп, в первую очередь скифов и греков. В ряде АТЗ наблюдаются ассимиляционные процессы: эллинизация варварского населения, постепенное поглощение скифами варварского населения приазовской АТЗ.

В конце первой трети – середине III в. до н. э. с изменением военно-политической ситуации естественный ход этнических процессов на хоре был прерван. Прежнее население было уничтожено, оставило привычные места обитания и сконцентрировалось в укрепленных поселениях и городах, часть его могла уйти на территорию скифского государства в Крыму. Все это создает условия для ускорения процесса создания новой этнической общности.

В последние десятилетия II в. до н. э. возрождается хора Боспора, начинается завершение процесса создания единой общности при полной культурно-политической греческой доминанте.

1. Блаватский В. Д. Пантикапей. М., 1964.
2. Яковенко Э. В. Об этнокультурной принадлежности населения хоры Боспора Киммерийского. – Тез. докл. и сообщений II Всесоюзного симпозиума по др. истории Причерноморья, Тбилиси, 1979.
3. Масленников А. А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М., 1981.
4. Бунатян Е. П., Бессонова С. С. Об этническом процессе на европейской части Боспора в скифское время. – Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти ак. М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
5. Зинько В. Н. О структуре хоры европейской части Боспорского государства в IV–III вв. до н. э. – Тез. докл. юбилейной конференции «Проблемы археологии Северного Причерноморья» Херсон, 1990.
6. Виноградов Ю. А. Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI–III вв. до н. э. – Автореферат дисс. канд. ист. наук. Ленинград, 1990.
7. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
8. Яковенко Э. В. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма. – ДВК. Киев, 1970.
9. Зинько В. Н. Комплекс сельских усадеб близ Мирмекия. – В сб.: Археология и история Боспора. т. III (в печати).
10. Золотарев М. И. О политической ситуации в Крыму в III в. до н. э. – Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти ак. М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
11. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. Л., 1949.
12. Корпусова В. Н. Некрополь Золотое. Киев, 1983.
13. Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей. – СЭ, 1968, № 2.

### БУБУЕЧСКИЙ КОМПЛЕКС

(история находки и изучения, задачи интерпретации)

В ГИМе хранятся находки из села Бубуя (Бубуечь. Бубуежи), Кишиневского уезда Бессарабской губернии, неоднократно привлекавшие внимание исследователей (1, с. 33; 2 с. 191; 3, р. 63, 234 и т. д.), однако сложность комплекса и неясность обстоятельств его находки заставляют нас еще раз обратиться к истории его поступления в музей и проблемам изучения (21). В музейной картотеке комплекс описан как случайная находка, поступившая в дар из собрания губернатора Харузина. Впервые комплекс был опубликован в «Отчете РИМ» (4, с. 14) за 1908 год, где обстоятельства находки не указаны. Этой публикацией и пользовалось большинство исследователей при интерпретации комплекса и отдельных находок (ср.: 5, с. 156 сл.; 6, с. 237), лишь в работе Э. А. Рикмана упоминается публикация комплекса в ЗСОИД (7), но она не была в достаточной мере прокомментирована (1, с. 33).

Эта публикация позволяет хотя бы отчасти восстановить историю находки и уточнить ее состав. Указано, что вещи были найдены у селения Броска Кишиневского уезда в 10 верстах от Кишинева, на карте, соответствующей времени находки (8), примерно на таком расстоянии от Кишинева расположено село Бубуежь, а селение Броска отсутствует. Это позволяет нам предположить, что перед нами один и тот же комплекс. В пользу этого предположения можно привести также следующие факты: совпадает время передачи комплекса (1908 год), в «Отчете» и «Записках» изображения и описания предметов совпадают. В «Записках» описывается история находки и передачи коллекции.

Таким образом, состав находки, являющейся частью погребального комплекса из разрушенного кургана, представляется следующим (21): [см. табл. на стр. 16]. Нож был расценен как поздний (7, с. 8), керамика и колечки, судя по описи ГИМ, были утрачены еще до революции. Неполнота передачи вещей была подмечена Е. А. Шиманским (7, с. 8).

Между публикациями и попыткой осмысления находки прошло около 20 лет. А. М. Тальгрэн (9, с. 156 сл.), а затем Б.З. Рабнович (5, с. 155 сл.) рассматривали комплекс в це-



Предмет	Место и характер упоминания		Инв.ГИМ
	Отчет	Записки	
Шлем	Описание, рисунок	упоминание	45302
Две бронзовые штампованные бляхи треугольной формы	описание, фото т. 1, 1, 2	упоминание	45302
Две круглые бляхи с полусферическим выступом в центре	т.1", 6	„	45303
Четыре круглые бляшки с личиной	т. "1, 3	„	45304
Два бронзовых крючка с расширением к низу	т. I"	„	45305
Медный котел	упоминание	упоминание фото	45306
Фрагменты керамики и мелкие бронзовые колечки	„	нет	нет
Железный нож	нет	упоминание фото	нет

лом, опираясь на публикацию в «Отчете РИМ». А. М. Тальгрэн – как клад, Б. З. Рабинович более осторожно, как случайную находку. Перед исследователями стояла задача датировки и отнесения комплекса к определенной культуре. А. М. Тальгрэн указал, что это доспехи всадника и его лошади; определил время клада как предположительно скифское и связал его появление с фракийским или кельтским влиянием (9, с. 158); шлем он считал более ранним, и не исключал более ранней даты всего клада. Б. З. Рабинович по точным аналогиям шлему датировал находку эпохи эллинизма. Отсутствие точных аналогий орнаментации пластин привело Б. З. Рабиновича к мнению о существовании узкого малоисследованного варианта (5, с. 157).

Отдельные вещи комплекса входили в работы, посвященные соответствующим категориям находок (5,6 и др.). Плодотворность такого подхода была продемонстрирована уже работой Б. З. Рабиновича, отнесшего шлем из Бубуча

к группе «с волютами по бокам», восходящей к фракийским, но представляющей уже смешанный фракийско-аттический тип, отнесенный им к IV–II вв. до н. э. (5, с. 150 сл.). Е. В. Черненко считал шлем фракийским (10, с. 87), что вызвало справедливые возражения А. В. Симоненко (11, с. 9), который, опираясь на работу М. В. Горелика, отнес его к «южногреческим».

Первоначально названные фаларами, округлые бляхи на основании существования заклепок и следов железа на оборотной стороне под ними были интерпретированы Е. В. Черненко как фрагменты кирасы (10, с. 53 сл.; 12, с. 101 сл.). Он датировал находки IV–III вв. до н. э.

И. В. Яценко и И. И. Гущина предполагали, что бронзовые крючки являются налобниками (13, с. 44 сл.; 14, с. 241 сл.). Позже А. В. Симоненко создал типологический ряд налобников данного типа и датировал Бубучские экземпляры III в. до н. э. (6, с. 237 сл.).

Э. А. Рикман вслед за А. М. Тальгреном высказал гипотезу о кельтской принадлежности изображений на бронзовых пластинах (1, с. 33), он считал, что пластины выполнены литьем, штамповкой и чеканкой. В. Зирра интерпретировал их как кельтские с северными реминисценциями (2, с. 191).

Е. В. Черненко и А. В. Симоненко на основании анализа отдельных элементов считают комплекс скифским (6, с. 244; 10, с. 184), однако для определения культурной принадлежности надо рассматривать комплекс в целом. Такая работа проделана М. Б. Щукиным (3, с. 63, 234), который писал о смешанном характере комплекса, исходя из фракийской принадлежности шлема, редкой формы налобников и кельтского с северными реминисценциями характера изображений на пластинах (3, с. 234). Однако, как показал А. В. Симоненко, шлем был типичен для сарматов и поздних скифов, как и налобники (11, с. 9; 6, с. 242).

На наш взгляд, для определения культурной принадлежности комплекса необходимо рассмотреть все его элементы. Поэтому детально опишем котел, до этого не привлекавший серьезного внимания исследователей (рис. 1 и 2). Он круглый в плане с удлинённым туловом и вертикальными ручками с тремя отростками. На фотографии, помещенной в ЗООИД, видны обе ручки и остатки поддона (рис. 1); последний и одна ручка к настоящему времени утрачены (рис 2). Высота сохранившейся части 32 см, Д. 34 см, бор-

тик уплощенный, ширина 1,4 см. В нижней части котла округлое отверстие Д. 1 см. Сохранившееся дно представляет собой круг Д. 4 см с литым крестовидным выступом снаружи. В местах трещин котел починен заклепками. По форме тулова и ручек он относится к типу III, вид 2, по типологии В. М. Косяненко и В. С. Флерова, которые датируют их IV–III вв до н. э. (15, с. 202). Этот тип представлен в Нижнем Подонье единственным экземпляром и относится к сарматской культуре (15, с. 202; 16, табл. 68,42). В скифской культуре есть котлы с такими же ручками, но длина окружности тулова у них больше длины венчика (15, с. 194; тип. III, вид 1), что позволяет нам говорить о сарматской принадлежности котла.

Дополнительного внимания требуют и бляхи, интерпретированные Е. В. Черненко как фрагменты кирасы. О двойном их использовании говорит двойная система прикрепления: заклепки – система отверстий, пробитых снаружи. Четыре из них расположены во втором концентрическом круге, пятое – на границе второго и третьего кругов. Кирасы очень редко встречаются как у скифов, так и у сарматов (12, с. 101; 16, с. 173). От сарматских фаларов их отличает и характер орнаментации (ср.: 17, с. 74 сл).

Наибольшую сложность вызывает интерпретация двух пластин с сюжетными изображениями. Это связано с отсутствием им точных аналогий, как по форме, так и по изобразительным мотивам. А. М. Тальгрэн и Б. З. Рабинович (6, с. 157; 5, с. 158) предложили ряд направлений поиска аналогий по отдельным зонам орнамента. Было отмечено, что от скифских эти изображения отличает более примитивная статичная манера, приемы орнаментации сходны с гальштатскими, мотив человеческой маски связан с миром кельтского искусства, одинаковое исполнение мотива масок на пластинах и мелких бляшках (9, с. 157; 1, с. 38; р. 234).

Предполагаемая культурная принадлежность всех элементов комплекса такова: шлем скифского или сарматского типа, налобники, фрагменты кирасы (?) и котел – сарматского, пластины с изображениями связаны с предметами гальштатско-латенского круга. Таким образом, мы можем признать комплекс сарматским с элементами западного влияния, что типично для позднескифской-раннесарматской культуры. Затрагивая дискуссионный вопрос о проникновении ранних сарматов за Днепр, К. Ф. Смирнов на основании комплексов из Марьевки и из Ново-Григорьевки до-

зывал возможность лишь спорадического, на ранних этапах проникновения (17, с. 114). Противоположную точку зрения высказывал А. В. Симоненко (18, с. 67). В числе доказательств позднескифской, а не раннесарматской принадлежности комплекса он приводит бронзовый котел, который как мы пытались показать, является сарматским; аналогичный котел из Великопольского, который авторы публикации считают сарматским, как и удила с крестовидными псалиями (16, с. 160); ссылка на предмет в зверином стиле комплекса из Марьевки (18, с. 65) также некорректна, поскольку он западного происхождения (20, с. 58–61). Нам кажется более правомерной точка зрения К. Ф. Смирнова, подкрепленная сведениями письменных источников (17, с. 66 сл).

1. Рикман Э. А. Художественные сокровища древней Молдавии. Кишинев, 1969.
2. Zitta V. A propos de la presence des elements Lateniens sur la Rive occidentale de la Mer Noire.– Les mouvements celtiques du V-e au I-er siecle avant noire ere. Paris, 1979.
3. Shchukin M. V. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe, vol. I, BAR, Int. Ser., 542. Oxford, 1939.
4. Отчет Российского Исторического музея за 1908 г. М., 1909.
5. Рабинович Б. З. Шлемы скифского периода.– ТОИПК, 1941, Т. I.
6. Симоненко А. В. О позднескифских налобниках.– Древности степной Скифии. Киев, 1982.
7. ЗООИД, Т. XXVIII, 1910.
8. Ильин А. Карта Бессарабской губернии. Пг., б/г/ Отд. картографии ГБЛ, Ко 104/XI-34.
9. Tallgren A. M. La Pontide préscythique après l'introduction des metéax.–ESA, 1926. 2.
10. Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968
11. Симоненко А. В. Военное дело населения степного Причерноморья в III в. до н. э. – III в. н. э. Автореф. дис. канд. ист. наук. Киев, 1986.
12. Черненко Е. В. Панцири скифского часу.– Археологія, Т. XVIII, 1965.
13. Яценко И. В. Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца.– КСИА, вып. 89, 1962.
14. Гущина И. И. Случайная находка в Воронежской области.– СА 1961, № 2.
15. Косяненко В. М, Флеров В. С. Бронзовые литые котлы Нижнего Подонья (к вопросу о типологии и хронологии.– СА, 1978, № 1
16. Степи европейской части СССР в скифо-сариатское время, М., 1989.
17. Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии, М., 1984.
18. Симоненко О. В. Пізньоскіфський кемплекс з с. Мар'ївка Миколаївської обл.– Археологія, 1986. № 55.

19. Дзис-Райко Г. А., Суничук Е. Ф. Комплекс предметов скифского времени из с. Великопоское.– Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984.
20. Muller R. Die Grabfunde der Jastorf- und Latenezeit in Elbe. В., 1985.
21. Благодарю сотрудников ГИМ И.И.Гущину, Е.В.Переводчикову, Д.В.Журавлеву за возможность ознакомиться с находками. Название предметов дается по Отчету РИМ и в этой же последовательности.

*Б. Абдулгазиева*

### ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ФЕРГАНЫ

Эллинистическая керамика в Фергане впервые отмечается в памятниках шурабашатской культуры, известных в восточной части Ферганы по долинам рек Яссы, Карадарья Куршаб, Кугарт и в Карасуйском оазисе, и в междуречье Карадарьи и Нарына. Они впервые были открыты Ю. А. Заднепровским в 1954 г. (1, с. 306) и в настоящее время их насчитывается более 50 разной степени изученности.

Керамический комплекс памятников характеризуется сочетанием гончарной красноангобированной и лепной крашеной и расписной керамики. В количественном отношении подавляющее большинство составляет лепная керамика.

В вопросах происхождения и датировки шурабашатских памятников у исследователей нет единого мнения, как и в вопросах периодизации древней истории Ферганы (см. 1 с. 306). Ю. А. Заднепровский рассматривает шурабашатский комплекс как прямое развитие и продолжение эйлатанского, т. е. следующий этап в истории оседлоземледельческих культур Ферганы и хронологические границы его определяет в пределах IV–I вв. до н. э., выделяя в нем два этапа: шурабашатский – IV–III вв. до н. э. и карадарьинский – II–I вв. до н. э. (1, с. 306). П. П. Гаврюшенко на основе изучения Кулунчакского укрепленного поселения на террасе левого берега Яссы также приходит к выводу о генетической связи шурабашатской культуры с памятниками эпохи раннего железа – актамыско-кунгайскими комплексами и предлагает более заглубленную дату – V–II вв. до н. э. (2, с. 19 сл.). Н. Г. Горбунова, как и Б. А. Латынин (3, с. 62), считает расписную керамику шурабашатского

типа локальным вариантом, характерным для Восточной Ферганы, и относится к среднему этапу предложенной ею периодизации кугайско-карабулагской культуры I–IV вв. н. э. (4 с. 55; 5, с. 28). По классификации А. Н. Бернштама такая керамика характерна для времени Давань – IV–II вв. до н. э. (6, с. 217 сл.). Результаты наших исследований новых памятников шурабашатской культуры – поселений Султанабад-I и Тепа-IV – позволяют придерживаться датировки IV–I вв. до н. э.

На поселении Султанабад-I вскрыто 5 строительных горизонтов толщиной культурного слоя более 6 м, получен большой комплекс керамики шурабашатского типа. Полученные в процессе раскопок данные позволяют говорить о поселении как о крупном центре керамического производства, население которого занималось этим ремеслом с самого возникновения поселения. В V строительном горизонте вскрыта керамическая мастерская с двумя помещениями, в одном из них обнаружена яма с тонкоотмученной глиной, замешанной с камышовым пухом. В Фергане это первый пункт такого массового вида ремесла как гончарство. И благодаря отвалам бракованной керамики, сосуды представлены в массовом количестве, что дало возможность вычлнить типы, характерные для отдельных строительных горизонтов.

В шурабашатский период происходит не только резкое изменение техники и технологии, но и появляются красно-ангобированная керамика и совершенно новые формы. Кроме того, четко выявляется, с одной стороны, высокое качество гончарных изделий с развитыми формами, а с другой – архаичность лепных. При формовке применены три способа лепки: ленточный, матерчатый шаблон и в форме выдавливания из единого куска глины, а также комбинация последних двух приемов. Вся керамика, за редким исключением, плоскодонная. В лепной керамике в основном повторяются формы гончарной.

Керамические комплексы поселения Султанабад-I делятся на два периода. К первому относятся материалы нижнего строительного горизонта, ко второму – III–V строительные горизонты.

Гончарные сосуды первого периода изготовлены из хорошо промешанной тонкоотмученной глины и в основном покрыты плотным красным, реже черным, как лак, ангобом (объединены в одну группу красноангобированных). Ангоб покрывает сосуд полностью, включая и дно снаружи. Порой

красный ангоб с черными пятнами опалины. Характерная особенность гончарной керамики: наплыв на плечиках мисок, кувшинов, горшков; рельефный валик, подчеркивающий перегиб стенок у чаш и мисок, переход от плечика к горловине у кувшинов и горшков; мелкое рифление на плечиках сосудов.

Гончарная столовая посуда подразделяется на семь категорий, более 20 типов с вариантами.

I. Миски (и чаши) – самая распространенная категория. Сосуды тонкостенные, покрыты ангобом полностью снаружи и внутри, донца плоские. Выделяются следующие основные типы: 1 – миски глубокие, стенки округлые, заканчиваются заостренным, слегка отогнутым наружу краем, (рис. 1, 1,2); 2 – неглубокие миски, нижняя часть конической формы, верхняя в виде невысокого вертикального бортика, слегка утолщенного, порой с рифлением. Этот тип мисок отличается от других массивностью стенок; покрыты плотным коричневым ангобом полностью снаружи или широкой полосой вдоль венчика (рис. 1, 10, 11); 3– глубокие миски с фигурным туловом на узком дне, венчик плавно вогнут во внутреннюю сторону (рис. 1, 12, 13); 4– сферической формы с выделенным валиком (рис. 1, 6–8); 5 – с перегибом в центре тулова, сильно развернутым бортиком (рис. 1, 3, 4). Этот тип в дальнейшем получает широкое развитие; 6– глубокие миски со сферическим туловом, выделенным бортиком, плавно отогнутым наружу, венчик заканчивается закругленным валиком (рис. 1, 9); 7– глубокие миски сферической формы с плавно отогнутым краем (рис. 1, 14, 15); 8– округлой формы с плавно отогнутым краем.

II. Кувшины разной величины, в основном покрыты красным ангобом полностью снаружи или в верхней части, а внутри – полосой вдоль венчика. Есть и со светлым ангобом. Они яйцевидной формы с выделенной рельефным валиком или без него горловиной, венчик овальный или слегка утолщенный, плавно отогнут в наружную сторону, у некоторых имеется желобок для крышки (рис. 1, 20–24).

III. Горшки округлой формы, утолщенный венчик плавно отогнут наружу (рис. 1, 25, 26, 28–30).

IV. Фляги с одной плоской и другой сильно раздутой стенками, сбоку прикреплен горловина, покрыты светлым ангобом-

V. Баночные сосуды вытянутых пропорций, часто грубо изготовлены, покрыты изнутри или снаружи непрочной облупившейся красной краской (рис. 1, 16–17). Лепная керамика изготовлена из теста с большой примесью шамота и дресвы, реже песка. Она подразделяется на три группы: 1– без окраски и росписи, с ангобом и без ангоба; 2– расписная и крашенная; 3– сероглиняная (кухонная; ср. 1, с. 309 сл.) и более чем на 10 категорий. Формы стандартны, что свидетельствует о выпуске продукции на рынок. Сосуды 1 группы покрыты светло-розовой или красновато-коричневой краской. Неорнаментированная посуда покрыта светлым розовато-серым ангобом, изнутри ангоб нанесен толстым слоем, порой с лощением. Орнаментировалась обычно посуда столового назначения. Обычным украшением является широкая полоса краски вдоль венчика снаружи, порой доходящая до середины тулова, а внутри сосуда узкой лентой по венчику. Некоторые миски и кубки окрашены снаружи полностью или расписаны в верхней половине. Самый распространенный мотив орнамента: ромбики, квадраты вписанные друг в друга или заштрихованные, а также небрежно нанесенные в разных направлениях полосы, образующие сетки; волнистые линии в виде гирлянд или вертикальные мазки краски.

Самая распространенная категория – миски (включая чаши). Ряд типов гончарных мисок дублируется лепной посудой (ср. типы 2, 3, 4).

I. Миски: 1– с коническим туловом и резко отогнутым вертикальным бортиком (рис. 2, 1, 5); 2– глубокие с вогнутым краем (рис. 2, 27); 3– с перегибом тулова, тщательно изготовленные, изнутри покрыты кремовым ангобом, а снаружи в верхней половине украшены росписью по светлому фону. Порой нижняя часть окрашена в тон росписи (рис. 2, 3); 4– неглубокие цилиндроконической формы на плоском дне. Баночные сосуды цилиндрической формы, некоторые с росписью в виде сетки и стилизованного растительного узора, покрывающей весь сосуд (рис. 2, 12). Кубки сферической формы с отогнутым венчиком и вертикально прикрепленными на плечиках двумя плоскими ручками (рис. 2, 11). Горшки округлой формы с отогнутыми наружу (рис. 2, 21). Кувшины округлой формы с дуговидной овальной в сечении ручкой (рис. 2, 24). Котлы изготовлены с добавлением в тесто дресвы, раковин (рис. 2, 13–17). Тагора – крупные сосуды с округлым туловом, устье плавно

вогнуто (рис. 2, 18–20, 20, 23). Хумы из теста с включением шамота. Это сосуды также с широким устьем, тулово плавно сужается ко дну, венчик прямоугольный, отогнут наружу (рис. 2, 25–27).

Следует отметить, что в керамике второго периода, по сравнению с первым, резких изменений ни в технике, ни в технологии не отмечается, получают дальнейшее развитие описанные типы, но вместе с тем появляются новые: миски с округлым туловом и утолщенным вертикальным бортиком, миски с округлым туловом и рифлением под венчиком типа «мегарских» чаш; конической формы с загнутым краем и уступом под венчиком на внешней стороне. Более широкое распространение получают миски с перегибом тулова, некоторые имеют по две фигурные ручки, прикрепленные к тулову у перегиба. Появляются бокалы на узкой полый ножке, кувшины с раструбообразно отогнутым венчиком, кувшины с четко выделенной цилиндрической горловиной двух типов: с узкой с венчиком в виде валика, и широкой с резко отогнутым слегка свисающим венчиком горловиной: кратеры на полой поддоне с яйцевидным туловом. На поселении Султанабад-I и городище Кургантепе найдены поддоны. Но сосуды лучшей сохранности последних вв. до и первых вв. н. э. имеются среди подъемного материала с поселений Баткен-II и Субаши в ЮЗ Фергане (7, рис. 91, 34, 35; 92, 1, 4). В красноангобинированной керамике встречается прочерченный орнамент в виде заштрихованных сеток, завитков, стилизованного дерева, порой в сочетании с птицами. Этот орнамент в первые вв. н. э. становится характерным для керамики Ферганы (рис. 3).

Лепная керамика отличается большим разнообразием ручек. Наиболее характерны пластинчатые горизонтально или вертикально прикрепленные под венчиком; в виде конусовидных бугорков; полукруглых валиков, типичных и для первого периода. Все эти виды ручек характерны для сосудов открытых форм. Для закрытых, например кувшинов, использовался другой тип ручек — дуговидной формы, округлые в сечении, выступающие над венчиком. Выделяются варианты с продольным желобком, а также с конусовидным выступом в верхней или нижней части ручки.

В рассмотренных комплексах наряду с местными типами, имеющими генетические связи с памятниками эпохи раннего железа Ферганы —Эйлатаном (8, с. 111, 162, табл. XXXVIII, 14, 15, 19, 20; 9, с. 190, рис. 2,1–7, с. 191, рис.5, 1,3,

4) и Кайраккумскими (10, с. 49, рис. 4,1–8), — выделяются совершенно новые типы с явным эллинистическим влиянием. Это описанные в первом комплексе типы гончарных мисок 1 2 5, б, 8, во втором комплексе — миски типа «мегарских» чаш, миски с округлым туловом с вогнутым вовнутрь венчиком в виде валика, миски цилиндрической формы мягких очертаний, кувшины, кратеры, вазы на полый ножке. В лепной керамике: вазы на полый ножке, ручки кувшинов с конусовидным отростком, с продольным желобком. Многие из них имеют соответствие в эллинистической; керамике Согда — в Афрасиабе периода II (последняя четв. IV–рубеж II–I вв. до н. э. (13)). Аналогичные первому этапу миски типов 1, 3, 4 были широко распространены в раннеантичное время на обширной территории: Согд, Хорезм, Маргиана (11, с. 34, рис.3, 4; с. 38, рис. 5, 2, 13, 17, 20, 24–27, рис. 8, 7а; 12, с. 110 ел., рис. 12, 14, рис. 17, 10, 11, 22, 23). Второй тип мисок восходит к более раннему времени (13, рис. 2; 14, с. 16, рис. 2, 4). Глубокие миски типа 4 имеют широкие аналогии в памятниках джетыясарской культуры — в нижних слоях Кара-Асара, Домалокасара и др. (15, рис. 11, 5–7. 44, 45), датировка которых теперь удревнена до середины I тыс. до н. э. (16, с. 46; 17, с. 171). Следует отметить, что тип мисок с перегибом в центре тулова в других областях Средней Азии не имел такого широкого распространения, как в Фергане. Широкие аналогии этим мискам ведут в позднеахеменидский Иран — Персеполь (20, табл. III). На юге этот тип мисок доходит до Таксилы, Чарсады, верховьев Ганга (13, с. 75, рис. 10). Тип мисок с бортиком, заканчивающимся закругленным валиком, в других местах Средней Азии не отмечен. Отдельные типы мисок, в частности, с перегибом тулова, с округлым туловом и плавно отогнутым венчиком и с рельефным валиком под венчиком, на тулове, видимо, своим прототипом имели ахеменидские металлические изделия, аналогичные фиале из позднеахеменидского погребения из Суз, датированного монетами 331 г. до н. э. и серебряные чаши конца VI–V вв. до н. э. из Приуралья (18, с. 209 сл, рис. 1, 2, 5; 19, с. 81).

Исследователями уже отмечалось влияние ахеменидских металлических изделий на формирование местных форм керамики Средней Азии (21, с. 189 сл.; 13), Кавказа (22). Миски с вогнутым во внутреннюю сторону краем с ангобными полосами вдоль венчика, кубки со сферическим туловом др. были широко распространены в Северном Причерномо-

рье в IV–III вв. до н. э. (23, с. 261, рис 15, 6–10). Прием украшения сосудов полосами красного ангоба или краски был широко распространен в эллинистическом мире. Центром изготовления их с VI до середины V вв. до н. э. были самосские мастерские (24, с. 31 сл.).

Описанные типы сосудов второго комплекса находят аналогии в раннеантичной керамике как Центрального, так и Южного Согда, напр. в Еркургане в комплексе А III–II вв. до н. э. (25, с. 42 сл., 66, рис. 22,5–8, 16, 22, 23; 23,7), в Афрасиабе конца IV–II вв. до н. э. (13, рис. 4,1, 14, с. 71). В Маргиане они встречаются в слоях III–II вв. до н. э. (26, с. 45, рис. 1, 13; 27, рис. 21, 7, 15, рис. 23, 2, 51). Ручки кувшинов с желобком, кубки на узкой полой ножке с рельефной полосой встречаются на Афрасиабе в слоях III–I вв. до н. э. (11, с. 32; 28, рис. 13,9). Аналогии «мегарских» чаш имеются на Афрасиабе. Здесь они появляются в середине периода II (конец IV–II вв. до н. э.), а в третьем периоде исчезают (13, с. 66, рис. 1, 2; 3, 12–15). В областях Средиземноморья «мегарские» чаши производились со второй пол. III в. до н. э. (13, с. 66), но их массовое изготовление относится к концу III – нач. I вв. до н. э. (29, с. 250). С другой стороны, отчетливо выявляются связи с памятниками Нижней Сырдарьи — с джетысарскими комплексами I и II этапов. Это миски с резко отогнутым наружу венчиком и кувшины с таким венчиком, почти цилиндрической горловиной и ручкой с коническим выступом в верхней части (15, рис. 3, 17–19, 27; 15, 55, 84, 225). Отдельные находки подобных ручек происходят из слоя переходного комплекса II/III Шаштепа, датируемого нач. II в. до н. э. Они существуют только в начале периода, и считаются импортом из Ферганы (30, с. 51, 52, рис. 2, 14). У сарматов Поволжья аналогичные ручки появляются в последние вв. до н. э., и становятся массовым материалом в I в. до н. э. (31, с. 70). Происхождение их, как и ручек с желобком, связано с Ираном (32, с. 19; 33, с. 106, 107, табл. XXIV). Последние имеются в позднеахеменидских памятниках долины Персеполя (20, табл. III, I, V). Прослеживается связь со скифским миром южнорусских степей в формах металлических сосудов из курганов V–IV вв. до н. э. (34, табл. XXXI, 339, 738, 785, 786; XXXIII, 784). Наши лепные кубки напоминают серебряные сосуды IV в. до н. э. из кургана Солоха, правда, в отличие от них, у наших чаще встречаются вертикальные, а

не горизонтальные пластинчатые ручки, и эта деталь сближает их с керамикой усуньских могильников Киргизии III–I вв. до н. э. (35, с. 170 сл., рис. 40, 43).

По аналогиям I и II комплексы керамики можно датировать IV–I вв. до н. э., а рубеж между ними можно относить к концу III – нач. II вв. до н. э. Следует также отметить, что распространение красного ангоба по всей Средней Азии, вплоть до севера, относится к концу IV в. до н. э. (12, с. 84; 15, с. 68). Красный ангоб с лощением широко применялся в IV–II вв. до н. э. на Афрасиабе (11, с. 49).

Резкое изменение в керамическом производстве по всей Средней Азии в раннеантичное время не может быть объяснено одним только культурным влиянием. Это связывается с походами на Восток Александра Македонского (13, с. 76), когда в движение пришли огромные массы населения. Тесные культурные связи Среднеазиатских областей с южными соседями существовали и раньше, что нашло отражение в материальной культуре (13, с. 75), в частности в искусстве «звериного» стиля саков Семиречья, возникшем под сильным влиянием искусства Передней Азии (36, с. 75). Мы полагаем также, что какие-то контакты могли иметь место со скифами Северного Причерноморья. В центральной Индии, в Таксиле, Чарсаде, в верховьях Ганга — есть очень близкие аналогии Ферганским чашам с перегибом тулова. Примечательно, что характерный для керамики Ферганы процарапанный по ангобированной поверхности орнамент известен и в Центральной Индии в долине Ганга на сосудах первых вв. н. э. (37, с. 30 сл.), именно в тот период, когда этот орнамент достигает своего расцвета в Фергане.

1. Заднепровский Ю. А. Фергана. – Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР. М., 1985.
2. Гаврюшенко П. П. Кулунчакское укрепленное поселение.–Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1970.
3. Латынин Б. А. Эйлатанская расписная чаша.– К.СИИМК, вып. 80, 1960.
4. Горбунова Н. Г. К вопросу о датировке комплексов с шурабашатской керамикой в Восточной Фергане. – АСГЭ, вып. 18, 1977.
5. Горбунова Н. Г. Кугайско-карабулакская культура Ферганы.– СА, 1983, № 3.
6. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая.– МИА, № 26, 1952.
7. Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960.
8. Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы.– МИА, № 118, 1962.
9. Оболдуева Т. Г. О датировке стен Эмлатана.– СА, 1981, № 4.

10. Литвинский Б. А. Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956 г. – Археологические работы в Таджикистане в 1956 г.– Труды АН Тадж. ССР, т. 91, 1959.
11. Шишкина Г. В. Керамика конца IV–II вв. до н. э. (Афрасиаб-II).– Афрасиаб, вып. III. Ташкент, 1974.
12. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода.– Тр. ХАЭЭ, т. IV. М., 1959.
13. Шишкина Г. В. Эллинистическая керамика Афрасиаба.– СА, 1975, № 2.
14. Усманова З. И. Новые данные по археологической стратиграфии Эрк-Калы.– Тр. ЮТАКЭ, т. XIV, Ашхабад, 1969.
15. Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии нашей эры.– Тр. ХАЭЭ, т. VII. М., 1971.
16. Левина Л. М. Новые исследования памятников джетысарской культуры в восточном Приаралье. В сб.: Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975.
17. Левина Л. М. Среднеазиатские связи джетысарской культуры в первой половине I тысячелетия н. э.– Культура и искусство Древнего Хорезма. М., 1981.
18. Иессен А. А. Ранние связи Приуралья с Ираком.–СА, XIV, 1952.
19. Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
20. Sumner W. M. Achaemenid Set lament in the Persepolis Plain.– AJA. 1986, Vol. 90:1.
21. Кабанов С. К. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб.– СА, 1960, № 2.
22. Тирацян Г. А. Некоторые черты материальной культуры Армении и Закавказья V–IV вв. до н. э.– СА, 1964, № 3.
23. Кастанаян Е. Г. Археологическая разведка на городище Парфений в 1949 году.– МИА, № 85, 1958.
24. Онайко Н. А. Античный импорт в Среднем Приднепровье.– СА, 1960, № 2.
25. Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х. Ер-Курган. Ташкент, 1984. 26
26. Рутковская Л. М. Античная керамика древнего Мерва.– Тр. ЮТАКЭ, т. XI. Ашхабад, 1962.
27. Усманова З. И. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-Кала.– Тр. ЮТАКЭ, т. XII. Ашхабад, 1963.
28. Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб.– Афрасиаб, вып. II. Ташкент, 1973.
29. Блаватский В. Д. История античной расписной керамики. М., 1953.
30. Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
31. Абрамова М. П. О керамике с зооморфными ручками.– СА, 1969, № 2.
32. Абрамова М. П. О происхождении северо-кавказской керамики с зооморфными ручками. В сб.: Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
33. Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
34. Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV– II вв. до н. э.– САИ, вып. ДІ – 27, 1970.
35. Воеводский М. В., Грязное М. П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР.– ВДИ, 1938, № 3.

36. Акишев К. А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978.
37. Sharna G. Negi G. The Saka-Kushans in the Ganga Valley. – Central Asia in the Kushan period, vol. 2. Moscow, 1975.

*Н. Е. Берлизов*

### САРМАТЫ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Появление среднесарматской или сусловской археологической культуры знаменуется взрывообразным распространением в погребальном инвентаре изделий восточного производства. Такие инновации отмечаются в вооружении, украшениях, туалетных наборах. Это обстоятельство позволило ряду археологов связать образование сусловской культуры с притоком в Волго-Донские степи кочевого населения из Закаспия. Пришельцев принято отождествлять с аланами

(1; 2; 3).

Мы поставили задачей выявить круг хронологических индикаторов сусловской культуры восточного происхождения, уточнить их датировку, картировать и попытаться по данным письменных источников определить те события, с которыми можно связать эту необычную «волну» инноваций в материальной культуре.

Решение первой части этой задачи позволило установить, что с Востоком в среднесарматских погребениях связывают находки фрагментов шелка, зеркала китайского и бактрийского производства, украшения в т. н. «бирюзово-золотом» стиле, мраморные и алебастровые сосудики с ручками-налепами в виде львов, кинжал с навершием в виде волют, кинжалы с богато украшенными золотом и бирюзой рукоятями и ножнами.

Недавно нашли свое объяснение так называемые «битумные лепешки» они же «комки вара», «смола»). Анализ в лаборатории МВД г. Пятигорска показал, что они являются сырцом-опием с Памира (4).

Работа над датировкой всех изделий облегчалась частой их встречаемостью с хорошо датированными изделиями италийского и малоазиатского производства, а китайские зеркала сами по себе являются надежным датирующим материалом. Частой находкой стали ханьские зеркала «восьмиарочного типа» (5, с. 102). Они встречены в Прикубанье

в кург. 43 у ст. Казанской (6, с. 83 сл.); на Нижнем Дону у хут. Виноградный, (7, рис. 1, 4); у с. Третьяки, (3, PL, 76); на Волге у с. Старая Полтавка в кург. Е 25 (8, с. 76, рис. 26). Все они относятся к варианту зеркал с надписью, который появился в 80-е гг. до н. э. и бытовал до первых лет н. э. (5, с. 102). Зеркала именно этого типа происходят из погребений 2, 3 и 6 в Тилля-Тепе, датируемых в промежутке между 38 г. до н. э. и 21 г. н. э., судя по найденным там монетам (9, с. 56 сл.).

Зеркала из сарматских погребений сочетаются с изделиями, позволяющими сузить их датировку. С первым из них встречена серебряная полусферическая чаша с ручкой в виде птицы. Такая же чаша, но изготовленная из золота, происходит из погребения первой пол. I в. н. э. в к. 28 у с. Жутово (10, рис. 58,1). Второе найдено вместе с италийской бронзовой кружкой типа «Орнавассо-Кьерумгард» но Й. Грауе или типа «Д» по И. Вернеру, которая относится к концу II – первой пол. I вв. до н. э. (11, с. 245; 12, с. 52). С третьим обнаружен бронзовый ковш типа 140 по Х. Эггерсу, датируемый периодом  $V_{1a}$  или 10–40 гг. н. э. (13, ill. 2,4).

Зеркальце типа „ssu ju-ssu-hui“ обнаружено в районе г. Херсона. Фрагмент такого же зеркала и один целый экземпляр происходят из Кобяковского могильника, где встречены в кург. 1 и 10 (3, PL 46,4; 14, с. 47). В Китае и Средней Азии такие зеркала датируются второй пол. I в. до н. э. (5, с. 103), однако на Дону с ними встречены бронзовая кастрюлька типа 144 по Х. Эггерсу, датируемая периодом  $V_2$  или 80–170 гг. н. э. (13, ill. 2, 4) и сосуд в виде барана, находящийся аналогии в погребениях II в. н. э. из ст. Тифлисской (6, с. 67, рис. 135), Ростова-на-Дону (3, PL 49, 9), с. Олонешты (15).

Зеркало из могильника Лебедевка в Западном Казахстане отнесено к типу TLV и датировано рубежом I-II вв. н. э. (16, с. 84, рис. 2, 3). Другое зеркало из этого могильника и зеркало из IV группы могильника Комсомольский в Башкирии относятся к типу восьмиарочных без надписи, или *ming kuang*, и датируются рубежом I-II н. э. (16, рис. 1, 4; 17, Табл. LIV, 6). Синхронно им зеркальце неустановленного типа из Кисловодской котловины, найденное с сильнопрофилированной фибулой варианта 1–2 по А. К. Амброзу (18, с. 40 сл.).

Таким образом, китайские зеркала попадали в сарматские погребения двумя «волнами»: во второй пол. I в. до н. э. – нач. I в. н. э. и на рубеже I–II вв. н. э.

Зеркало «бактрийского» типа, алебастровые сосудики и кусочки сырца-опия встречены в богатых кубанских курганах у хут. Зубовского, Песчаного, г. Армавира, ст. Михайловской, Новокорсунской, Тбилисской, г. Новокубанска (19; 6; 20; 21; 22). Зубовский и Армавирские комплексы убедительно датированы И. И. Гущиной и И. П. Засецкой второй пол. I в. до н. э. – первой пол. I в. н. э. (23, с. 88). Бронзовая фибула позднелатенской схемы и патера типа «Хагенов» по Х. У. Нуберу позволяют датировать погр. 25 кург. 9 у ст. Михайловской нач. I в. н. э. (20; 24, 38–45; 13, ill. 4). Патера того же типа и серебряный сосуд с тамгой боспорского царя Аспурга позволяют датировать нач. I в. н. э. погр. 14 кург. 2 из Михайловской (25, рис. 4, 2а, 5). Ко второй пол. I в. до н. э. в целом относятся датирующие вещи из погр. 10 кург. у хут. Песчаного (22, № 173, 174, 216 – 218). Суммарная датировка этих комплексов – вторая пол. I в. до н. э. – нач. I в. н. э. В эти же рамки укладываются комплексы из Соколовой Могилы и кург. 55 Калиновского могильника (26; 27, с. 403–405), содержавшие «бактрийские» зеркала, мраморный и алебастровые сосудики с ручками-налепами в виде львов.

Ранние изделия «бирюзово-золотого» стиля и кинжал, украшенный золотой аппликацией, найдены на Кубани в курганах Курджипском, у Зубовского хут., ст. Воздвиженской и у ст. Усть-Лабинской (23, табл. III, 32, XI, 119, 124; 6, рис. 163–168). Второй пол. I в. до н. э. или его серединой датировали первый из указанных комплексов И. И. Гущина и И. П. Засецкая (23, с. 87). Воздвиженское погребение они относят к рубежу эр (23, с. 88). В Усть-Лабинском кург. 29 найден бронзовый составной светильник, датируемый Д. С. Герцигер временем Августа; не противоречит этой Датировке и остальной инвентарь погребения (28, с. 97 сл.).

Поздние изделия в «бирюзово-золотом» стиле представлены в курганах Прикубанья, Нижнего Дона, на Волге и на Украине. Донские погребения убедительно датированы в работе Б.А. Раева концом I–нач. II вв. н. э. (3) на основании найденных в них бронзовых и серебряных изделий италийского и малоазийского производства. В Прикубанье такие изделия оказались в погребениях конца I – нач. II вв. н. э. в разработанной автором данной работы системе хро-



нологии катакомб Северного Кавказа (19, Табл. 1 и 2). На Нижней Волге такие изделия представлены в кургане 12 у с. Никольское (29, с. 98, рис. 22). Патера типа «Миллинген» по Х. Нуберу из этого погребения относится к периоду В<sub>2</sub> европейской хронологии (13, ill.4). На Украине в Винницкой области украшения в «бирюзово-золотом» стиле с тамгами ольвийского царя Инисмея, правившего в 80-е гг. н.э. (30, с.24) встречены в погребении у с. Пороги.

Таким образом оказывается, что часть импортов попала в сарматские степи во второй пол. I в. до н. э. – нач. I в. н. э., после чего наступил примерно полувековой перерыв, сменившийся таким же по продолжительности периодом притока восточных изделий. Картирование находок исследуемых изделий дает следующий результат:

Импорты первой хронологической группы располагаются на карте своеобразной цепочкой. Она начинается в районе верховьев Кубани, продолжается в междуречье Кубани и Лабы, степном Прикубанье, Нижнем Дону. Далее цепочка раздваивается: к западу продолжается в степном Причерноморье, а к востоку – в Заволжье от большой излучины Дона до Самарской Луки, далее – в междуречье Большого и Малого Узеней. Эту цепочку можно продолжить и далее на Восток в предгорья Копет-Дага, Ташкентский оазис, Фергану. Несколько юго-западнее ферганской группы расположен некрополь Тилля-Тепе. Памятники Средней Азии в работе специально не рассматриваются, но и там во второй пол. I в. до н. э. – нач. I в. н. э. распространяются ханьские и «бактрийские» зеркала (5, с. 81 сл., 101 сл.) I китайские медные монетки у-шу (34).

Памятники второго периода, намеченного нами, также расположены цепочкой, начинающейся в Кисловодской котловине, продолжающейся в Прикубанье, на Нижнем Дону. Далее одна ее ветвь идет в Причерноморье, а вторая на Восток через Нижнее Поволжье, Южное Приуралье в Фергану. На последнем участке отмечены отдельные находки северопричерноморских фибул рубежа I–II вв. н. э. в Северном Казахстане (31, Табл. 4, 8), и на Устьюрте (32, Рис. 40), боспорского стеклянного бальзамария типа II-I по Н. З. Куниной и Н. П. Сорокиной в могильнике Ханалы на Устьюрте (33, с. 164-166; 32, Рис. 36, 26)

Западный импорт в Средней Азии отмечается и для первого из рассматриваемых этапов. Так в Джунском могиль-

нике найдена фибула типа «Аукисса» (35, Рис. 4,11), в Лявандакском и орлатском могильниках лировидные «маркоманские» пряжки (36, рис. 12; 14, рис. 54). В Тилля-Тепе обнаружена золотая монета императора Тиберия (9, с. 83).

Все эти находки без особых отклонений расположены на трассе, начинающейся в Восточном Туркестане и проходящей через Фергану, вдоль рек Зерафшан, Аму-Дарья, Узбой, далее к низовьям Узеней, Самарской Луке и по заволжской степи до нынешнего Волгограда. Эта трасса пересекает Волгу и спускается к низовьям Дона, откуда продолжается через Прикубанье, Восточное Закубанье в район Санчарского и Клухорского перевалов. От Нижнего Дона к западу до дунайских границ Римской империи тянется ответвление этой трассы.

Хронологические индикаторы Суловской культуры представлены лишь в предшествующем ее появлению и завершающем ее развитие периодах. Эти изделия распределяются вдоль некой, описанной выше, трассы, чаще всего в могильниках у переправ через крупные реки или у перевалов. Создается впечатление, что они маркируют какой-то путь, существовавший в древности.

В византийских источниках упоминается трасса, в деталях совпадающая с той, вдоль которой расположены рассматриваемые нами находки. По этой трассе в VI в. н. э. прошли несколько посольств: согдийских и византийских, в том числе посольство некоего Земарха, возвращавшегося через Аланию от тюрок (37, с. 72; 25, с. 134 сл) При этом известно, что Земарх двигался по северокавказскому участку Шелковой дороги (25, с. 134). Предполагается, что и вся, описанная нами трасса, служила в VI в. одним из маршрутов Великого шелкового пути (37).

Обращение к источникам римского времени позволяет установить, что и за 500 лет до Земарха маршрут, по которому он проехал, также является караванным путем. Торговля Рима с Китаем началась в 36 г. до н. э. (38, с. 171 сл. 1), но уже начиная со 106 г. до н. э. китайские караваны пытались пробиться на запад через Давань (Фергану) по некоему Северному пути. Известно, что с 23 по 74 гг. н. э. этот Северный путь бездействовал, в связи с утратой империей Хань Восточного Туркестана, через который шли караваны на запад (39, с. 32), В 74 г. Бань Чао отвоевал для Китая Восточный Туркестан, и вплоть до утраты его в 127 г, по Северному пути вновь шли китайские караваны

(39, с. 32, 82). Вполне вероятно, что китайские караваны в 36 г. до н. э. – 23 г. н. э. и в 74 — 127 гг. н. э. двигались именно по тому пути, который известен нам для эпохи средневековья. В этом случае обе волны восточного импорта из 3 среднесарматских памятников увязываются с торговой деятельностью китайских купцов. На обратном пути они могли торговать малоазиатским стеклом и серебром и италийскими бронзами. И то, и другое можно было приобрести в римской Сирии, куда, вероятно, и двигались китайские караваны.

Вероятно, в торговой деятельности китайцев значительную роль сыграли сарматские племена. Именно с ее началом появляются в сарматских погребениях импорты из Китая и Средней Азии. Параллельно происходило перемещение отдельных сарматских племен на восток, по крайней мере, в Туркмении появляются погребения в катакомбах-«чулках», аналогичные прикубанским и нижнедонским, а в Степном Прикубанье отмечено резкое сокращение мужского населения.

Вероятное вторжение сарматов из Прикубанья и междуречья Маньча и Сала в западные районы Средней Азии позволило китайским караванам продвигаться на Запад от Ферганы и попадать в пределы римского влияния прежде всего на Ближнем Востоке. Сарматы могли получать импортные изделия от китайских купцов в порядке обмена, но на наш взгляд, большая часть попадала к ним в качестве платы за пропуск караванов через свою территорию, за конвоирование в пути. Последнее позволяло сарматам не только получать солидную мзду, но и разведывать пути для новых набегов. При этом они обогащались с обеих сторон двигаясь в Рим, китайцы везли зеркала, шелк, опий, украшения в бирюзово-золотом стиле; при возвращении именно они могли везти сарматам стеклянные скифосы, бронзовые кружки, патеры, сковородки, серебряные и золотые кубки.

Завершая нашу работу, отметим следующее обстоятельство. Хорошо зная обстановку у своих северных и западных соседей, китайцы зафиксировали появление на политической карте страны А-лань-на (или А-лан или Аланья) только в 225 г. н. э. на месте владения Яньцай у Северного моря (40, с. 121). Существование владения Яньцай отмечено ими еще в 25 г. до н. э. (40, с. 6). Если бы такая важная перемена во внешнеполитической обстановке случилась в тот период, когда по Шелковому пути двигались китайские кара-

ваны, это немедленно нашло бы отражение в китайских документах. Однако, это происходит после возобновления в III в. н. э. движения караванов на Запад. Таким образом, можно предположить, что вторжение алан в междуречье Тона и Волги произошло уже после 127 г. н. э. (возможно, оно и прервало движение китайских караванов), что находит подтверждение и в краниологическом материале, и в ономастике Танаиса. Волну же (а точнее – ручеек) восточного импорта в среднесарматское время на наш взгляд целесообразнее соотнести с торговой деятельностью китайских купцов.

1. Раев Б. А. Аланы в Евразийских степях; восток-запад.– Скифия и Боспор Археологические материалы и конференции памяти ак. М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
2. Скрипкин А. С. Археологические и исторические данные о появлении алан в Восточной Европе.– I КАК Краснодар, 1989.
3. Raev B. A. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR, Int. Ser.278, Oxford, 1986.
4. Фоменко В. А. О смолонидном веществе в погребениях I–VII вв. из района Пятигорья.– Студенческие археологические открытия. Грозный, 1989.
5. Литвинский Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.
6. ОАК за 1901 г. СПб., 1903; ОАК за 1902 г. СПб., 1904.
7. Косыненко В. М., Максименко В. Е. Комплекс вещей из сарматского погребения у хутора Виноградный на Нижнем Дону.– СА, 1989, № 1.
8. Синецын И. В. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья.– СА, вып. VIII, 1946.
9. Сариниди В. И. Храм и некрополь Тилля-Тепе. М., 1989.
10. Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
11. Graue J. Die Gräberfelder von Ornavasso.– HVA, B. 1, 1974.
12. Werner J. Die Bronzekanne von Kelheim.– BVbl., 1954, 20
13. Shchukin M. B. Rome and the Barbarians in Central and Eastern Europe. BAR, Int. Ser., 54 2. Oxford, 1980.
14. Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля. Итоги работ Узбекской искусствоведческой экспедиции. Ташкент, 1989.
15. Мелюкова А. И. Сарматское погребение у с. Оленешты.– СА, 1962, № 1
16. Мошкова М. Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане.– КСИА, вып. 170, 1982.
17. Пшеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала.– М., 1983
18. Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э.– IV в. н. э.).– САИ, вып. Д1-30, 1966.
19. Берлизов Н.Е. О хронологии и толковании погребений типа "Золотого кладбища". (В печати)

20. Каминская И. В., Каминский В. Н., Пьянков А. В. Сарматское погребение у ст. Михайловской (Закубанье). – СА, 1985, № 4.
  21. Тарабанов В. А., Кондрашов А. В. Раскопки курганов в станице Старокорсунской. – АО за 1985 г. М., 1987.
  22. Шедевры древнего искусства Кубани. М., 1987.
  23. Гущина И. И., Засецкая И. П. Погребения зубовсковоздвиженского типа из раскопок Н. И. Вселовского в Прикубанье (I в. до н. э. – начало II в. н. э.) Тр. ГИМ, вып. 70, 1989.
  24. Nuber H. U. Kappe und Griffschale – BRGK, 53, 1973.
  25. Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М., 1984.
  26. Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге Киев, 1986.
  27. Шилов В. П. Калиновский курганный могильник. – МИА, № 60, 1959.
  28. Герцигер Д. С. Античные канделябры в собрании Эрмитажа. – ТГЭ, вып. XXIV, 1984.
  29. Засека И. П. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье. – ТГЭ, вып. XX, 1979.
  30. Гросу В. И. Хронология памятников сарматской культуры днестровско-прутского междуречья. Кишинев, 1990.
  31. Максимова А. Г. Предметы эпохи ранних кочевников в центральном музее Казахстана. – Тр. НИИАЭ, Т. I, Алма-Ата, 1956.
  32. Юсупов Х. Древности Узбоя. Ашхабад, 1986.
  33. Кунина Н. З., Сорокина Н. П. Стекланные бальзамарии Боспора. – ТГЭ, вып. XIII, 1972.
  34. Горбунова Н. Г., Ивочкина Н. В. Монеты ушу из могильников Ферганы. – СГЭ, вып. 53, 1988.
  35. Оболдуева Т. Г. Курганы на р. Джун. – СА, 1988, № 4.
  36. Обельченко О. В. Лявандакский могильник. – ИМКУз, Вып. 2, 1961.
  37. Иерусалимская А. А. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. – СА, 1967, № 2.
  38. История древнего мира, кн. 3. М., 1989.
  39. Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. – МИА, № 136, 1966.
  40. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Сочинение монаха Иакинфа, ч. III. СПб., 1851.
- Карта 1.** Археологические свидетельства первого этапа функционирования Великого Шелкового Пути (36 г. до н. э. – 23 г. н. э.). 1– Ханьские зеркала; 2– Бактрийские зеркала; 3– Огий; 4– Кинжалы типа Тилля-Тепе; 5 – Мечи с бронзовыми перекрестиями; 6– Алябастровые сосудики; 7– Малоазийский и западный импорт; 8– Изделия в «бирюзово-золотом» зверином стиле; 9– Монеты У-шу.
1. Тилля-Тепе; 2. Лявандак; 3. Орлат; 4. Пархай; 5. Псекент; 6. Вревская; 7. Чорку № 1; 8. Хангиз; 9. Хас-Кяриз; 10. Кара-Булак; 10а. Ширин-Сан; 11. Кенкол; 12. Кара Оба; 13. Мечет-Сай; 14. Суслы; 15. Политотдельское; 16. Калиновка; 17. Виноградный; 18. Алитуб; 18а. Новокорсунская; 19. Ново-Филипповка; 20. Запорожье; 21. Золотая Балка; 22. Соколова Могила; 23. Неаполь Скифский; 24. Казанка; 25. Тифлисская; 26. Новокубанск; 27. Михайловская; 28. Зубовский хут.; 29. Песчаый; 30. Армавир; 31. Усть - Лабинская; 32. Мостовой; 33. Подкумок; 7а. Джун.

Трасса Великого Шелкового пути в IV в. (путь Земарха по свидетельствам Меландра).

**Карта 2.** Археологические свидетельства второго этапа функционирования Великого Шелкового Пути (74-127 гг. н.э.)

Условные обозначения аналогичны приведенным на карте 1.

1. Кайрагач; 2. Ворух; 3. Чорку I; 4. Урюкзор; 5. Кара – Бурлак; 6. Келькор; 7. Лебедевка; 8. Пос. Комсомольский; 9. Старая Полтавка; 10. Никольское; 11. Курганы круга «Хохлача»; 12. «Золотое кладбище»; 13. Горгиппия; 14. Кисловодское озеро; 15. Траяны; 16. Пороги.

*Е. Я. Туровский*

### К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ IOSPE, I<sup>2</sup>, № 403

Скудность письменных источников, почти не отразивших перипетии греко-варварских конфликтов в Северном Причерноморье, придает особую значимость данным археологии. Наиболее ценную информацию в этом вопросе способны представить археологические комплексы поселений хоры греческих государств, поскольку эти памятники наиболее часто становились жертвами происходивших катаклизмов;

Широкомасштабные исследования усадеб и поселения Европейского Боспора (1; 2), Ольвии (3; 4; 5), Херсонеса (6; 7; 8), широко проводившиеся в последние десятилетия, привели ряд исследователей к выводу о том, что около конца первой трети III в. до н. э. все эти территории подверглись сокрушительному разорению, очевидно, со стороны скифов.

Полученные в ходе раскопок данные позволяют по-новому взглянуть на некоторые хорошо известные эпиграфические документы, в том числе на известную херсонесскую надпись «о продаже земли».

Эта сильно поврежденная надпись на мраморной плите (IOSPE, I<sup>2</sup>, №403) была найдена в конце XIX века в районе главной площади Херсонеса. В. В. Латышев, впервые опубликовавший надпись, отказался от ее перевода, ограничившись подробным комментарием, отметив, что по характеру написания ее можно датировать широко – III в. до н. э. Однако присутствие в надписи имени Гимна, сына Скифа, способно уточнить ее датировку, поскольку херсонеситс таким именем и отчеством назван в списке дельфийских проксенов за 195/4 г. до н. э. (IOSPE. I<sup>2</sup>, с. 333).

Большое внимание надписи «о продаже земли» уделил В. Д. Блаватский. Он принимал датировку надписи, предложенную В. В. Латышевым, но пошел гораздо дальше в интерпретации ее текста. По мнению исследователя, можно предполагать, что в Херсонесе происходило разорение части землевладельцев и связанная с этим концентрация земель в руках отдельных граждан (9, с. 34).

Мнение В. Д. Блаватского о характере текста надписи нашло поддержку со стороны видного исследователя херсонесской хоры С. Ф. Стржелецкого, который полагал, что концентрацию земель в руках богатых подтверждает факт уменьшения числа усадеб на Гераклеяском полуострове во II в. до н. э. (10, с. 134).

Счастливая находка в ходе раскопок Херсонеса новых фрагментов надписи «о продаже земли» вновь привлекла внимание исследователей к этому интересному памятнику. Публикация этих фрагментов сопровождается новой интерпретацией текста надписи (11). При всех расхождениях, исследователи признают, что в надписи речь идет или о продаже, или об аренде земельных участков на херсонесской хоре. Остается выяснить, когда подобные процессы в Херсонесском государстве могли иметь место.

По мнению Э. И. Соломоник и Г. М. Инколаенко, ширококомасштабная продажа или аренда земельных участков в Херсонесе, отраженная в надписи, происходила еще в первой пол. III в. до н. э. (11, с. 96 сл.). Важное место в аргументации этого вывода уделено сравнительному анализу имен надписи и имен, известных из херсонесской керамической эпиграфики и нумизматики. Однако, на наш взгляд, та кой метод для определения хронологии эпиграфического памятника вряд ли можно признать продуктивным. Толь полное имя с отчеством, представленное в двух или более памятниках, может быть принято в расчет. Имен с отчества ми херсонесская нумизматика не дает, что же касается керамической эпиграфики Херсонеса, таких – два.

Имя Гимна, сына Скифа, как уже отмечалось, известно из надписи самого нач. II в. до н. э. По мнению В. И. Каца, это же лицо выполняло обязанности астинома ок. 215 г. до н. э. (12, с. 104). Имя Невмения Филистпева известно среди астиномов группы 2-А, по классификации херсонесских клейм В. И. Каца. Их деятельность приходилась на конец 70-х – 60-е гг. III в. до н. э. (12, с. 105).

Как видно, хронологический разрыв между деятельностью двух астиномов составляет ок. половины столетия Э.И.Соломоник и Г. М.Николаенко, основывая свою датировку надписи, полагают решающим присутствие в ней имени Невмения Филистиева, которого они отождествляют с одноименным астиномом. Что касается Гимна надписи, то он объявляется, скорее всего, дедушкой дельфийского проксена и херсонесского астинома (11, с.91). Однако, следуя подобной, логике, вполне возможно поменять местами дедушек и внуков. Тогда Невмений надписи становится внуком одноименного астинома, а Гимн надписи отождествляется с дельфийским проксеном и херсонесским астиномом. Надпись в этом случае должна датироваться в пределах последней трети III в. до н. э.

Теоретически нельзя исключать также и то, что как Невмений, так и Гимн тождественны одноименным астиномам, не оспаривая при этом хронологию клейм и учитывая абсолютную датировку дельфийской надписи. В самом деле, если Невмений занимал должность астинома в начале своей карьеры, в достаточно молодом возрасте, то надзирать за столь ответственным делом, как перераспределение государственного земельного фонда, вполне могли выбрать человека опытного, в пожилом возрасте. Тогда как Гимн, будучи в 195 г. человеком, по-видимому, весьма самостоятельным, мог в это время быть уже в преклонном возрасте (12, с. 104; 13, с. 146). Вполне допустимо предположить, что источником его состояния стала земельная собственность, приобретенная в молодости. Таким образом, пожилой Невмений и молодой Гимн вполне могли участвовать ок. 30-х гг. III в. до н. э. в распределении земли.

Итак, никаких строгих выводов на основании сравнительного анализа имен сделать не удастся. Косвенным аргументом в пользу более поздней датировки надписи могут служить 2 имени и 2 отчества, производные от имени боги-Ники, которые появляются в херсонесской керамической эпиграфике не ранее второй пол. III в, до н. э. (Гр. II-В; III- В; III-А по В. И. Кацу).

Более перспективным, представляется обращение к истории Херсонесского государства и его хоры и попытка выяснить, когда могло иметь место событие, отраженное в надписи.

По данным археологии, в последней четв. IV в. до н. э. произошло сельскохозяйственное освоение большей части Гераклейского полуострова (14. с.36). По оценкам, основанным на плане конца XVIII в. А. Строкова, число земельных наделов херсонеситов на Гераклейском полуострове было около четырехсот (10, рис. 1).

К. концу IV в. до н. э. на полуострове была создана система магистральных дорог, террасных стен и виноградных плантажей. По-видимому, на первом этапе функционирования ближней хоры Херсонеса на каждом земельном наделе находилась усадьба.

Начиная с первого десятилетия III в. до н. э., Херсонес достигает пика своего экономического подъема, становится в ряд с крупнейшими экспортерами продукции в амфорной таре (15).

Однако период политической стабильности и экономического процветания продолжается в Херсоне недолго. Уже в конце первой трети III в. до н. э. Херсонес наряду с другими эллинскими государствами Северного Причерноморья подвергается скифской экспансии (16, с. 189 сл.).

Письменные источники не сохранили информацию об этом скифском нападении, однако археология показывает его со всей очевидностью. Жертвой скифской экспансии стала, прежде всего, херсонесская аграрная территория в Северо-Западном Крыму, где в огне пожара погибают все сельские поселения и усадьбы (16).

Реальность захвата, по-видимому, существовала не только для усадеб хоры, но и для самого Херсонеса. В пользу такой возможности свидетельствует лихорадочная деятельность херсонеситов по укреплению городской фортификации. Наиболее эмоционально тяжелым, вероятно, стало решение использовать в качестве строительного материала надгробные памятники городского некрополя (17; 18, с. 116 сл.). Пришлось пожертвовать и постройками херсонесских усадеб на Гераклейском полуострове. Прекрасно обработанные монументальные блоки усадебных построек и сооружений, магистральные дороги, позволявшие без труда подвозить камень в Херсонес позволили по-видимому в кратчайший срок произвести реконструкцию херсонесской крепости.

И хотя в результате город удалось отстоять, последствия скифской экспансии для Херсонеса были самыми негативными

Стройная система херсонесской хоры перестала существовать. Постоянная угроза новых нападений варваров не позволяла вновь построить усадьбы на Гераклейском полуострове и затруднила или, скорее, сделала невозможной эксплуатацию наделов, расположенных в удалении от Херсонеса. Однако производство сельскохозяйственной продукции полностью не прекращается, о чем свидетельствует продолжающийся и в это время выпуск клейменной амфорной тары правда его объемы во второй трети III в. до н. э. сокращаются во много раз. Вероятно, в это время продолжали использоваться только ближайшие к городу наделы. Многократное сокращение сельскохозяйственного производства отразилось не только на производстве клейменной тары, но, очевидно, явилось и причиной кризиса денежного обращения в Херсонесе (19).

По-видимому, где-то в 30-е гг. III в. до н. э. происходят какие-то важные перемены в отношениях Херсонеса со скифами, по крайней мере, фиксируются все признаки стабилизации ситуации (20). Вновь возрастает выпуск клейменных амфор. На Гераклейском полуострове, как правило, на местах ранее разобранных усадеб, возводятся новые, возникает возможность использования всей площади полуострова.

Изучение усадеб Гераклейского полуострова показывает, что перерыв в их существовании в III в. до н. э. продолжается, вероятней всего, ок. 25–35 лет.

В то же время, восстановления старой структуры ближней хоры Херсонеса, очевидно, не происходит. Хотя старые 1 дороги продолжают использовать, прежнюю функцию границ между наделами они, вероятно, уже не выполняют, что подтверждается количеством вновь возведенных усадеб, которое значительно уступает числу усадеб, построенных в конце IV в. до н. э. Можно предполагать, что перераспределении земельного фонда на Гераклейском полуострове осуществлялось, очевидно, уже по иным принципам, чем первоначально. По крайней мере, если при изначальном разделе земель на каждом наделе, по-видимому, была усадьба, то при возрождении хоры во второй пол. III в. до н. э. число усадеб стало гораздо меньше числа наделов. Так, из четырех соседних наделов (№№ 25, 26, 46, 91) только на одном (№26) на месте ранее разобранный усадьбы возводится новая.

На наш взгляд, период возрождения хоры на Гераклеяском полуострове, имевший место ок. 30-х гг. III в. до н. э., – наиболее вероятная дата надписи «о продаже земли». Неизвестно, происходило ли в это время распределение выморочных наделов или всего земельного фонда. Последний вариант, на наш взгляд, более предпочтителен. Однако в любом случае продажа или сдача в аренду земель, по-видимому, была призвана поправить тяжелое финансово-политическое положение государства.

1. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
2. Масленников А. А. Крымское Приазовье в античную эпоху. – ТД науч. конф. «Проблемы античной культуры», ч. III. Симферополь, 1988.
3. Крыжицкий С. Д.; Буйских С. Б.; Бураков А. В.; Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии. К., 1989.
4. Доманский Я. В., Копейкина Л. В., Марченко К. К. Из истории Нижнего Побужья в VII–V вв. до н. э. (Березань, Ольвия, сельская округа). – ПА, вып. 2, Л., 1978.
5. Рубан В. В. Хора Ольвии в период эллинизма. – Материалы III Всесоюз. симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси 1982.
6. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
7. Яценко И. В. Крепость и сельские усадьбы херсонесцев на окраине современной Евпатории. – Путешествие в древность. М., 1983.
8. Колесников А. Б. Античные сельские усадьбы у Евпаторийского маяка. – ВМУ, 1984, № 4.
9. Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
10. Стржелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. – ХС. вып. VI Симферополь, 1961.
11. Соломоник Э. И., Николаенко Г. М. О земельных участках Херсонеса в начале III в. до н. э. (к IOSPE 1-, 403). – ВДИ, № 2.
12. Кац В. И. Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм. – ВДИ, 1985, № 1.
13. Михлин Б. Ю. К изучению херсонесских керамических клейм. – 1979, № 2.
14. Кац В. И. О времени возникновения сельскохозяйственных усадеб на Гераклеяском полуострове. – АМА, вып. 1. Саратов, 1972.
15. Кац В. И. Динамика производства керамической тары в эллинистическом Херсонесе. (в печати).
16. Щеглов А. Н. О греко-варварских взаимодействиях на периферии эллинистического мира. – Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1982.
17. Стржелецкий С. Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (Башня Зенона). – СХМ, № 4, 1969.
18. Туровский Е. Я. Хронология усадеб хоры в конце IV–III вв. до н. э. – ТД конф. «Актуальные проблемы историко-археологических исследований». К., 1987.

19. Туровский Е. Я. О хронологии серебряных монет Херсонеса конца IV – III вв. до н. э. – ТД конф. «Проблемы археологии Северного Причерноморья». Херсон, 1990.
20. Золотарев М. И. О политической ситуации в Крыму в III в. до н. э. – Скифия и Боспор. Археологические материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.

**В. П. Глебов**

#### О НЕКОТОРЫХ ТИПАХ АМУЛЕТОВ В САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ НИЖНЕГО ДОНА

Среди многих типов амулетов сарматского времени особый интерес вызывают редкие находки бронзовых подвесок в виде миниатюрных котелков и горитов. Часто оба типа амулетов сопутствуют друг другу. Они представляют собой довольно точные модели оригиналов размером не более 3–5 см. Подобные миниатюры известны также в сарматских погребениях Нижнего Поволжья, Кубани, Центрального Предкавказья. Миниатюрные котелки в оригинальном исполнении встречены в Биктимировском могильнике карабызинской культуры. Оба типа амулетов появляются в раннесарматское время и в основном исчезают к рубежу н. э. Позже этого времени датируется только комплекс у ст. Тифлиской на Кубани.

У предшественников сарматов – савроматов Нижнего Подонья-Приазовья, кочевников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья — миниатюрные котелки отсутствуют. Бытуют бляшки в виде лучков, но обычно иного типа – без горита. Поиски аналогий уводят нас далеко на восток. Глиняные, а затем и металлические миниатюрные копии котлов «скифского типа» широко распространяются в культурах Хакасско-Минусинской котловины и Тувы конца I тыс. до первых вв. н. э. (Л. Р. Кызласов 1960, 1979; А. И. Мартынов 1979). Из Хакасии происходят также и бронзовые бляшки – модельки луков, в том числе одна, изображающая лук в горите (М. А. Дэвлет 1966). Деревянные модели луков, наряду с моделями другого оружия, обнаружены в Уландрыкских курганах на Алтае (В. Д. Кубарев 1987). Миниатюрные котелки семиреченского типа встречены в пог-

ребениях кочевников Памира V–III вв. до н. э. (Б. А. Литвинский 1972). На указанных территориях традиция изготовления миниатюрных моделей оружия и посуды вообще широко распространена и имеет глубокие корни. Чаще всего миниатюры служили амулетами или заменителями настоящих вещей в погребальном обряде.

Ближайшей аналогией сарматским котелкам-подвескам являются миниатюрные бронзовые котелки таштыкской культуры Хакасии. Это точные копии больших котлов так называемого «скифского типа». Все они имеют отверстия в полых поддончиках, которые выходят внутрь самих котелков. Котелки подвешивались ножкой вверх при помощи кожаных ремешков, которые закреплялись узелком внутри сосуда. Л. Р. Кызласов, указывая на общепринятую интерпретацию таких котелков как амулетов, предлагает и иную версию. Он трактует котелки как атрибуты власти ссылаясь на этнографические параллели, а также на то, что большинство котелков происходит из склепов Уйбатского чаатоса – некрополя верховной знати таштыкского общества (Л. Р. Кызласов 1960).

Вряд ли модельки котлов служили у сарматов знаками власти. Во всяком случае, погребения, где они были обнаружены, богатством не отличаются. Скорее возможна трактовка некоторых комплексов с котелками и горитами как жреческих (шаманских).

Способы ношения подвесок у сарматов были, видимо, гораздо разнообразнее, чем у таштыкцев. Сарматские котелки чаще всего подвешивались за ручки, в одном случае котелок был скомбинирован с бронзовым литым кольцом с шишечками.

Несмотря на большое сходство и почти одновременное бытование, появление сарматских миниатюр вряд ли объясняется прямым влиянием южносибирских культур. Против этого говорит отсутствие миниатюр на промежуточных территориях и некоторые хронологические неувязки. На наш взгляд более правомерно говорить о сходном выражении каких-то общих религиозных представлений. У многих народов Сибири засвидетельствованы случаи использования лука и стрел в качестве магических культовых орудий

Изображения луков и стрел служили оберегами еще в XIX веке (М. А. Дэвлет 1966). Вероятно те же корни имеют и сарматские миниатюрные подвески-гориты.

Об использовании бронзовых котлов в ритуальных церемониях писалось неоднократно, обычно со ссылкой только на известное сообщение Геродота (IV, 60). Однако есть основания полагать, что котлы использовались не только для варки жертвенного мяса, но и во многих других ритуалах, в частности, в описанном Геродотом (IV, 73) обряде окуривания коноплей. Это, вероятно, обряд шаманского типа (Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский 1983). Данные этнографии говорят о том, что котлы в жреческой практике применялись очень широко. Несомненна связь котла с культом домашнего очага и, шире, с культом огня: известны случаи использования миниатюрных котлов в качестве курильниц. Предположение, что бронзовые котлы для многих древних народов являлись священными сосудами и их миниатюрные копии играли роль оберегов (В. П. Левашева, Э. Р. Рыгдылон 1952), кажется нам вполне убедительным.

Таким образом, миниатюрные подвески-котелки и гориты несли большую культовую нагрузку. Являясь моделями вещей, обладающих в представлении древних людей магическими функциями, они были призваны оберегать владельца от враждебных ему сверхъестественных сил.

*И. Н. Парусимов*

#### **РАСПИСНОЙ КУВШИН ИЗ ЖИТКОВСКОГО КУРГАНА**

В 1986 г. Приморским археологическим отрядом Азовского краевого музея при исследовании Житковского кургана найден лощенный расписной кувшин (1, с. 112). Приземистое тулово плавно переходит в округлые плечики и сужающееся к центру горло. Венчик профилированный, сильно отогнут наружу, по внешней поверхности невысокий вертикальный валик. Ручка плоская, каннелированная, с пятью вертикальными валиками, в месте крепления ручка украшена катушковидным налетом, от которого в обхват венчика отходят два конических налета с вдавлениями на торцах. Дно на кольцевом поддоне. Сосуд тщательно залощен. Вертикальное лощение на горле и ручке, горизонтальное – на тулове, поддоне и конических налетах. Сосуд до обжига был расписан красной краской. На уровне

нижнего атташа ручки проходит ограниченный сверху и снизу двумя линиями ряд двойных ов, между которыми нанесены треугольники без оснований вершинами вниз; ряд разрывается ручкой, у атташа которой нанесена широкая горизонтальная полоса. На поверхности горла противоположной ручке нанесен орнамент в виде стилизованного изображения лозы плюща с листьями и гроздьями семян, которая поднимается от плеча к венчику. В зависимости от толщины красочного слоя краска приобрела красновато-коричневый, местами черный цвет.

Аналогичное найденному сосуду фрагментированное горло обнаружено в Ольвии в 1972 г. (2). К. И. Зайцевой оно отнесено к группе местной расписной керамики, но отмечено необычное для местной керамики «расположение пальметки по центральной оси горла, ее преувеличенно большая, вытянутая форма и ромбовидное основание» (3, с. 59 ел.). По наблюдениям Е. И. Леви, горло кувшина найдено с материалом второй пол. IV – нач. III вв. до н. э. (3, с. 69). Ольвийский сосуд отличается от Житковского количеством каннелюр на ручке, отсутствием конических наклепов на венчике, композицией и небрежным исполнением орнамента; ничего не сказано автором о лощении. По сравнению с ним наш кувшин более тщательно выполнен.

Конические налесты, находящиеся на венчике сосуда, вероятно, заимствованы ольвийскими мастерами с родосско-ионийских сосудов (4, с. 330, т. СХХIX, 2, 5–7), а катушко видные налесты с бронзовой посуды (5, с. 106 сл., рис. 65). Вероятно, наш сосуд — ранний образец этой группы керамики. Совокупность деталей и приемов изготовления позволяет нашу находку относить к изготовленным в Ольвии.

К. И. Зайцева отмечает, что такая посуда выделялась в качестве столовой, парадной и в основном для богатых горожан Ольвии (3, с. 65). Как же она попала на Дон?

В V–первой пол. IV вв. до н. э. торговля Ольвии со скифами приобретает наибольший размах (6, с. 28). За пределами Скифии импортные изделия, попавшие при посредничестве Ольвии, в основном представлены продукцией этого города (7, с. 75). Возможны два пути проникновения импорта в приазовские степи: через Меотиду, затем Елизаветовское городище, и через Северский Донец. И. Б. Брашинский считает, что второй путь в V в. до н. э. был предпочтительнее (8, с. 103).

Расписной кувшин из Житковского кургана датируется сопутствующим погребальным инвентарем концом V – нач. IV вв. до н. э.

- 1.Белинский И. В., Беспалый Е. П., Волков И. В., Парусимов И. Н. Раскопки Азовского краеведческого музея.– АО за 1986 г. М., 1988.
- 2.Раскоп Е8 на территории агоры, кв. 584 – 604, хр. ГЭ, № 0-72-31
- 3.Зайцева К. И. Группа местной расписной керамики из Ольвии.– Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982.
- 4.Античные государства Северного Причерноморья.– Археология СССР. М., 1984.
- 5.Сокровища курганов Адыгеи. Каталог выставки. М., 1985.
- 6.Русяева А. С, Скржикская М. В. Ольвийский полис и калиппиды.–ВДИ, 1979, № 4
- 7.Бондарь Н. Н. Торговые отношения Ольвии со Скифией.–СА, XXIII, 1955.
- 8.Брашинский И. Б. Керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980.

*Т. А.Прохорова*

#### **НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИДЕОЛОГИИ САРМАТО–АЛАН (по материалам кургана 10 Кобяковского могильника)**

Летом 1987 г. в кург. 10 Кобяковского могильника (г. Ростов-на-Дону) было открыто погребение сарматки конца I первой пол. — II вв. н. э., которое присутствующие в инвентаре инсигнии позволяют отнести к разряду царских, которое содержит материал по мифологии ираноязычных народов юга Восточной Европы.

Изображение на кобьяковской диадеме соответствует конструированному на базе анализа языковых структур представлениям, связанным с концепцией мирового дерева отражающим мифологизированное понимание процесса творения и организации природного и социального космоса, По вертикали мировое дерево, маркирующее центр Вселенной, делится на верх, середину, низ, что соответствует верхнему среднему и нижнему мирам единого космоса. В архаических текстах этим частям дерева соответствуют живые существа: с верхом соотносятся птицы, средней частью копытные животные, внизу находится змей (дракон). Горизонтальные схемы образованные мировым деревом и птицами, животными или антропоморфными существами по сторонам



его, являются изображениями участников ритуала, воспроизводящего акт творения. Горизонтальные схемы мирового дерева отражают временные циклические структуры и обычно равны 1 году (1, с.48 сл.). Представляется, что именно такая структура изображена на нашей диадеме.

Нартовский эпос, древнее ядро которого сформировалось в аланской среде, содержит осколки космогонических и календарных мифов, органически связанных с концепцией мирового дерева. Согласно эпосу, сармато-аланский вариант мирового дерева представляет собой бинарное противопоставление «дерева жизни», произрастающего в райском саду с вызревающими в течение дня золотыми целительными яблоками, и «дерева смерти», дерева Аза Страны мертвых..

Орнамент золотой аппликации кобяковской диадемы реконструируется следующим образом: в центре изображение мирового дерева с двенадцатью загнутыми вниз ветвями справа и слева от него располагались по три фигурки оленей и по два орла. Семантика изображения зашифрована с помощью зооморфного кода. Предлагается следующий вариант дешифровки. На аппликации диадемы изображен солнечный бог – творец трехчастного природного и социального космоса у мирового дерева. Триады оленей отражают его тернарную природу. Противоположные солярная и хтоническая ипостаси божества, а также бинарная оппозиция «древо жизни» — «древо смерти» передаются через противопоставление правого и левого. Семиотика левой, неблагоприятной, хтонической стороны, усиливается с помощью зеркальной симметрии (2, с. 107 сл.; 3, с. 8 сл.). Парные изображения орлов – существ бинарной природы (связывают верхний мир с нижним) в данном контексте являются символами солнечной силы, огня и бессмертия (4, с. 258 сл.) Композиция аппликаций диадемы семантически изоморфна композиции терзания копытного хищником, которая отражает циклические акты смены противоположных явлений и охватывает все сферы природной и социальной жизни – от представлений о творении и возрождении мира до представленной о смерти и возрождении индивида (5, с. 104сл.)

Композиционным центром орнаментального фриза кобяковской гривны является изображение бородатого мужчины, который сидит со скрещенными «по-восточному» ногами на коврике с двумя идущими вверх косичками, в его руках

чаша – символ жреческой власти, на коленях меч в ножнах символ царской власти. Слева и справа от центрального персонажа и на тыльной части гривны повторяется один и тот же сюжет – борьба трех зооантропоморфных существ с драконом. Коврики с косичками по углам в индийской и иранской традициях, а также в шаманской практике являются местом, где боги или служители культа совершают жертвоприношения. Косички-столбы по углам являются конструкцией изоморфной мировому дереву. Четырехугольный коврик моделирует многообразные четырехчастные структуры, в том числе вселенную, храм, царский трон (1, с. 37 сл., 70 сл.). Думается, что на центральной эмблеме гривны изображен царь, совершающий акт жертвоприношения. Вся сцена мыслится происходящей в центре мира. В «Шахнаме» описывается борьба иранских шахов с драконом, которая в широком смысле понимается как борьба добра и зла. Победителем дракона был царь-кузнец Хушенг, авестийский первый царь и законодатель Ирана. Подвиг Хушенга повторяет царь Феридун. Царь Джемшид оказался побежденным драконом. Представляется, что и на кобяковской гривне изображен царь-драконоборец.

Дракон согласно общеиндоевропейской мифологической традиции является противником Громовержца. Культ грозового божества связан с царем (6, с. 5, 123). Не исключено, что культ бога грозы сармато-алан имел иерархическую структуру. В мартовском эпосе чертами Громовержца наделен бог-кузнец Курдалагон. В образе нартовского Батрадза сохранились черты Громовержца, связанного со средним миром (7, с. 14). По эпосу реконструируется его инкарнация в виде меча (8, с. 62). Представляется, что центральное изображение на гривне позволяет реконструировать такую его земную инкарнацию как царь-Громовержец.

Атрибутами Громовержца в инвентаре погребения являются все изделия из камня и железа (7, с. 85 сл.). Очевидно, сюда же следует отнести золотую пряжу, обнаруженную в одной из шкатулок. Свидетельства наличия представлений связывающих пряжу с понятиями неотвратимой судьбы, смерти и царской гордыни прослеживаются в этнографическом материале, фольклоре и мифологии (9, с. 74; 10, с. 196).

Важной деталью погребального обряда захоронения является зафиксированный археологический факт отчлене-

ния правой кисти погребенной. Кости правого предплечья обломаны, разрозненные фаланги пальцев со следами искусственных изменений обнаружены под черепом и вокруг него среди деталей аппликации диадемы. Вопрос интерпретации факта ритуального отчленения правой руки является сложным и требует специального исследования. Подобный ритуал отсечения правой руки умерщвленных скифами пленных врагов, принесенных в жертву Аресу описан у Геродота. В нартовском эпосе Батрадз отсекает правую руку убийцы отца, после совершения акта возмездия. В иранской мифологии правая рука отсыхает у Йимы, устроителя социального порядка, первочеловека и первоцаря. Надо полагать, что ритуал отчленения правой, руки имеет отношение к культу Громовержца и характеризуется многообразным содержанием. Во-первых, он связан с военной функцией бога грозы, инкарнирующего в виде секущего, кровожадного меча. Это своеобразная жертва богу войны. Во-вторых, обряд этот соотносится с инкарнацией Громовержца в виде царя, с его функцией устроителя социального космоса: социальной иерархии, права, законности справедливости. Истоки представлений, связывающих в а хаическом сознании правую руку, право, правду, восходят индоевропейской общности и производны от бинарно противопоставления правого и левого (11, с. 328 с.л.).

Кроме описанных диадемы и гривны, к разряду царских регалий в инвентаре погребения могут быть отнесены топор, парадная конская сбруя, на нащечных накладках которой вытеснена родовая тамга. Краснолаковый сосуд в виде ба рана, лежащего на алтаре, является предметом культового назначения. Образ барана в мифологии и искусстве иранцев связывался с понятием фарна – символа царского могущества (4, с. 557). К культовым предметам следует отнести также золотой флакон, все сосуды, амулеты, наборы курильниц, зеркало, ножи, красную краску. Обнаруженные в инверторе сакрализованные царские инсигнии и предметы культа свидетельствуют о наличии у аланских вождей культовых обязанностей. О концентрации в их руках политической и религиозной власти рассказывает и изображение на центральной композиции — царь-Громовержец совершает жертвоприношение в центре мира.

1. Топоров В. Н. О брахмане. К истокам концепции.– Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.
2. Иванов В. В. Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях.– НАА, 1969, № 5.
3. Левин Ю. И. Зеркало как потенциальный семиотический объект.– Труды по знаковым системам, т. 22. Тарту, 1988.
4. Мифы народов мира, т. 2. М., 1988.
5. Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов.– Скифы и сарматы. Киев, 1977.
6. Иванов В. В., Топоров В. П. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
7. Раевский Д. С. Социальные и культурные концепции древних иранцев по материалам Скифии. Автореф. дисс. докт. ист. наук. М.,
8. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1974.
9. Шукуров Ш. М. «Шах-наме» Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция. М., 1983.
10. Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953.
11. Иванов В. В., Топоров В. П. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов).– Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978,

*В. Ф. Железчиков, З. А. Барбарунова*

#### **ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД САВРОМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОБЪЕКТ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМАЛИЗОВАННО – СТАТИСТИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ**

Группа археологов скифо-сарматского сектора ИА АН СССР и исторического факультета Волгоградского госуниверситета в 1989 г. начала работать над исследовательской темой «Погребальный обряд савромато-сарматской культурно-исторической общности VI в. до н. э. – IV в. н. э.», включающей как задачи детального исследования погребального обряда отдельной сарматской культуры, так и сравнение общих закономерностей и отдельных характеристик погребальной традиции хронологически сопряженных сарматских культур.

Для решения задачи создана обширная проблемно ориентированная база данных для всех четырех сарматских культур, основанная на единой открытой иерархической системе признаков. Она насчитывает ок. 5000 погребений из курганных могильников, расположенных на территории от устья Дона до Зауралья, что позволяет свободно оперировать результатами исследования при сравнении АК.

Параллельно разработан комплекс исследовательских задач, охватывающий все основные характеристики погребального обряда (ПО) АК. Для создания системы управления базы данных (СУБД) и пакета программ формализованно-статистического анализа погребального обряда математиками кафедры источниковедения и историографии МГУ (рук. Л. И. Бородкин) была представлена оригинальная программа СУБД и комплекс статистических программ специально ориентированных для обработки данных гуманитарных наук.

Впервые СУБД и пакет программ «ПО» были применены при исследовании поминально-погребальной обрядности савроматской культуры VI — IV вв. до н. э. по 512 погребениям, представленным Б. Ф. Железчиковым. Проведенная работа представляет собой лишь 1 этап исследования ПО АК. Ее результаты можно разделить на четыре блока:

- характеристика признаков и структура ПО (методы: нормированная информативность и матрица коэффициентов Райского);
- типология погребения (метод: кластер-анализ);
- типология могильников (метод: fuzzy-анализ);
- анализ факторов, влияющих на определенные стороны ПО (метод: главный компонент).

Уже на первом этапе исследования ПО, АК анализируется с разных сторон с применением разных методов. Сравнение данных дает хорошую проверку как эффективности их применения, так и достоверности результатов.

Мы затронем три вопроса: 1 – структура ПО АК; 2– типология могильников; 3 – фактор-анализ ПО как одна из возможностей проверки данных классификации.

Аналізу структуры ПО савроматской АК предшествовала классификация признаков обряда с точки зрения их взаимосвязи и взаимозависимости (1, с. 75) и неоднородности, информативности (2). При сравнении показателей коэффициента корреляции Райского и нормированной информативности выделяются три группы признаков: инвариантные (общекультурные), типобразующие (локальные), варианты (частные).

Инвариантные или общекультурные признаки отражают какие-то устойчивые традиции, фиксирующиеся не только во всех памятниках савроматской культуры, но и присущие культурам иранского круга вообще. Это такие признаки, как количество погребений одной культуры под курга-

ном, параллельное и бессистемное расположение могильных ям на плане кургана, четырехугольная средних размеров могильная яма, широтная ориентировка скелетов, ингумация вытянутое положение тела умершего, овца как вид животного, используемый в рационе заупокойной пищи, наличие следов тризны (костей животных) в насыпи кургана. Интересно, что практически в полном объеме этот набор инвариантных признаков ПО савроматской АК совпадает с набором всеобщих признаков ПО раннесарматской культуры (3 с. 52). Вариантные признаки характеризуют исключительную особенность отдельных памятников.

Основное разнообразие черт, отражающих практическую сферу ПО, заключено в группе типобразующих признаков. Лишь отобрав их, можно производить типологию погребений могильников.

В археологии бытует несколько объяснений термина «структура ПО»: а – список акций процесса захоронения (4); б – близкое к первому с разделением процесса (обряд) и объекта (погребения) (5, с. 70); в – перечень фаз процесса погребения, объединенных с артефактами (6). Практика использования формализованно-статистических методов анализа ПО заставляет прибегнуть к синкретическому, «компромиссному» варианту понятия «структура ПО», где система символических и реальных действий, осуществляемых при захоронении умершего, сочетается с элементами реальных объектов (погребений) (5, с. 68 сл.)

Анализ матрицы коэффициентов сопряженности Райского позволил представить структуру ПО савроматской АК как комплекс четырех блоков признаков (табл. 1): а– погребальное сооружение, б– останки погребенного –поминки, в– погребальный инвентарь – «ритуальные» вещества, г– остатки заупокойной пищи. Любопытно, что при понижении уровня связи признаков блоки «а» и «б» слились, а «в» и «г» остались в том же обособленном положении.

Блок «погребальное сооружение» включает в себя такие признаки погребального комплекса, как стратиграфическое расположение погребений (основное, центральное, впускное периферийное), расположение погребений на плане кургана (концентрическое, параллельное бессистемное), количество погребенных одного периода под насыпью, форма и величина могильной ямы, разные виды надмогильных и внутримогильных конструкций.

Блок «останки погребенного – поминки» делится на две подгруппы: а– «остатки поминальных действий» связано звеньями с «обрядом погребения» (ингумация, кремация кенотаф); б– «останки погребенного» представляют собой полный закрытый граф тесно связанных признаков, центром которого могут служить пара признаков – «обряд погребения» и «положение скелета» (вытянуто, скорчено и т. д.), они тесно связаны с «полом и возрастом», «положением скелета относительно оси могильной ямы», «ориентировкой погребенного», «положением рук и ног» умершего.

Блок «погребальный инвентарь — ритуальные вещества» тоже можно разделить на две подгруппы в зависимости, очевидно, от пола и возраста погребенного: а– «меч-стрелы» и «меч-кинжал»; б– женский набор инвентаря (зеркало, бусы-бляшки, каменные алтарики) и «ритуальных» веществ (раковины, галька, мел в кусках, реальгар) представляющих, по всей видимости, ритуально-туалетный набор савроматской женщины.

Блок «остатки заупокойной пищи» совершенно обособлен от других структур ПО и внутренне взаимосвязан. Это, по всей видимости, свидетельствует о существовании обычаев, совершенно независимых от других сторон погребально-поминального обряда. Объяснение данного факта лежит уже в системе религиозных представлений, норм и предписаний, регламентирующих процесс захоронения, представляет собой отражение какой-то устойчивой традиции в ПО савроматской АК. Забегая вперед, отметим, что при предварительном анализе структуры ПО раннесарматской АК фиксируется та же закономерность, правда, сопроводительная пища представлена керамикой, а не костями животных.

Тесная связь между признаками внутри каждого блока свидетельствует о существовании достаточно развитой погребально-поминальной обрядности как части системы религиозно-мифологических представлений, о наличии строго регламентированной системы действий, (5, с. 69).

По 75 отобраным типобразующим признакам была произведена типология могильников методом fuzzy- классификации (7). Эта «размытая» или «нечеткая» классификация в отличие от «жесткой» автоматической кластерной классификации позволяет дать более достоверную картину группировки объектов с процентной оценкой вероятности

отнесения каждого объекта к определенной группе (классу).

Согласно результатам «размытой» классификации все 23 могильника савроматской АК можно разделить на два или на три класса (кластера). Деление на два класса отражает утвердившееся в археологической литературе деление савроматской АК на два локальных варианта — волго-донской и самаро-уральский (8; 9) или на две самостоятельные культуры (10, с. 49). Деление исследуемого массива памятников на три класса свидетельствует о неоднородности самаро-уральского локального варианта савроматской АК. При делении на три класса основные отличия в ПО наблюдаются между волго-донской группой и самаро-уральскими западной и восточной группами (табл. 2).

– *Волго-Донская* (мог. Политотдельское, Бережновка, Быково, Барановка, Кривая Лука, Никольское, Коз-Оба, Аксеновский, Увак из Южного Приуралья);

– *Западная Приуральская* (мог. Лебедевка, Мечет-Сай, Тара-Бутак, Четыре Мары, Алебастрова, Ивановское, Новый Кумак);

– *Восточная Зауральская* (мог. Новоорский, Бес-Оба, Аландское, Альмухаметово, Пятимары, Липовка).

Некоторые могильники можно считать «переходными» между классами.

Волго-донская группа характеризуется преобладанием впускных погребений в курганы эпохи бронзы, наличием четырехугольных средних и широких ям малых размеров, ям в насыпи, очень небольшим процентом подбоев, остальные формы могильных ям практически не встречаются. Не характерны также надмогильные и внутримогильные конструкции. Преобладает западная ориентировка скелета, высок процент северной ориентировки по сравнению с Приуральскими группами. Что касается позы, придаваемой телу умершего, то чаще встречается положение кистей рук на (под) бедром (тазом), руки, скрещенные на груди, чаще встречается положение умершего с перекрещенными в голених ногами или с двумя согнутыми на боку ногами. Интересно, что в такой части ПО как оставление заупокойной пищи поволжско-донской регион отличается устойчивым обычаем положения обезглавленной тушки барана справа от погребенного. Остатки «ритуальных» веществ и следы нехарактерны.

Общим для западной и восточной южно-уральских групп следует считать комплекс признаков с одинаковыми процентными показателями: наличие основных погребений, использование каменных выкладок на древнем горизонте и деревянных перекрытий ямы, устойчивая традиция южной ориентировки наряду с общесавроматской западной: для позы, придаваемой телу погребенного, характерно положение с двумя согнутыми в локтях руками, наиболее распространены четырехугольные широкие ямы, встречаются катакомбы и дромосные ямы, в рационе заупокойной пищи часто присутствуют части туши лошади. Эта группа богаче и в отношении набора погребального инвентаря: встречаются мечи и бронзовые втульчатых наконечники стрел, ножи, бусы и бляшки, а также раковины, галька, остатки угля (золы).

Специфику ПО западной приуральской группы составляют: преобладание четырехугольных узких и средних ям, квадратная яма и яма с заплечиками, круглая яма; для положения умершего характерна поза с двумя отставленными руками, с поднятыми руками (кисти за черепом), более характерно положение в могилу кусков мела и реальгара.

Особенности восточной зауральской группы состоят в том, что погребения чаще бывают впускными, именно здесь зарождается концентрическая группировка могил вокруг могилы «предка»; особенно характерны различные надмогильные сооружения из камня, дерева, могильного выброса на древнем горизонте, следы костров в насыпи кургана, сооружение погребений на древнем горизонте, чаще встречены коллективные многоактные погребения.

Таким образом, анализ позволяет, на наш взгляд, подтвердить гипотезу М. А. Очир-Горяевой о наличии двух археологических культур, двух разных традиций в ПО у населения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в VI–IV вв. до н. э. Высокие показатели (97–87%) у таких могильников из Нижнего Поволжья, как Политотдельское, Бережновка, Барановка, Быково, Кривая Лука позволяют с уверенностью относить их к самостоятельной Поволжской культуре савроматского времени (ср.: 11).

Кроме того, на Южном Урале фиксируются два локальных, генетически и культурно родственных центра – запад-

ный восточный. Именно в этих центрах появляются и развиваются новые традиции, приведшие в конечном итоге к формированию ПО новой ранне-сарматской АК (12; 13).

Наиболее сложным с точки зрения интерпретации и важным для проверки результатов типологии могильников является анализ главных компонент. ПО отобранных 23 могильников савроматского времени может быть описан пятью компонентами (факторами), отражающими дисперсию 50% всех компонентов, влияющих на ПО. Эти пять основных факторов условно можно назвать так:

**1 «Впускные погребения с западной ориентировкой»** в узких четырехугольных ямах малых размеров с бедным инвентарем. Они концентрируются в Нижнем Поволжье. Необходим антропологический анализ группы, что может выявить особую этнокультурную нижеволжскую группу (ср. 10, с. 49 сл.).

**2. «Основные погребения»** по одному в кургане с преимущественно восточной ориентировкой, в четырехугольных средних могильных ямах, с надмогильными конструкциями в виде могильного выброса на древнем горизонте. Центр данного фактора локализуется среди могильников в основном западной приуральской группы.

**3. «Коллективные погребения или семейные склепы»** характеризуется наличием одной дромосной или катакомбной могилы под курганом в яме больших размеров, с преимущественной восточной ориентировкой скелетов, наличием земляных утрамбованных площадок на древнем горизонте, многоактными (?) погребениями. Центр группы – восточная зауральская группа (ср.: 14, с. 48).

**4. «Погребения мужчин-воинов»** с мечом и стрелами в катакомбах с преимущественной южной ориентировкой, с тенденцией к концентрической группировке могил в насыпи, с элементами так называемой «позы всадника», придаваемой телу умершего, нехарактерен ритуальный набор из раковин, реальгара, мела и т. п. Центр – мог. Сынтас, Аль-мухаметово, Мечет-Сай, Кривая Лука, Никольское.

**5. «Погребения с протопрохоровской традицией»** переходного ранне-сарматской АК времени; характерно наличие сложных каменных и деревянных конструкций в сочетании с разными формами могильных ям, южная ориентировка скелета. Центр – могильники Пятимары, Четыре Мары, Липовка, Аксеновский.

**БОЕВЫЕ ЧЕКАНЫ (КЛЕВЦЫ) С ГОЛОВКОЙ ХИЩНОЙ ПТИЦЫ  
МЕЖДУ БОЙКОМ И ВТУЛКОЙ В АЗИАТСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТЯХ  
СКИФСКОГО МИРА**

(к проблеме происхождения и распространения)

Специалистам хорошо известен этот своеобразно оформленный вид оружия, имевший распространение в евразийской степной и лесостепной зоне в скифскую эпоху (1, с. 274 сл.; 2, с. 144, 146; 3, с. 178–180; 4, 123, табл. 1,1; 5, 120, 131; 6, с. 4–7). Серия таких чеканов — бронзовых и биметаллических — обнаружена в ареале ананьинской археологической культуры (рис. 1,1–6) (3, табл. XXII, 1, 4, 5,7, 9). По мнению Н. Л. Челновой, ананьинские бронзовые чеканы близки тагарским из Южной Сибири, а биметаллические — чекану, найденному в погр. 84 могильника Уйга-рак в Приаралье (рис. 1, 12) (6, с. 4) в комплексе с колчаным набором и стремявидными удилами (7, табл. XX). О. А. Вишневская первоначально относила мог. 84 к VI в. до н. э., частично опираясь на предложенную Н. Л. Челновой датировку тагарских чеканов, украшенных головкой хищной птицы; не исключала она и ананьинского происхождения уйгаракского чекана (7, с. 98 и 123).

Позднее И. Н. Медведская обратила внимание на то, что набор стрел из мог. 84 характерен для VIII и частично VII вв. до н. э. (8, с. 84, 89). Новая заглавленная датировка подтвердилась после публикации материалов случайно обнаруженного турецкими крестьянами погребения воина с конем эпохи скифских переднеазиатских походов в Имирлере, где комбинированный железно-бронзовый чекан с головкой птицы под бойком найден в сочетании с раннескифским мечом, стремявидными удилами, стрелами архаических типов и золотым браслетом (последний ныне утрачен) (рис. 1,11) (9, с. 64–69, рис. 1). Дата имерлерского погребения по комплексу находок не может быть позднее первой пол. VII в. до н. э. Из района озера Ван в Турции происходит еще один биметаллический чекан этого типа (рис. 1, 10), опубликованный недавно Б. Б. Пиотровским (10, с. 9, рис. 7, 6).

Наибольшее число цельнолитых бронзовых чеканов с головкой хищной птицы на втулке встречено в памятниках тагарской культуры. Такие чеканы известны уже в наиболее

Нанесение показателей факторных весов 1-го и 2-го факторов на оси координат выявило наличие тех же трех групп, что полностью подтвердило результаты «размытой» классификации даже в отдельных деталях, в частности, наличие «переходных» памятников. Подтвердились такие различия в обряде, как положение обезглавленной туши ба-рана в погребениях поволжской группы и оставление частей туши лошади как вида заупокойной пищи в погребениях западной группы (Ср. 10, с. 49).

Исследование ПО савроматского времени включает так же разработку типологии погребений, которой занимается Б. Ф. Железчиков, картирование процентного распределения типов погребений, сравнение зон распределения типов погребений с группировкой могильников, а также анализ социального состава кочевого населения степей от Дона до Урала. Предполагается также последующее сравнение всех показателей признаков ПО савроматской и раннего этапа прохоровской АК для выявления динамики развития ПО савромато-сарматской культурно-исторической общности и уточнения периодизации сарматских АК.

1. Устинов В. А., Фелингер А. Ф. Историко-социальные исследования. В сб.: ЭВМ и математика". М., 1973.
2. Федоров-Давыдов Г. А. Археологическая типология и процесс типобразования (на примере средневековых бус).— Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М., 1981.
3. Барбарунова З. А. Некоторые проблемы истории ранних сарматов.— СА, 1989, № 4.
4. Леонова Н. Б., Смирнов Ю. А. Погребение как объект формализованного анализа.— КСИА, вып. 148, 1977.
5. Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий.— СА, 1986, № 1.
6. Генинг В. Ф., Борзунов В. А. Методика статистической характеристики и сравнительного анализа погребального обряда.— ВАУ, вып. 13, 1973.
7. Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Аграрная типология губерний России на рубеже XIX–XX веков (опыт многомерного количественного анализа). — История СССР, 1979, № 1.
8. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
9. Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975.
10. Очир-Горяева М. А. Погребальный обряд населения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья VI – IV вв. до н. э. — Археологические исследования Калмыкии. Элиста, 1987.
11. Раев Б. А. СА, 1976, № 1. Рец. на кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени (МИА, №153). М., 1972.
12. Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры.— САИ, вып. Д1-10, 1963.
13. Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры, М., 1974.

ранних тагарских погребениях, например, в раскопанных А. В. Андриановым кург. 32 и 33 у Тагарского озера (рис. 1, 29–30) (11, с. 120). Широко известны аналогичные чеканы во многих других погребениях подгорновского этапа тагарской культуры, а также среди случайных находок из Минусинской котловины (рис. 1, 26–28) (напр.: 5, табл. 7) 12, с. 156, рис. 185; с. 175, рис 238–240).

В памятниках среднего, сарагашенского этапа в южных степных районах тагарской культуры, в Хакасии такие чеканы практически неизвестны, зато в типологически более поздних, дериватных формах, они широко распространяются в лесостепной тагарской культуре (могильники Серебряково, Тисуль, Берчикуль и др.) (рис. 1, 18–25) (13, табл. 62, 6, 20 и др.; 14, табл. 103 и др.). Наиболее поздний миниатюрный чекан-модель происходит из могилы 2 кург. 8 Березовского могильника (рис. 1, 17), где встречен в комплексе с кинжалом, имеющим почкообразное перекрестие и навершие в виде 2-х птичьих головок (в более западных районах скифской ойкумены такие кинжалы датируют обычно V–IV вв. до н. э.). Таким образом, в ареале тагарской культуры прослеживается длительное бытование этой характерной формы оружия с перемещением их с юга на се-вер (СЗ).

Два чекана рассматриваемого типа обнаружены в раннескифских памятниках Тувы. Первый найден в кургане 4 могильника Усть-Хадынских I (Усть-Ишкин) (рис. 1, 32) (15), второй в 1988 г. был найден В. А. Семеновым в алды-бельском могильнике Сажиг-булун (16) (рис. 1, 31).

Все тагарские и тувинские чеканы отлиты исключительно из бронзы и часто встречены вместе со втоками для крепления на конце деревянной рукояти. Имирлерский и уйгаракский экземпляры, хотя еще и снабжены аналогичными втоками, но уже изготовлены по более сложной технологии: готовая железная пластина лезвия вставлялась в литейную форму и затем отливалась бронзовая втулка.

Большая архаичность тагарских и тувинских чеканов по сравнению с утаракским и имирлерским позволяет наиболее ранние образцы этого оружия в Саянах и Присянье от носить к VIII в. до н. э., что хорошо согласуется с находками раннетагарских вещей в Аржане.

Центральная Азия, в первую очередь Хакасия Тува и возможно плохо изученные пока прилегающие к Туве райо-

ны Монголии, были, по всей видимости, первичным очагом зарождения и распространения чеканов рассматриваемого типа. Такие детали как головка хищной птицы под острым бойком или изображение стилизованного птичьего глаза на втулках наиболее ранних тагарских чеканов легко объяснимы с помощью центральноазиатского фольклора.

Н.Л. Членова уже приводила записанную Г. Н. Потаниным в СЗ Монголии сказку о птице харцига-шибо (коршуне), которая «в прежнее время получила от неба силу и власть пробивать черепа у людей и есть их мозг» (5, с. 120). Пробитые чеканами черепа людей и животных засвидетельствованы во многих курганах Саяно-Алтая скифского времени.

Район ананьинской культуры являлся вторичным очагом распространения чеканов с изображением головы хищной птицы. Остальные известные сейчас чеканы этого типа как бы рассеяны в пространстве между тагарским и ананьинским очагами. Несколько экземпляров известно в Западной Сибири (рис. 1, 14–16) (6, рис. 1,6; 2, 6, 7). Один чекан недавно обнаружен в верховьях Иртыша в Восточном Казахстане (могильник Ак-Чий III) (17); еще один – связан с горой Сулак под Оренбургом (рис. 1,8) (18, рис. 77, 16); третий – найден на горе Машук на Северном Кавказе (рис. 1, 7) (19, табл. XXXVI, 4).

На территории Западной Сибири, Казахстана, Южного Приуралья, Кавказа и Передней Азии такие чеканы принадлежат к числу не характерных для этих мест, «транзитных» элементов культуры.

Помимо хронологического и культурно-генетического аспектов, проблема происхождения и распространения чека-нов с головкой хищной птицы имеет еще и культурно-исторический аспект.

По нашему мнению, распространение с востока на запад клевов рассматриваемого типа, наряду с другими данными, может являться археологическим свидетельством крупномасштабной миграции VIII–VII вв. до н. э., осуществляя шейся примерно по тому же сценарию, что и другие экспансии «глубин Азии» – гуннская, тюркская, монгольская. Переднеазиатские походы скифов необходимо рассматривать как часть более крупномасштабной военной компании, которая зародилась в Центральной Азии и которую можно назвать «Великим скифским походом» (20, с. 109). Б. Б. Пиотровский уже предлагал связывать появ-

ление чеканов с головкой хищной птицы на втулке в пределах Передней Азии с пребыванием там скифов (10). Следует заметить, однако, что в собственно скифских памятниках юга Восточной Европы не обнаружено ни одного такого чекана. Единственный вывод, который можно сделать из этого: чеканы с головкой птицы являются оружием не самих скифов, а их союзников, пришедших вместе с царскими скифами из Центральной Азии.

О том, что тагарцы входили в состав большого союза племен, созданного в Центральной Азии еще до похода скифов на запад, красноречиво свидетельствуют материалы Аржана, где, как известно, найден ряд раннетагарских предметов.

Появление серии чеканов с головкой птицы под бойком в ананьинской культуре логичнее всего объяснять отделением от скифской коалиции какой-то части союзных племен. В этой связи интересным и перспективным кажется предположение, выдвинутое М. Н. Погребовой и Д. С. Раевским, об отождествлении по крайней мере части ананьинцев с теми скифами, о которых пишет Геродот (IV, 22): «Выше ирков, если отклониться к востоку, живут другие скифы, отложившиеся от царских скифов и по этой причине прибывшие в эту страну.» (21). Локализации "отделившихся скифов" посвящена довольно большая литература, но не менее важным является вопрос о том, когда от «царских скифов» отложились «другие скифы». Мы считаем, что можно выдвинуть по меньшей мере три, в настоящее время равновероятные версии, касающиеся датировки этого события:

1. Отделение части союзных племен от «скифов царских» могло произойти после переднеазиатских походов, т. е. где-то на рубеже VII–VI вв. до н. э. Такова версия М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского, подкрепляемая материалами из Старшего Ахмыловского могильника. В этом огромном могильнике, однако, не найдено ни одного чекана с головой хищной птицы.

2. «Отложившиеся скифы» отделились от «царских скифов» еще до переднеазиатских походов, повернув на северо-запад в район ананьинской культуры из района Оренбурга, где найден бронзовый клевец с головкой птицы, лишь по недоразумению связываемый с савроматами (18, рис. 77, 16), а также открыт Гумаровский курган, являющийся, как считает и автор его раскопок, яркой вехой на пути скифов

из центральной Азии (22). Такая версия позволяет в какой-то степени объединить концепции М. Н. Погребовой – Д.С. Раевского, с одной стороны, и Н. Л. Членовой, помещающей «отделившихся скифов» в Южное Приуралье – с другой (23)

3. Обособление части союзников от «царских скифов» наметилось еще на центральноазиатском этапе скифской истории и именно этим можно объяснить происхождение тагарской культуры. Часть тагарцев после этого приняла участие в походе на запад, но обратно в Южную Сибирь уже не вернулась.

Предложенная схема происхождения и распространения чеканов с головкой хищной птицы между бойком и втулкой внутренне непротиворечива, впервые позволяет связать все известные экземпляры этого вида оружия в единую логическую цепь и, кроме того, может быть подкреплена другим вещественным материалом.

Несколько слов следует сказать о находке дериватной формы чекана со стилизованной головкой ушастого грифа (которую иногда принимают за изображение головы барана) в тронном зале Персепольской «сокровищницы» (рис. 1, 9) (24, с. 100, табл. 78,1; 79,1). Высказывалось мнение, что этот чекан мог являться индийским оружием (5, с. 120); подобная атрибуция кажется более, чем сомнительной, поскольку неизвестно ни одной находки подобных чеканов ни в классической Мидии (со столицей в Экбатанах), ни на территории Мидии-Атропатены, ни в «глубинной» восточной части Мидии. Наибольшую близость к персепольскому чекану по широкой и короткой втулке с широким валиком, «баранообразной» головке имеет экземпляр из Бийска, а также некоторые не самые ранние по типологии татарские чеканы (все – случайные находки) (рис. 1,13) (25; также 5, табл. 7, 11, 12). Вероятно, персепольский чекан попал в сокровищницу Ахеменидов через саков Средней Азии либо как дар, либо как трофей либо как коллекционное оружие. Пестрый иногда «музейный» характер значительной части находок в персепольском «сокровищнице» позволяет принять любую версию.

1. Городцов В.А. Бытовая археология. М., 1910
2. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири.– МИА, № 9, 1949.
3. Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.– МИА, № 30. 1952.
4. Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья.– МИА, № 35. 1952.



5. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
6. Членова Н. Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века.— Проблемы западно-сибирской археологии (эпоха железа). Новосибирск, 1981.
7. Вишневецкая О. А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII – V вв. до н. э. М., 1973.
8. Медведская И. Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана.— СА, 1972, №3.
9. Unäl V. Zwei Gräber eurasischer Reiternomaden im nordlichen Zentralanatolien. — Beiträge AVA, Nr. 4 (1982). München, 1983.
10. Пиотровский Б. Б. Скифы и Урарту.— ВДИ, 1989, № 4.
11. ОАК за 1894 г.
12. Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее (скифская эпоха). Л., 1983.
13. Мартынов А. И. Тисульские курганы.— ИЛАИ, вып. 4, 1972.
14. Мартынов А. И., Бобров В. В. Серебряковский могильник.— ИЛАИ, вып. 3, 1971.
15. Виноградов А. В. Памятник алдыбельской культуры в Туве.— Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980.
16. Авторы благодарят В. А. Семенова за возможность сослаться на неопубликованный материал.
17. Раскопки Ю. И. Трифонова. Материал не опубликован. За информацию об этом чекане мы благодарим Н. А. Боковенко.
18. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
19. Крупное Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
20. Курочкин Г. Н. Ранние этапы формирования скифского искусства.— КЕСАМ. Новочеркасск, 1989.
21. Погребова М. Н., Раевский Д. С. К вопросу об «отложившихся "скифах».— ВДИ, 1989, № 1.
22. Исмагилов Р. Б. Погребения Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры.— АСГЭ, вып. 29, 1988.
23. Членова Н. Л. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелах, и «отделившихся скифах». — КСИА, вып. 194, 1988.
24. Schmidt E. F. Persepolis, Vol. II. Chicago, 1957.
25. Иванов Г. Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке. — Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987.

Рис. 1. Чеканы с изображением головки хищной птицы между бойком и втулкой. 1—6 — Ананьинская культура; 7 — гора Машук; 8 — гора Сулак под Оренбургом; 9 — Персеполь; 10 — Муш, оз. Ван (Турция); 11 — Имирлер (Турция); 12 — Уйгарак; 13 — 16 — Западная Си-бирь (случайные находки); 17 — Березовский могильник; 18–24 — Тисуль; 25 — Серебряково; 26 — Новоселово; 27 — Кызыл-Куль; 28 — Подгорное оз.; 29—30 — Тагарское оз.; 31 — Сажиг-булун (Тува); 32 — Усть-Хадынныг-I (Тува).

## **СКИФСКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ И ГРЕЧЕСКИЕ МАСТЕРА**

Факт сильной эллинизации культуры и искусства Северного Причерноморья и Прикубанья в V – IV вв. до н. э. давно известен и не вызывает сомнений, в зверином стиле того времени прослеживаются признаки как греческого, так и фракийского (Северное Причерноморье), греко-персидского (Северное Причерноморье и Прикубанье), ахеменидского без греческих черт (Прикубанье), кобанского (Прикубанье) влияний. Эти инородные признаки, отобранные из репертуара разных изобразительных традиций, не только в значительной мере определяют специфику локальных вариантов скифского звериного стиля, но и предоставляют материал для иных рассуждений. Если рассмотреть, в какой степени окрашены различными влияниями вещи разных категорий V – IV вв. до н. э., получится интересная картина.

Наиболее эллинизированными по стилю оказываются многочисленные золотые бляшки: не только стиль, но и в значительной мере сюжеты изображений на них не скифские, а греческие. Это и изображения божеств в антропоморфном облике, и «сцены из скифской жизни», и изображения животных. В трактовке некоторых фигурок животных и фантастических существ прослеживаются приемы скифского звериного стиля. К ним относятся, например, бляшки из кургана Солоха с изображением оленей с подогнутыми ногами (1, с. 67 сл., № 46), хищной птицы с распростертыми крыльями (1, с. 31 сл., № 4). Приемы скифского звериного стиля (трактовка крыльев в виде сходящихся под углом плоскостей) прослеживаются и в бляшках из кургана Куль-Оба с изображением орла, клюющего дельфина или рыбу (2, с. 154, № 29) Подобные бляшки есть и в других курганах IV в. до н. э. (2; 3), и исследователи отмечают в стиле этих вещей две традиции: греческую и скифскую, причем бляшки выполненные в скифском зверином стиле, выглядят незначительными вкраплениями в основную массу вещей, греческих по стилю и часто даже скопированных с греческих монет (4, с. 438 сл.) или резных камней (2, с. 33).

Зооморфные изображения в греческом стиле расположены на рукоятках скифских мечей-акинаков и обкладках их ножен. При этом, по мнению М. И. Ростовцева, в оформлении

нии рукояти меча чаще, прослеживаются приемы, свойственные звериному стилю, чем в изображениях на ножнах(4, с. 419). Порядок же расположения животных на различных зонах меча сохраняется такой же, как и на архаических акинаках (5).

Обкладки калчанов и горитов несут на себе изображения греческие не только по стилю, но и по сюжетам. И хотя их смысл вполне соответствует скифской идеологии (6), изображаются сцены из греческой мифологии и эпоса. То же можно сказать и о ритуальных сосудах сферической формы: изображенные на них сцены из скифского эпоса и мифологии выполнены греческими мастерами, так же, как и композиции из зооморфных фигур.

В изображениях на предметах конского убора – псалиях, налобниках, бляхах конской упряжи, – напротив, преобладают традиции скифского звериного стиля. В это время в произведениях скифского искусства прослеживаются черты, заимствованные из других изобразительных традиций. В памятниках Нижнего Приднепровья это, прежде всего, фракийские черты (7), с которыми сочетаются ахеменидские и в некоторых случаях греческие (ср. конский убор из Толстой Могилы) (8, с. 188). В Прикубанье это признаки ахеменидского и кобанского искусства (9; 10). В любом случае признаки искусства иных традиций отобраны сознательно и органично вписываются в изобразительную систему скифского звериного стиля. Редкий пример – набор из Толстой Могилы, выполненный греческим мастером, – определим без труда и выделяется на фоне общего массива памятников.

Традиции скифского звериного стиля четко прослеживаются и в изображениях на навершиях. Наряду с заимствованными из античного искусства признаками (сцены терзания на навершиях из Краснокутского кургана, сцена борьбы на навершиях из Слоновской Близницы, поза оленя, заимствованная из сцен терзания, на навершиях из Чмыревой Могилы и т. п.), в них сохраняются приемы скифского искусства: членение поверхности на сходящиеся плоскости, акцентирование признаков животного, позы оленей с подо-гнутыми ногами.

Из приведенного беглого обзора видно, что признаки влияний заимствований распределяются по-разному в разных категориях вещей. С чем связано такое распределение? Почему оружие оказывается противопоставленным конско-

му снаряжению, навершия – ритуальным сосудам? На современном уровне представлений о скифской культуре это явление объяснить невозможно; упомянутые категории вещей хотя и играют разные роли в жизни и ритуалах древних, но, похоже, все в достаточной степени существенны и значимы в контексте скифской культуры. Оставляя этот вопрос открытым, обратимся к еще неиспользованному в изложенных наблюдениях признаку – различиям в материале, из которого изготовлены вещи.

Сильно эллинизированными выглядят именно золотые изделия. Бронзовые же вещи выполнены с соблюдением принципов скифского звериного стиля, самостоятельно отбирающего элементы из других изобразительных традиций. При этом именно в бронзовых предметах лучше всего прослеживаются локальные черты, золотые же вещи из Приднепровья и Прикубанья в это время схожи (ср. 11).

Таким образом, две выделенные группы материала оказываются противопоставленными по: 1) степени и характеру эллинизации, 2) степени локальности и 3) материалу изготовления. Бронзовые предметы различны в локальных вариантах, признаки греческого искусства в них выглядят отобранными, не нарушающими принципов скифского звериного стиля. Золотые же сходны на разных территориях, стиль изображений на них — или греческий, или эллинизированный скифский. Поскольку налицо сочетание стиля и материала изготовления, закономерен вопрос: не отражают ли эти группы двух производственных традиций? Попытаемся «архаизировать» ситуацию и посмотреть, как ранее стилистические признаки сочетались с категориями вещей и с материалом их изготовления.

Навершия оказались категорией, наиболее «устойчивой» к влияниям, они же имеют давнюю традицию изображения голов или целых фигур животных на вершине бубенцов. Их эволюция позволяет проследить, как вместе с элементами формы бубенца наследовались и стилистические признаки изображений на его вершине (12). Среди предметов конского убора столь же давнюю устойчивую традицию обнаруживают уздечные бляхи и псалии (ранние налобники были без изображений). Правда, псалии в раннее время делались и из кости, но бронзовые вещи этой категории тоже существовали.

Эти наблюдения согласуются с наличием у скифов собственной цветной металлообработки (13; 14), существовавшей не только в V–IV (15), но и в VI вв. до н. э. (16, с. 11; 17). Эти данные позволяют допустить, что скифы сами изготавливали предметы из бронзы в зверином стиле еще в архаическое время и продолжали заниматься этим ремеслом в V–IV вв. до н. э.

Что касается золотых предметов, то здесь наблюдается иная картина. Ритуальные сосуды в раннее время были керамическими, без зооморфного декора, но тех же форм, по-этому преемственность здесь очевидна. Известные ранние обкладки ножен акинаков из Келермесского и Мельгуновского курганов выполнены переднеазиатскими мастерами, оформление же бутеролей и наверший в зверином стиле было обычным, но делалось в бронзе.

Несколько сложнее ситуация с разного рода бляхами и бляшками, которые существовали и в раннее время, Р. С. Минасян, исследовавший технологию производства предметов в скифском зверином стиле, считает, что среди множества приемов обработки золота скифы владели лишь простейшими (18, с. 57). Знаменитые Келермесская пантера и Костромской олень, по мнению исследователя, выполнены переднеазиатскими мастерами (19, с. 75), что вполне согласуется с давно выделенными признаками переднеазиатского влияния в их стиле (20, с. 70). Такая же нащитная бляха, но IV в. до н. э. – Куль-Обский олень – сделана греческим мастером (21). При этом ряд золотых предметов выполнен в технике басмы по деревянной матрице – технике, которой владели и скифские, и более поздние мастера (18, с. 57).

Сделанные наблюдения позволяют предположить, что греческие мастера работали в тех отраслях ремесла, в которых у скифов не было традиции производства вещей определенных категорий в определенном стиле и определенном материале. Если в изготовлении бронзовых вещей в зверином стиле у скифов была своя устойчивая производственная традиция, то в производстве золотых предметов традиция была слабая, наиболее сложные работы в раннее время выполняли переднеазиатские мастера, роль которых впоследствии в определенной мере перешла к греческим, заполнившим некую лакуну, существовавшую в скифской куль-

туре. Думается, этим можно объяснить ту своеобразную ситуацию, которая сложилась в скифском зверином стиле в V–IV вв. до н. э.

1. Манцевич А. П. Курган Солоха. Л., 1987.
2. Копейкина Л. В. Золотые бляшки из Чертомлыкского кургана. – Античная торевтика. Л., 1986.
3. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
4. Кокориин Ю. Г. О некоторых закономерностях развития декора скифского вооружения, (в печати).
5. Раевский Д. С. «Скифское» и «греческое» в сюжетных изображениях на скифских древностях (к проблеме антропоморфизации скифского пантеона). – Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978.
6. Мелюкова А. И. К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства. – Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.
7. Мозолевский Б. М. Товста Могила. К., 1979.
8. Переводчикова Е. В. Характеристика предметов скифского звериного стиля. – Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984.
9. Переводчикова Е. В. О локальных чертах скифского звериного стиля Прикубанья. – СА, 1987, № 4.
10. Масленицына Е. С. Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья в конце V–IV вв. до н. э. (в печати).
11. Переводчикова Е. В. Типология и эволюция скифских наверший. – СА, 1980, № 2.
12. Граков Б. Н. Литейное дело и кузнечное ремесло у скифов. – КСИИМК, XXII, 1948.
13. Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. – МИА, № 36, 1954.
14. Ольговский С. Я. Социально-экономическая роль Каменского городища. – Скифы Северного Причерноморья. К., 1987.
15. Шрамко Б. А. Вельское городище скифской эпохи (город Гелон). К., 1987.
16. Ольговский С. Я. Бронзолитейное ремесло в Северном Причерноморье в архаический период. – Киммерийцы и скифы. Тезисы Всесоюзного семинара, посвященного памяти А. И. Тереножкина. Кировоград, 1987.
17. Минасян Р. С. К вопросу о влиянии техники производства на происхождения некоторых особенностей скифо-сибирского звериного стиля. – АСГЭ, вып. 29, 1988.

18. Минасян Р. С. Изображения свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен.— АСГЭ, вып. 30, 1990.
19. Ильинская В. А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве.— СА, 1971, № 2.
20. Артамонов М. И. Куль-обский олень.— Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.

*Вл. А. Семенов*

### **РЕКОНСТРУКЦИЯ СКИФСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО КОСТЮМА (по материалам раскопок в Туве)**

Погребальный костюм ранних кочевников Тувы реконструируется на основании материалов, полученных из разграбленных курганов на могильниках Сарыг-Булун и Суглуг-Хем I, расположенных на правом берегу Улуг-Хема (Верхний Енисей).

На могильниках Сарыг-Булун было раскопано два кургана алдыбельского типа, перекрывающих друг друга. В них содержалось 7 могил, три из которых оказались не потревоженными грабителями. На основании погребальных комплексов курганы датируются концом VI – V вв. до н. э. Особый интерес представляет погр. 5, в котором произошла естественная мумификация трупа и на нем сравнительно хорошо сохранилась одежда, состоявшая из короткого кожаного кафтана (или куртки) с длинным рукавом, шитого мехом вовнутрь через край стачным стежком, и таких штанов. Несмотря на то, что органика самозаконсервировалась, в колоде следов обуви не обнаружено. Ничего нельзя сказать о головном уборе. У умершего был лук, оклеенный сухожилиями и рыбьей кожей, колчан с десятью стрелами бронзовый легкий чекан на деревянной рукояти со втягом. Колчан крепился к поясу с медными скобами и системой кожаных ремешков. Есть основания полагать, что такую одежду носили и другие представители кочевого общества аналогии чему мы находим и в ледяных курганах Алтая (1, с. 266).

В погр. 3 того же могильника исследовано аналогичное мужское погребение в каменном ящике. Судя по оружию,

статус погребенного был таким же, как и у похороненного в колоде – колчан с 18 стрелами (лук не хранился) и чекан, но у ступней находились узкие золотые полоски шириной 1 см и длиной 15 см. За то, что подобные полоски нашивалась на обувь говорит и другая находка в кургане могильника Кош-Пей в Уюкской котловине, где они были обернуты вокруг стоп. Подобные полоски встречаются и в детских погребениях. Помимо украшений обуви в погребении № 3 могильника Сарыг-Булун найдено небольшое количество стеклянных содовых бус и бисера, прямое назначение которых не вполне ясно.

Чисто погребальный характер носило облачение, которое реконструируется по раскопкам сруба № 26 могильника Суглуг-Хем I. В этом срубе размером 3,7 x 3,6 м было похоронено четыре человека – двое мужчин с железным оружием и женщина с ребенком. Здесь не осталось почти никакой органики, но костюм одного из мужчин покрывало более ста изделий из золотой фольги, ранее нашитых на одежду. Он лежал в ЮЗ углу сруба на левом боку с согнутыми в коленях ногами, ориентирован на север с отклонением к востоку (рис. 1, 1), головой на каменной подушке. Вокруг черепа и на черепе собрано 23 изображения птиц (орлов или птицегрифонов), которые, вероятно, украшали головной убор умершего. Одна из птиц выделяется своими размерами, она имеет размах крыльев 90 мм и высоту 50 мм. Хвост и крылья рифленые, голова повернута вправо, на голове круглый глаз. По периметру пробиты мелкие отверстия для пришивания на ткань. Остальные 22 птицы шириной 40 и высотой 30 мм. Они имеют волнистое рифление, их голова повернута влево и на ней показано ухо. Если допустить, что эти птицы были нашиты на головную повязку в два ряда, а в центре находилась большая птица, то мы получим род диадемы диаметром 50–55 см, что вполне соответствует окружности черепа погребенного.

Помимо изображений птиц, вокруг головы находились какие-то очень тонкие, неопределенные обрывки фольги, свидетельствующие о высоком уровне мастерства и известной экономии металла. Один из этих предметов может быть истолкован как наглазник. Это небольшая пластинка 40x40 мм с узкой прорезью в центре (рис. 1, 6). Пары ему не найдено, но наглазник мог быть и не в паре, так как по-

гребенный лежал на боку и закрыть требовалось только один глаз. Нечто подобное было ранее встречено в одном из срубов Суглуг-Хема, где глаз умершего закрывало бронзовое зеркало. Характерно, что несколько позднее у кочевников Тянь-Шаня появляются лицевые погребальные маски из золота, а в Минусинской котловине из глины и гипса (2, с. 297 сл.; 3, с. 308 сл.; 4, с. 147 сл.). В начале средних веков матерчатые наглазники известны и в других могильниках Центральной Азии (5, с. 108 сл.). Определенное сходство наглазник из Суглуг-Хема находит в западных регионах степного пояса (6, с. 142 сл.).

На шею усопшего была надета железная обернутая золотым листом гривна диаметром ок. 20 см. Золотая гривна или ее имитация служит инсигнией власти, что еще раз подтверждает высокий социальный статус погребенного здесь «нобиля». Среди других скифских погребений Тувы были встречены следующие шейные и нагрудные украшения — гривны из тонкого листа золота, иногда с тисненым орнаментом, золотые гладкие пекторали, бусы из стекла и пасты, полудрагоценных камней и в одном случае из янтаря. Кафтан погребенного украшали оттиснутые из фольги скребущие пантеры длиной 50 и высотой 15 мм (рис. 1, 7 8). Таких нашивок обнаружено 16, вероятно, их нашивали по 8 с каждой стороны, так как пантеры лево- и правосторонние.

Пояс состоял из 20 раковин каури, обернутых золотым листом. К нему крепились золотые шириной 35 мм и длиной 65 мм пластины с оттиском головы кошачьего хищника (рис. 1, 9). Здесь же найдено много обрывков и неопределенных кусков тонкой фольги, которая могла покрывать несохранившиеся ножны акинака и рукоять чекана. Акинак имел прямое перекрестье, в ножнах было, видимо, отделение для ножа, который спекся с лезвием акинака. Акинак носили на поясе слева, он лежал вдоль левой бедерной кости погребенного. Чекан висел с правой стороны.

Обувь также обшивалась аппликациями из фольги, систему расположения которых восстановить пока не удастся, но многие золотые накладки в форме запятых и заостренных овальных лепестков, найденные у стоп, типичны для сакских курганов Казахстана (7. табл. 42).

Как уже говорилось, могильник Суглуг-Хем по целому ряду вещей датируется II в. до н. э. Это вещи, характерные

для культуры сюнну или встречающиеся в замкнутых комплексах с ними (Ср.: 8, с. 5 сл.; 9). На костях встречается красный лак. С другой стороны, здесь присутствует специфический вещевой комплекс, который становится определяющим при вычленении памятников усуней Семиречья, и впервые выделенный А. М. Мандельштамом (10, с. 46 сл.). Эти предметы весьма широко представлены в Уюкско-Саглыньских могильниках Тувы и в могильнике Улан-Гом в Монголии. Вполне допустимо, что какая-то часть скифского населения Тувы была втянута в политические события II в. до н.э. и вместе с другими кочевниками Центральной Азии проникла в Семиречье, вытеснив ранее откочевавших сюда юечжи.

Несмотря на фрагментарность источников, позволяющих реконструировать погребальную одежду ранних кочевников Тувы, все же можно сказать, что она практически не отличается от одежды алтайских скифов и в известной мере близка сакскому облачению, восстановленному по материалам кургана Иссык и сако-юечжийских династов из некрополя на Тилля-Тепе (11, с. 84 сл.). Не сравнивая золотое убранство последних двух погребенных в количественном отношении, мы можем сопоставлять его в семантически-семиотическом плане, так как «золотой человек» из Суглуг-Хема, безусловно относясь к кочевнической верхушке, обладал харизмой власти и его останки являлись воплощением его фэрна (12, с. 34 сл.). Высокий социальный статус подчеркивают диадема, шейная гривна и пояс с 20 раковинами каури, которые поступали в Центральную Азию с побережья Индийского океана. Относительная бедность погребенного на Суглуг-Хеме объясняется отчасти зависимостью от сюнну, в которую попали кочевники Тувы во II в. до н.э. Вероятно, по этим же соображениям над погребениями не возводятся курганные сооружения, так как в ряде случаев сюнну совершали осквернение древних могил, и хоронили в скифских курганах своих покойников. Особенно это относится к последующему за исчезновением скифской культуры периоду

Несколько раньше в Туве, вероятно, совершались захоронения не уступающие Иссыкскому, о чем можно судить по раскопкам на могильнике Кош-Пей, расположенном в Турано-Уюкской котловине, вблизи Аржана. Курганы Кош-Пей были разграблены в древности, но, несмотря на это, в

них сохранилось большое количество золотых изделий и ювелирных украшений, нашиваемых на погребальную одежду. Среди них мелкий золотой бисер и полусферические бляшки с петелькой внутри, чилик-тинского типа, что указывает на связи с сакскими племенами Казахстана. Гораздо менее сведений чем о мужской, мы имеем о женской одежде туви-ских кочевников скифского времени. Здесь известны только наборы у-рашений, главным образом бус из содового стекла, золотых сережек и поясо с раковинами каури и четырехлепестковыми бронзовыми пряжками. ] двух срубках могильника Суглуг-Хем найдены высокие берестяные шапки форме усеченного конуса, одна из которых, с плоским верхом, имела специ-ально вставленную трубочку для косы. Иногда в могилах встречаются обрыв-ки шерстяной ткани. Дальнейшая работа по реконструкции погребального костюма ранних кочевников Тувы требует расширения источниковой базы.

1. Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. М.–Л., 1952.
2. Кожомбердиев И. Культура кочевников Тяньшано-Алая первой половины I тыс. н. э. (по материалам катакомбных курганов). Центральная Азия в кушанскую эпоху, т. II. М., 1975.
3. Абетеков А. К. Ранние кочевники Тяньшаия и их культурные связи с кушанской империей.– Центральная Азия в кушанскую эпоху, т. II. М., 1975.
4. Кызласов Л, Р. Таштыкская эпоха. М., 1960.
5. Лубо-Лесниченко Е. И. Могильник Астана.– Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.
6. Погребова Н. И. Золотые лицевые пластины из погребений мавзолея Неаполя Скифского.– История и археология древнего Крыма. Киев. 1957.
7. Акишев К. А. Курган Иссык. М, 1978.
8. Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины.– САИ, Вып Д 4–7, 1980.
9. Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.
10. Мандельштам А. М. Заметки об археологических памятниках усуней.– Культура и искусство Киргизии, вып. 1. Тез. докл. Л., 1983.
11. Сарияниди В. И. Храм и некрополь Тилля-Тепе. М., 1989.
12. Латвийский Б. Л. «Золотые люди» в древних погребениях "Центральной Азии» (опыт истолкования в свете истории религии).– СЭ, 1982, № 2.

#### Подпись к иллюстрации

1. План погребения в срубке № 26 могильника Суглуг-Хем I.
2. Реконструкция погребального костюма.
- 3–4, 5. Птицы — нашивки на головную повязку или диадему,
6. Наглазник.
- 7, 8. Пантеры – нашивки на кафтан.
9. Накладка на пояс.
- 3–9. Золото.

## ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЕ И СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ТРАДИЦИИ В ИСКУССТВЕ САРМАТИИ

Еще полтора-два десятилетия назад Б. А. Литвинский и И.Т Кругликова привлекли внимание к таким специфическим параллелям в искусстве Бактрии после вторжения туда больших юэджей и Сарматии, как зооморфная керамика, идольчики и др. (1; 2, с. 87 сл.). Однако в условиях безраздельного господства автохтонистских моделей их наблюдения не привлекали должного внимания сарматологов.

Лишь недавно, после открытия серии богатейших неограбленных погребений IV в. до н. э. — нач. II в. н. э. перед археологами предстала поразительная по роскоши «вторая культура» Сарматии — культура высшей аристократии. Этот мир до сих пор кажется странным и неудобным для сарматологов: в нем «не работают» многие традиционные стереотипы. В серии докладов и сданных в печать статей автором в 1987-90 гг. были выявлены десятки центрально-азиатских элементов культуры, охватывающих все ее основные сферы в комплексах предполагаемой поздней Сиракены кон. II в. до н. э. — 1-ой пол. I в. н. э., расположенных от устья Дона до Центрального Предкавказья, но главным образом в Прикубанье (3), а также памятниках донской Алании кон. I – сер. II вв. н. э., могильники знати которой были расположены в треугольнике: устье Дона – Армавир - Енотаевка (4). В меньшей степени привлекались памятники «прохоровского» времени IV – II вв. до н. э., а также территории к западу от Днепра – Аорсии (державы Фарзоя/Инисмея) 2-ой пол. I – нач. II вв. н. э. Кроме того, изобразительные сюжеты центральноазиатского происхождения рассматривались мною специально (7, 8).

Выяснилось, что скифские и сарматские сюжеты практически не имеют точек соприкосновения, а влияние на сармато-аланов античного искусства было минимальным (7), хотя боспорские мастера изредка привлекались для изготовления копий среднеазиатских вещей-реликвий (ср., напр. сосуд с изображением гепарда-читы: (9, с. 108 сл.). Это объясняется, во-первых, тем, что ко времени расцвета «сарматских» культур Малая Скифия утратила остатки былого

могущества, свой экономический потенциал, на ее территории господствуют новые, уже сарматские Во-вторых, сармато-аланы оказались в культурном отношении ориентированы не на античный мир и даже не на иранские государства – Парфию, Хорезм, Согд, Хотан, – а на однотипные кочевнические государственные образования Средней и Центральной Азии (юэджийские княжества Бактрии, Усунь, Канзюй, держава хунну). В последних господствовали этносы центрально азиатского происхождения, принесшие с собой в Среднюю Азию новые традиции и вкусы.

Центральноазиатские сюжеты в Сарматии встречены, в основном, на трех категориях распространенных в кочевом быту изделий: поясных пластинах, сосудах и разнообразных статуэтках-идольчиках. Их проникновение в восточноевропейские степи довольно надежно связывается с двумя основными потоками миграций с востока: 1) с появлением групп носителей среднесарматской (по А. В. Симоненко – прохоровской) культурной традиции в конце II в. до н. э. в результате Великого переселения иранских племен, начавшегося в I-ой пол. II в. до н. э. победой усуней над юэджами и вытеснением хуннами улангомцев в Саяно-Алтай; 2) с приходом аланов к середине I в. н. э. в результате предполагаемого конфликта между Канзюем и вассальным восточноприаральским Аланья. В обоих потоках (в первом – в меньшей степени), видимо, присутствовали и племенные группы центральноазиатского происхождения, добившиеся политической гегемонии в таких объединениях, как Сиракена, Алания и Аорсия.

Сегодня стало очевидным как значительное своеобразие «геометризованного» звериного стиля и антропоморфных изображений «зубовско-воздвиженского» Прикубанья I в., до н. э. – нач. I в. н. э. и Алании кон. I – нач. II вв. н. э., так и присутствие в них центральноазиатских форм, сюжетов и стилистических приемов. Однако не совсем ясно, как интерпретировать наличие подобных изделий и сюжетов: были ли они лишь предметами-реликвиями, изготовленными на древней прародине и захваченными по пути в столкновениях с соседями, или подобные предметы воспроизводились и на новой родине — в Восточной Европе, или это собственное древнее искусство пришельцев, изначально очень близкое центральноазиатским традициям?

Видимо, мы имеем дело со всеми явлениями одновременно. Так «сарматских» могилах присутствуют бесспорные центральноазиатские реликвии: бирюзово-золотая пластина со сценой борьбы дракона с двумя кошачьими (Хапры, раск. И.В. Гордина 1988 г.; ср.: пластину IV в. до н. э. из Сидоровки Омской обл.); «ордоская» поясная пластина из Кривой Луки 1974 г.; наконечники стрел хуннских типов и китайских арбалетов и др.

У знати среднесарматского времени вообще отмечен небывалый интерес к всевозможным раритетам, попавшим к ней из древних разрушенных могил (каменные топоры и курительницы эпохи бронзы, скифские наконечники стрел, савроматская золотая пектораль и т. п.), в результате грабительских походов (древние ближневосточные печати-подвески дарственные сосуды из греческих храмов и др.) и обычной торговли (использованные вторично обломки предметов греко-римской торевтики с мифологическими персонажами).

Большинство «восточных» сюжетов в Сарматии представлено на изделиях, типы которых не имеют точных аналогов к востоку от Волги, так же, как и многие стилистические приемы. К сожалению, огромные лакуны в наших знаниях об аристократическом искусстве таких государств, как Канзюй и Усунь, не позволяют абсолютно уверенно судить об аланской или «позднесиракской» принадлежности того или иного выявленного в Сарматии изделия.

Для ответа на эти вопросы важно рассмотрение более ранних комплексов IV–II вв. до н. э. В 1987 г. были открыты первые неограбленные могилы двух мужчин из высшей аристократии: кург. 1 в Филипповке (Оренбургская обл.) и погр.45 в Косике (Астраханская обл.). Материал из этих комплексов был настолько необычен, что до сих пор почти не комментируется сарматологами: основной культурной доминантой в них являются изделия, выполненные в легко отличимых традициях древних культур скифского времени Тувы и Алтая. Культовый характер большинства изделий не позволяет допустить их попадание в Северный Прикаспий в результате торговли или пресловутых «культурных связей» (10, рис. 3, 6, 8, 10, 13, 14). В Косике с пазырыкской культурной связано навершие головного убора в виде «галопирующего» оленя (ср.: 11, рис.41), сюжет, композиция и

стиль изображений на серебряных фаларах и бляшках с древнейшим в Сарматии мотивом триквестра, ориентированного по часовой стрелке.

Обратимся к памятникам «греко-сиракского» искусства рубежа IV – III вв. до н. э. на противоположном конце Сарматии – в Прикубанье. Единственной композицией, близкой ритону из Мерджан, является изображение на ковре из Пазырыкского кург. 5 (12, с. 122 сл.). Детали сцены на ритоне из Юбилейного сходны с изображением на костяных поясных пластинах из мог. Курган-тепе в Согде, которые также тесно связаны с пазырыкской традицией изображений наупомянута на ковре и покрышке из кург. 5 (13, рис. на с. 57–58).

В Филипповне (10, рис. 6, 7) найдены нашивные бляшки в виде мужской личины анфас с подчеркнутыми монголоидными чертами. Считать это результатом подсознательных действий мастера, как предполагает Л. Т. Яблонский, я не могу, поскольку на других типах изделий подобного не наблюдается.

Отсылая к другим работам, посвященным анализу многочисленных изображений «среднесарматского» времени (3; 4; 7; 8). Отмечу лишь обстоятельства появления в Великой степи зооморфной керамики специфической формы, Недавно И. И. Марченко отнес ее появление в Сарматии ко II–I вв. до н. э. (14, с. 78 сл.). Таким образом, сосуды в форме полусферических чаш с отогнутым венчиком и вертикальной зооморфной ручкой, кувшинчики с такой же ручкой, и в форме кубков с двумя вертикальными зооморфными ручками, со сходным репертуаром основных образов появляются в крупном ремесленном центре на юге Синьцзяна (Йоткан в государстве Хотан/Юйтянь), в Бактрии после вторжения туда юэджей, и в Предкавказье практически одновременно – ок. II в. до н. э.

Что касается «бирюзово-золотого» стиля, то его первые образцы появляются в эпоху бронзы в карасукских древностях Монголии (15, табл. 40), с VII в. до н. э. известны на Саяно-Алтае (Аржан, Чиликты), а позже распространяются на юге Средней Азии. Первые изделия этого стиля, видимо, попали в Европу в кон. II в. до н. э. и оказались в могилах к середине I в. до н. э. (Зубовский, кург. 1). Наиболее сложным представляется оформление стиля и круга сюжетов искусства такого великолепного и эфемер-

ного раннегосударственного образования, каким была, вероятно, донская Алания 60-х гг. I в. н. э. – сер. II в. н. э. Многие изделия ранней Алании стилистически и силуэтно неповторимы. В аланской среде, на мой взгляд, происходил интенсивный процесс переработки искусства восточных кочевых соседей для воплощения собственных сюжетов. В этом смысле аланское искусство I – нач. II вв. н. э., подобно раннескифскому или золотоордынскому, во многом являлось "искусством цитат". Приведу примеры переработки юэджийских, усуньских, канзюйских, хуннских и таштыкских традиций.

*Юэджи.* Золотые полихромные женские диадемы I в. н. э. с изображением мировых деревьев и птиц из Хохлача и Тилля-Тепе (погр. 6) имеют также специфическую общность конструкции (украшения венечного фриза крепятся к основной полосе с помощью штырьков, вставляющихся в вертикальные пазы). Однако имеются отличия: в Хохлаче изображения – скульптурные, композиция дополнена орлами, оленями и горными козлами – животными, связанными с аланской богиней Ацирухс/Агундой (7, 8). Выломанный из какого-то изделия миниатюрный античный бюст, видимо служит изображением *самой* богини.

*Усуни.* Гривны с р. Каргалинки и из кург. 10 в Кобяково состоят из вытянутых прямоугольных полихромных золотых пластин, пришитых к основе-обручу. В композиции присутствует некий статичный компонент (Каргалинка - статуя крылатого коня, Кобяково – сидящий бог с сосудом), по сторонам которого размешено несколько динамичных сцеп с однотипными мужскими божествами-полуживотными, китайским драконом. Вместе с тем, композиция каргалинской гривны отражает, прежде всего, китайские мифологические представления, в то время, как кобяковская - аланские (7, 8).

*Канзюйцы.* С усилением кочевого государства Кангюй в нач. I в. н. э. связано, судя по китайской «Хоуханьшу», само появление зависимой страны Алапья в Восточном Приаралье. В это время, по наблюдениям А. И. Наймарка, происходит разгром северными кочевниками центров Согда. На его территории отмечены памятники предполагаемых завоевателей-канзюйцев, в частности – погребение из мог. Куган-тепе в Самаркандской обл. со знаменитыми парными костяными пластинами (13, рис. на с. 57–58). Стиль и композиция двух самых крупных пластин многими



востоковедами в последнее время справедливо связываются с аланским памятником 2-ой пол. I в. н. э. – серебряным кубком из погр. 1 в Косике. На двух ярусах сосуда повторены те же композиции, что и на пластинах. В сценах сражений «свои» в обоих случаях изображаются слева. Интересны такие детали, как аналогичный аланским, напудувной штандарт с головой дракона и знамя с двумя треугольными языками на полотнище. Наконец, подчеркивание тамги на теле коня у «Главного врага» имеет аналогии только в Аорсии (серебряный сосуд и гривна из Порогов) и в Хорезме (фляга из Кой-Крылган-калы). Вместе с тем, стиль изображений на косикском кубке своеобразен.

*Хунну.* В погребении кон. I в. н. э. члена семьи «аорского» царя Инисмея из Порогов найден золотой пояс с пластинами хуннского типа с изображением бога-монголоида. Однако сам персонаж с характерной прической и костюмом, представленный в виде всадника на барсе, вероятно, был аланским, т. к. не известен вне Сарматии (7, рис. 6 6,8; 16).

*Таштыкцы.* В Приазовье на р. Кальмиус был найден котел I в. н. э. с крышкой, на которой представлена мифологическая сцена (17, с. 43; табл. V), имеющая прямые параллели на таштыкской стеле с р. Нени (18, рис. 59). Датировка ее Л. Р. Кызласовым IV–V вв. н. э. основана на трактовке весьма схематичных изображений как «гуннских котлов» и «кубковидных сосудов» (18, с. 143). Сейчас представляется возможным отнести стелу к гораздо более раннему времени.

*Иконография древних изображений Юго-Западной Сибири и Восточного Казахстана.* Ограничусь тремя примерами. На золотых поясных пластинах Сибирской коллекции Петра I известны изображения барсука, борющегося со змеями. У аланов на сходных изделиях в этой роли выступает ушастый еж – обычный обитатель Прикаспия. Сцены с «тарандром» – фантастическим хищником с чертами копытного, вдоль хребта которого идет ряд грифонных голов. На пластине из Сибирской коллекции «тарандр» терзает хищника вместе с грифоном. На аланских фаларах из Садового кургана схематично воспроизведена та же композиция, однако «тарандр» лишен гребня из грифонных голов.

лено изображение скачущего влево всадника в развевающемся плаще, держащего в руке плеть. В I в. н. э. такой же персонаж более реалистично изображен на надгробии Перигена, сына Асклепия в Пантикапее (7, табл. 9(3)), а во II в. н. э., вслед за появлением при Марке Аврелии аланских дружинников, охранявших британскую границу, подобное надгробие было изготовлено в римском военном лагере Честер. Речь, видимо, идет об аланском громовержце Элии/Уацилле с «громовой плетью» (8).

Изображения животных с вывернутой задней частью тела, характерные для восточносакского мира, в I в. н. э. появляются в Предкавказье (Хохлач; Никольское, к. 12; Ладожская).

Самые древние золотые изделия, инкрустированные бирюзой и красными камнями – гранатами, сердоликами, янтарем, отмечены в Семи-речье не позже III в. до н. э. (Иссык, Каргалинка). С приходом аланов связаны их находки в Хохлаче, Дачах, Усть-Лабинской к. 45 и др.

Представляется также, что известную роль в оформлении аланского искусства могли сыграть изделия предполагаемого Б. А. Раевым греко-парфянского производства – серебряные сосуды I в. н. э. из кург. 28 мог. Высочины VII, на Нижнем Дону и из погр. 1 в Косике со своеобразно трактованными сценами с греческими мифологическими персонажами.

Оформление специфического искусства Алании было прервано менее чем через столетие. После неудачной для нее алано-римско-боспорской войны 136 г. н. э. в Закавказье, императору Антонину Пию, как сообщает Юлий Капитолин, впервые пришлось «часто обуздывать поднимавшихся войной аланов» (Антонин Пий, V). Совместными усилиями Антонина Пия, боспорского царя Риметалка и западной группы вторгшихся из Поволжья «поздних сарматов (предполагаемых асеев и танаитов) в середине II в. н. э., но не позже 155 г. н. э., когда в Танаисе отмечена первая надпись с новыми иранскими именами, Алания, вероятно была разгромлена (4).

*Искусство «поздних сарматов» сер. II–III вв. н. э.* В этот период в Сарматии аналогии «восточным» сюжетам фиксируются только на антропоморфных идольчиках и терракотах, найденных на поселениях, куда проникали кочев-

На пиках из кург. Тенлик в Семиречье (III–II вв. до н. э.) представ-

ники; это статуэтки-столбики с едва намеченными руками подобные мраморной фигурке из Илурата (19, рис. на с. 320), и примитивно исполненные

идольчики-всадники, аналогичные бактрийским. Первые, видимо, были женским фетишем, в который могла вселяться душа умершей (ср.: 20, с. 58).

В 1988 г. Н. Ф. Шевченко на городище Роговское I в. Прикубанье были найдены две известняковые статуэтки – женская и сидящего в кресле со сложенными на груди руками мужчины в шапке с ушами животного по бокам око лыща. Этот же персонаж представлен на синхронных изделиях – на керамическом оссуарии из пункта 13/70 у Кой-Крылган-калы в Хорезме и на золотой сянбийской фигурке из Монголии (21, рис. 5).

Боспорские антропоморфные терракоты II–III вв. н. э. с подвесными конечностями, как принято считать, отражают исключительно культы античного мира. В таком случае, странным исключением является уникальная фигурка из Мирмекия с изображением мужчины в островерхом колпаке, держащего в правой руке скипетр с навершием в виде трилистника, а в левой – сосудик (23, с. 124 и табл. XXVI, г), Точно такой же персонаж со всеми атрибутами отмечен много позже, в VI – VIII вв. на терракотах Согда (5, рис. 111, 112, 1 д). Как и мирмекийская, согдийские терракоты изображают персонаж до бедер по той причине, что он представлен всадником. Речь идет о знаменитых афрасиабских всадниках с «булавами», среди которых принято выделять «согдийский» и «тюркский» типы. И хотя согдийское искусство этого времени также во многом являлось «искусством цитат», античные и ближневосточные прототипы этот образа мне неизвестны.

Гуннское вторжение в европейские степи в конце IV в. н. э. означало приход чуждых аланам, менее цивилизованных и правящих железной рукой монголоязычных номадов. Не приходится удивляться тому, что искусство империи Аттилы не оказало сколь-нибудь заметного влияния на аланов Северного Кавказа V – VI вв.

Впрочем, в других сферах культуры гуннское влияние также было минимальным. Оно проявилось в появлении некоторых специфических деталей костюма (ноговицы) и, возможно, в раннем появлении (по Э. А. Новгородовой) в аланском эпосе персонажей с монгольскими именами.

1. Литвинский Б. А. Кангуйско-сарматский фарн (К историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968
2. Кругликова И. Т. Идолы из Дильберджина.– История и культура античного мира: М., 1977.
3. Раев Б. А., Яценко С. А. О времени первого появления аланов в юго-восточной Европе.– Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993.
4. Яценко С. А. Связи ранних алан с Центральной Азией и проблема происхождения алан.– Вестник Шелкового пути, вып. 2. М. (в печати).
5. Мешкерис В. А. Согдийская терракота. Душанбе, 1989.
6. Симоненко А. В. Фарзой и Инисмей: аорсы или аланы?– ВДИ (в печати).
7. Яценко С. А. Антропоморфные изображения Сарматии.– Аланы и Кавказ. Владикавказ (в печати).
8. Яенко С. А. О преемственности мифологических образов ранних и средневековых аланов.– Проблемы этнографии Осетии. Владикавказ (в печати).
9. Ростовцев М. И. Надпись на золотом сосуде из ст. Мигулинской.– ИАК, 1917, вып. 63.
10. Пшеничнюк А. Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале (Препринт доклада), Уфа, 1989.
11. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
12. Яценко С. А. Сарматские и скифские элементы в антропоморфных изображениях Прикубанья конца IV – первой пол. III вв. до н. э.– КЕСАМ. Новочеркасск, 1989.
13. Пугаченкова Г. А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987.
14. Марченко И. И. Проблемы этнической истории сиракского союза в Прикубанье.– Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988.
15. Nowgorodowa E. Alte Kunst der Mongolei. Leipzig, 1980.
16. Смонейко А. В., Лобан Б. И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья (погребения знати у с. Пороги). Киев, 1991.
17. Фон Штерн Э. Р. Несколько античных бронз из коллекции Одесского музея.– ЗООИД, т. XXIX. Одесса, 1991.
18. Кызласов Л. Р. Таштыкские каменные изваяния с изображением людей.– КСИА, вып. 60, 1955.
19. Горончаровский В. А. Исследования городища и некрополя Илурата.– АО за 1985 г. М., 1987.
20. Брыкина Г. А. Об антропоморфных скульптурах в захоронениях Ферганы.– Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987.
21. Сухбаатар Г. Сянби. Уланбаатар, 1971.
22. Пругло В. И. Статуэтки из Мирмекия.– САИ, вып. Г I—II, 1970.
23. Денисова В. И. Корoplastика Боспора. Л., 1981.

## СНАРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВОГО КОНЯ ИЗ БОСПОРСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ

(V в. до н. э.)

Скифы, пришедшие в северопричерноморские степи в VII в. до н. э., почти тысячелетие находились в постоянном соприкосновении с античной цивилизацией; в результате возникли и постепенно развивались различного рода взаимосвязи, оказывавшие влияние на экономику, социальную структуру, быт и идеологию обеих сторон. Особое место в греко-скифских контактах принадлежало Боспору.

Греко-скифские контакты, возникшие в этом регионе уже в VI в. до н. э., достигают своего апогея к IV в. до н. э., когда и Скифия, и Боспор переживают эпоху расцвета. Экономической основой контрактов служили торговый обмен и совместное производство товарного хлеба для боспорского экспорта. Кроме того, с V в. до н. э. интенсивно развиваются боспорские ремесла, ориентированные на скифский рынок сбыта. Уже с середины V в. до н. э., как свидетельствуют археологические находки, в боспорских мастерских изготавливаются скифские типы оружия, украшения, учитывающие вкусы степняков, предметы конского убора. Они становятся обычным компонентом в инвентаре погребений скифской аристократии, как в боспорских некрополях, так и за пределами Боспора.

В этой связи особого внимания заслуживают погребения знатных скифов в некрополе Нимфея и на Ак-Бурунском мысу, открытые еще в XIX в. Почти в каждом из этих погребений найдена полная паноплия и сопровождающие захоронения боевых лошадей, что позволяет составить до вольно верное представление о системе упряжи скифского боевого коня в V в. до н. э. Украшения уздечек скифских лошадей в это время становятся массовой продукцией боспорских мастерских; это подтверждается находками однотипных, полностью идентичных изделий на Боспоре и в ряде районов Скифии.

Возможно, что в сфере производства этих художественных бронз были заняты не только ремесленники-греки, но и выходцы из скифской среды. Может быть, этим и объясняется относительно быстрая реакция боспорского ремесла на конкретные запросы скифского рынка и, что особенно сле-

дует отметить, глубокое проникновение греческих производителей во все тонкости скифской идеологии.

Система упряжи и седловки верхового коня, которая, судя по находкам, была распространена на Боспоре, позволяет говорить о том, что здесь преобладал скифский тип снаряжения лошадей. Он выработался в среде скифских кочевых племен в результате накопления традиций многовекового коневодства и постепенного отбора лучших пород, приспособленных для постоянных военных походов, выносливых и хорошо управляемых. По мнению ряда исследователей (1; 2) большое влияние на снаряжение скифского верхового коня оказала система упряжи Передней Азии, с которой скифы познакомились во время азиатских походов.

Среди погребальных памятников V в. до н. э. в Восточном Крыму лучше всего детали упряжи сохранились в Нимфейском некрополе и Ак-Бурунском кургане. Скорее всего, тут были захоронены дорогие породы быстроаллюрных коней (1, с. 113), принадлежавших знатным воинам-всадникам. К сожалению, определения конских скелетов в XIX в. археологами не производились и при изучении верховых лошадей из этих комплексов остается ориентироваться только на наборы деталей упряжи. Все они найдены в сопровождающих погребениях при полностью или частично разграбленных основных могилах (3).

Все детали нимфейской упряжи, кроме удил, из бронзы — это характерно для скифской узды середины — второй пол. V в. до н. э. В уздечных украшениях широко представлены сюжеты звериного стиля, но в отличие от золотых бляшек, которые в тот же период изготавливали боспорские торевты и на которых очень ощутимо влияние греческого искусства, уздечные наборы V в. до н. э. полностью сохраняют свою самобытность. В них все еще чувствуется исконно скифский звериный стиль, хотя некоторые художественные приемы свидетельствуют об определенном влиянии греческой изобразительной манеры.

Все эти предметы находят множество аналогов в комплексах второй пол. V в. до н. э. из Поднепровья, а также в Семибратних курганах (5; 6). Правда, справедливости ради следует отметить, что близость семибратних и нимфейских комплексов несколько преувеличена, об этом в свое время писала еще Л. Ф. Силантьева; она отметила, что прямые совпадения наблюдаются только между бляхами с

головами лося и кабана, а остальные принадлежности упряжи имеют ряд существенных отличий (7, с. 90).

Качество изготовления нимфейских уздечных наборов очень высокое; представляется, что эти предметы вместе с находками из Ак-Буруна (8) можно отнести к лучшим образцам художественных бронз в скифском зверином стиле V в. до н. э. Нимфейские и Ак-Бурунские уздечные наборы определяют вкусы и эстетические идеалы воинов-всадников, для которых красивым было то, что более всего соответствовало воинской доблести и способствовало победе – все быстрое, сильное, стремительное. Поэтому набор персонажей весьма определенный — это олень, вепрь, лось, лев, хищная птица.

В V в. до н. э. на всем пространстве евразийских степей происходят принципиальные изменения в системе крепления оголовья. Это было связано с накоплением производственного опыта, с улучшением технологии изготовления металлических деталей узды и с ее дальнейшим совершенствованием. Прежде всего, изменились псалии – трехпетельчатые и трехдырчатые были заменены двудырчатыми. Это важное изменение было связано с новой технологией изготовления удила, которые теперь делаются только из железа с загнутыми в петли концами. При необходимости эти петли разгибались и в них вставлялись псалии, которые прежде, в период архаики, прикреплялись к удилам снаружи при помощи среднего отверстия. Теперь же в средней части псалия – восьмеркообразное утолщение – перехват удила. Изменились и другие составные части узды, связанные с удилами и псалиями, т. к. изменяется вся система крепления ремней узды; усложняется и система седловки.

Остатки железных удил сохранились только в Ак-Бурунском комплексе – это фрагмент обычных двухчастных удил с кольцевидными петлями на концах. Крупные наружные петли служили для крепления псалиев и иногда для специальных колец-пряжек.

Бронзовые псалии представлены среди боспорских комплексов только двумя типами: S-видными и Г-образными. Первые известны в Евразии с VI в. до н. э. Особенно широко они распространяются в V в. и продолжают бытовать в IV в. до н. э. Среди нимфейских экземпляров чаще других встречаются экземпляры с плавно изогнутыми ромбовидными в сечении концами. Псалии подобного типа известны по

массовым находкам в Поднепровье (2, с. 117).

Следующая разновидность S-видных псалиев – экземпляры с зооморфными концами в виде лапы хищной птицы; они найдены в Ак-Бурунском комплексе. Близкие аналогии им известны на Посулье, но наши отличаются тщательностью моделировки и высоким качеством исполнения (8).

Г-образные псалии представлены тремя разновидностями – с концом в виде широкой лопасти, в виде копыта, в форме головы хищной птицы. Они изготовлены из круглых и граненых бронзовых стержней с восьмерковидными утолщениями в средней части и небольшим утолщением книзу.

Бляшки-пронизи и пряжки служили для крепления и разделения уздечных ремней. Интересную разновидность представляют пронизи для перекрестных ремней из комплекса № 1. По наблюдениям В. А. Ильинской подобные пронизи характерны только для узды VI в. до н. э., а позже они не применяются (2). Следовательно, в нимфейских наборах мы имеем дело с пережиточными традициями. Интересны известные в наборах V в. до н. э. стремявидные пряжки, служившие для крепления подвижных частей узды; их точное назначение до сих пор не установлено, возможно, они служили для крепления чумбура (2, с. 130).

Почти во всех комплексах встречены массивные подпружные пряжки; их употребление известно с V в. до н. э., когда седловка коня усложняется применением подпружного ремня. Подпружные пряжки в наших комплексах разнообразны по форме. Так, Ак-Бурунская имеет форму овала с массивным шипом на ровной стороне для крепления ремня; среди нимфейских есть прямоугольная с поперечной затяжкой, заменяющей шип, есть круглая.

Многочисленны бляшки-пронизи в виде полусферических блях; в большинстве случаев щитки их гладкие, но Ак-Бурунские экземпляры украшены круглыми выпуклостями по краю и в центре щитка. Разновидностью таких блях являются бляшки-розетки. Зооморфные бляхи и наносники имеют обязательно петлю с обратной стороны для продевания ремня.

Налобные и наносные зооморфные украшения уздечек представлены, как правило, небольшими бляхами в виде стилизованных фигурок птиц. Их хвосты декорированы розетками – деталь, связанная с влиянием античного искусства. Прекрасным образцом литья по восковой модели яв-

ляется налобник из Ак-Буруиа, он представляет собою голову рогатого животного, напоминающего сайгака.

В нескольких нимфейских наборах (№ 1–№ 6) представлены пластинчатые налобники ромбовидной формы. Это обычные для V–IV вв. до н. э. принадлежности узды. Они появились еще в период арханки и получили широкое распространение в V в. В этих же наборах найдены и нащечники; в нескольких случаях (№ 1, № 6) они имеют «крыловидную» форму. В IV в. до н. э. нащечники этого типа изготовлены из золота (Солоха, Чмырева Могила и др.). Нащечники из комплекса № 1 у основания украшены пальметкой – еще один признак их боспорского производства.

В Ак-Бурунском комплексе найдена ажурная нагрудная бляха в виде свернувшегося хищника. Она, вероятно, крепилась к нагрудному ремню. Вероятно, такое же назначение было и у ажурной бронзовой бляхи из нимфейского комплекса № 2. На ней изображен олень, имеющий весьма отдаленное сходство с типичным «скифским» оленем звериного стиля. Создается впечатление, что мастер, скорее всего грек, не имел перед собой образца с типично скифским изображением оленя, а пытался изготовить форму для отливки по памяти.

Все, кому приходилось обращаться к уздечным комплексам из боспорских некрополей, прежде всего обращали внимание на высокую технологию бронзового литья и первоклассную моделировку всех зооморфных изображений (2, с. 120). Особо следует выделить из всех рассмотренных комплексов уздечный набор из Ак-Буруиа, почти не имеющий аналогий среди массовой продукции подобного назначения. Возможно, он изготовлен по специальному заказу (8). Как уже отмечалось выше, керченские уздечные наборы по некоторым деталям совпадают более всего с наборами из Семибратних курганов, что позволяет говорить о существовании в пределах Боспора одной или нескольких бронзолитейных мастерских, специализировавшихся на изготовлении украшений для упряжи верховых коней по скифскому типу снаряжения.

Согласуется ли подобное предположение с теми химико-технологическими исследованиями, которые в свое время были проведены Т. Б. Барцевой? Исследовательница произвела спектральное изучение серии изделий из цветных металлов, происходящих из комплексов раннежелезного века

сравнительно широкой территории (9). По ряду признаков ею выявлена значительная близость сплавов изделий Подонья, Крыма и Северного Кавказа и сделаны интересные наблюдения о сходстве химико-металлургической характеристики высокохудожественных изделий из некоторых «царских курганов» с «первоклассными уздечными наборами» из Нимфея, Ак-Буруиа и Тузлы (10, с. 89).

Есть основания согласиться с Т. Б. Барцевой в том, что художественные бронзы поступали на Днепровское левобережье из единого центра, поставившего товары скифскому обществу (10, с. 90), и считать, что таким «единым центром» и были мастерские Боспора, поставившие свои изделия в Большую Скифию, начиная с V в. до н. э.

Соответствуют ли данные химико-технологических исследований по поводу близости синхронных художественных бронз Крыма и Прикубанья результатам стилистико-композиционного анализа уздечных гарнитуров и других предметов звериного стиля на указанных территориях?

По наблюдениям Е. В. Переводчиковой, предметы звериного стиля с территории азиатского Боспора и его ближайшего окружения по большинству формально-статистических признаков тяготеют к художественным центрам Средней Азии, Алтая, Казахстана и Ирана (11). В то же время (V–IV вв. до н. э.) на европейском Боспоре и в ряде степных комплексов влияние античного искусства на художественные бронзы и предметы торевтики трудно переоценить.

Особенно важен вывод о том, что «В целом по формальным признакам звериный стиль Прикубанья V–IV вв. до н. э. можно отнести скорее к восточной провинции скифского звериного стиля»... – и далее «Отсутствие греческого влияния в материалах IV в. до н. э. тем более примечательно, что в это время Прикубанье явно входило в сферу греческого влияния. Однако на искусство местного населения греческое искусство не наложило никакого отпечатка» (11, с. 16 сл.).

Вряд ли можно согласиться с категоричностью последнего тезиса, но несомненно одно – по ряду признаков влияние греческого искусства в Прикубанье ощутимо значительно меньше, чем в степной и лесостепной Скифии, не говоря уже о скифских комплексах в боспорских некрополях.

Можно ли увязать это положение с наблюдениями Т. Б. Барцевой? Близость исходных материалов художественных бронз Прикубанья и Восточного Крыма в V–IV вв.

до и, э., как отмечалось выше, дает основание предполагать их производство в едином центре. В то же время, различие стилистически-композиционных особенностей этих изделий, как представляется, говорит о том, что литейщики работали на одинаковом сырье, но с учетом художественно-эстетических вкусов (идеологии) заказчика. Нимфейские и Ак-Бурунские уздечные украшения изготовлялись по заказам (моде, традициям) скифской эллинизированной знати, тогда как прикубанские наборы предназначались синдо-меотской аристократии.

Поэтому, несмотря на распространенное в литературе со времен М. И. Ростовцева мнение о необычайной близости Нимфейских и Семибратних курганов (12, с. 390 сл.) следует поддержать мнение Л. Ф. Силантьевой. Пристальное сравнение погребального инвентаря этих памятников позволило ей высказаться в свое время против традиционной точки зрения. Она подчеркнула некоторую близость отдельных нимфейских погребений только со «старшими» Семибратними курганами, но и при сравнении с ними «впечатление сходства создается благодаря однородности набора предметов с точки зрения их назначения». В Семибратних курганах обилие предметов из драгоценных металлов, не характерное для нимфейских комплексов, а также ряд «выдающихся восточных изделий» или изделий, исполненных под сильным восточным влиянием, чего в курганах Нимфейского некрополя почти не наблюдается (7, с. 90). Показательно, что этот вывод совпадает с результатами исследования Е. В. Переводчиковой.

Все вышеизложенное свидетельствует, что на территории европейского Боспора возникла благоприятная среда в области производства художественных бронз и предметов торевтики, где на основе традиционного скифского звериного стиля зарождаются и возникают новые течения в декоративно-прикладном искусстве. Зооморфные украшения уздечных принадлежностей, вышедшие из боспорских мастерских, свидетельствуют о переработке античными мастерами композиционно-стилистических особенностей скифского звериного стиля. Это явилось закономерным результатом непосредственного взаимодействия античной цивилизации с миром кочевников-скифов. По мнению ряда исследователей, под влиянием этого процесса появляются постепенно определенные школы, где зарождаются новые своеобразные направления (варианты) скифского искусства (13, с. 15).

Есть все основания предполагать, что одна из таких школ возникла и существовала на Боспоре, специализированные мастерские которой уже в V в. до н. э. выпускали, в частности, художественные бронзы для скифских уздечных наборов.

1. Ковалевская В. Б. Конь и всадник. М., 1977.
2. Ілл{нська В. А. Скіфська вузда VI ст. до н. е. Археологія, 1961, т. XIII.
3. Для удобства дальнейшего описания, погребениям Нимфейского некрополя даны порядковые номера от № 1 до № 13:  

№ 1 — кург. 1876 г. (Люценко)	№ 133 по каталогу Силантьевой
№ 2 — «—»	№ 114 «—»
№ 3 — «—»	№ 115 «—»
№ 4 — кург. 1878 г. (Веребрюсов)	№ 116 «—»
№ 5 — кург. 1876 г. (Люценко)	№ 117 «—»
№ 6 — кург. 1878 г. (Веребрюсов)	№ 118 «—»
№ 7 — кург. 1868 г. (Люценко)	№ 1 по «Древностям», Тр. МАО
№ 8 — «—»	№ 2 «—»
№ 9 — кург. 1869 г. (Биллер)	№ 1 по М. Vickers (4)
№ 10 — «—»	№ 2 «—»
№ 11 — «—»	№ 3 «—»
№ 12 — «—»	№ 4 «—»
№ 13 — «—»	№ 5 «—»
4. M. Vickers. Scythian treasures in Oxford. Oxford, 1979.
5. Петренко В. Г. Правобережье Среднего Поднепровья в V — III вв. до н. э. — САИ, вып. Д 1—4, 1967.
6. Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага—Л., 1966.
7. Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея. — МИА, № 60, 1959.
8. Яковенко Э. В. Уздечный набор V в. до н. э. из Восточного Крыма — КСИА, вып. 124, 1970.
9. Барцева Т. Б. Про металургійні сплави на теритої Північного Причорномор'я в кінці I тисячоліття до н. е. та перших століттях н. е.— Археологія, 1974, вип. 14.
10. Барцева Т. Б. О химическом составе уздечных наборов, найденных в Посульских курганах. — КСИА, вып. 89, 1980.
11. Переводчикова Е. В. Прикубанский вариант скифского звериного стиля. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1980.
12. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
13. Ильинская В. А. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля. — Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

**"СВЕРНУВШИЙСЯ В КОЛЬЦО ХИЩНИК И «ЛЕТЯЩИЙ» ОЛЕНЬ**  
(генезис и распространение ведущих образов скифо-евразийского звериного стиля)

Каждый регион скифского мира отличается присущими только ему особенностями в искусстве звериного стиля, но наряду с такими локальными элементами может быть выделена группа мотивов, получивших распространение во всей евразийской степной и лесостепной зоне от Придунавья до Байкала и Северного Китая, а также на Древнем Востоке в памятниках, связываемых с военными рейдами северных кочевников. К числу наиболее распространенных в эпоху скифской архаики сюжетов могут быть отнесены изображения стоящего и «летающего» оленя, кабана «на цыпочках» и в позе «внезапной остановки», припавшего к земле, прыгающего и свернувшегося кошачьего хищника, головы хищной птицы (по формуле «глаз + клюв») и нек. др. Именно эти универсальные для ранних кочевников Евразии иконографические схемы составляют, по моему мнению, первооснову скифского искусства (1, с. 110). Проблема происхождения скифского звериного стиля может быть в значительной мере сведена к выяснению генезиса именно этих «нуклеарных» сюжетов, среди которых наиболее оригинальными и легко опознаваемыми являются изображения свернувшегося хищника и «летающего» оленя.

*Свернувшийся хищник.* В настоящее время сравнительно хорошо изучены отдельные серии изображений свернувшегося в кольцо хищника (2–12). Установлено, что в искусстве Северного Причерноморья эти изображения не имеют местных прототипов, появляются внезапно, и уже для самых ранних экземпляров из Темир-горы и Келермеса присуща единообразная геометризованная моделировка отдельных частей тела – воспроизведение глаза, уха, ноздри, окончаний лап в виде Двойных кружков (рис. 1, 1–5); только кошачий хищник на костяной бляшке из 1-го Краснознаменского кургана имеет приостренное, листовидное ухо (рис. 1, 6) (13, с. 47). Все эти изображения относятся ко 2-й пол. VII в. до н. э. и можно спорить лишь о том, какое из них ближе к концу, а какое – к середине VII в. до н. э.

Изображения свернувшегося в кольцо хищника эпохи скифских походов можно выстроить в определенную хроно-

логическую и типологическую цепочку в рамках VII в. до н. э. Самой ранней и наиболее реалистической в переднеазиатской серии является известная золотая бляха из Зивийе, найденная на территории древней Манны, которая была ареной деятельности скифов во времена Ишпакая в 70-е гг. VII в. до н. э. (рис. 1, 9). Изготовленную в более условной манере костяную бляху, найденную в районе т. н. «лидийского базара» в Сардах, датируют 650–630 гг. до н. э. (рис. 1, 8) (14, с. 91, рис. 2). К концу VII в. до н. э. относится костяной наконечник ножен из Кармир Блура с изображением свернувшегося хищника, который по художественной манере близок наиболее ранним изображениям в европейской Скифии (рис. 1, 7) (15, с. 35).

Некоторые специалисты считают, что образ свернувшегося хищника в скифском искусстве сформировался под влиянием Древнего Востока (см. напр.: 16, с. 127), хотя по этому вопросу достаточно определенно высказался один из крупнейших искусствоведов ориенталистов – В. Г. Луконин, отметивший, что тип свернувшегося зверя не характерен для искусства Древнего Востока (17, с. 98 сл.). Вместе с тем, В. Г. Луконин полагал, что изображение свернувшейся пантеры из Зивийе выполнено в канонах искусства Ассирии и Урарту, в доказательство этого им был приведен один аргумент: «раскрытая пасть пантеры в Зивийе имеет точные аналогии в изображениях львиных голов на урартских шлемах». Забегая несколько вперед, скажу, что «раскрытая пасть» у хищника из Зивийе, должна свидетельствовать в пользу ассирийских и урартских канонов, с лихвой перевешивается целым «букетом» специфических признаков, находящих аналогии в искусстве Центральной и Восточной Азии.

Безусловное отсутствие прямых прототипов изображениям свернувшегося хищника в Северном Причерноморье и Передней Азии, обнаружение большой бронзовой бляхи в виде свернувшегося зверя в «царском» кургане VIII в. до н. э. Аржан в Туве, наметившиеся в современной скифологии тенденции к удревнению могильника Уйгарак и 5-го Чиликтинского кургана в Казахстане, где найдены аналогичные изображения, заставляет обратить более пристальное внимание на искусство азиатской части скифского мира.

Большая серия изображений свернувшегося хищника, в частности, известна в искусстве тагарской культуры Южной Сибири. Эта культура на протяжении длительного времени рассматривалась многими специалистами как одна

из наиболее отсталых и периферийных культур скифского круга. Однако находка серии раннетагарских вещей в Аржане заставила М. П. Грязнова заглянуть начальную дату тагара до VIII в. до н. э. (18, с. 10), Было бы справедливым вспомнить, что еще в 1913 г. Э. Миннз обратил внимание на то, что, если из скифского искусства исключить поздние чужеродные элементы, то останется некая оригинальная основа, которая в наиболее стерильном виде представлена в искусстве племен верхнего Енисея; «вплоть до выяснения всех обстоятельств, касающихся Минусинского искусства, – писал далее Э. Миннз, – скифская проблема не может считаться решенной» (19, с. 221, 261).

Об эволюции изображений свернувшегося зверя в тагарской культуре Южной Сибири писали ранее С. В. Киселев и Н. Л. Членова (20, с. 244 сл.; 16, с. 118 сл.). К сожалению, в распоряжении этих исследователей был материал, происходящий почти исключительно из случайных находок. Это обстоятельство, а также исходная теоретическая установка о периферийном характере тагарского художественного очага по сравнению с европейской Скифией, привели Н. Л. Члеиову к заключению о том, что мотив свернувшегося хищника появляется в Минусинской котловине только в VI в. до н. э. и «вряд ли в самом его начале».

В настоящее время в погребениях тагарской культуры известно около десятка изображений свернувшегося хищника, которые позволяют значительно скорректировать предварительные выводы С. В. Киселева и Н. Л. Членовой (21). Наиболее ранними по сопутствующему инвентарю являются изображения хищников из кург. 32 и 33 у Тагарского озера (1, 17–18), где они найдены в комплексе с чеканамиукрашенными головкой грифа под бойком, а также т. н. «моделями ярма» архаического облика (22, с. 116 сл.). Одна из таких «моделей ярма» имеет, например, точную аналогию в переходной карасукско-тагарской могиле из Райкова улуса (23, табл. 51, 21). Благодаря находке чекана с головкой хищной птицы под бойком в Имирлере (Турция) и заглаблению датировки могилы 84 Уйгарака, содержавшей чекан в комплексе со стрелами VIII – нач. VII вв. до н. э., датировка более примитивных по технологии татарских, и тувинских чеканов этого типа может быть занижена до VIII в. до н. э. (24). Изображения хищников из кург. 32 и 33 у Тагарского озера имеют наиболее реалистическую во всей тагарской серии моделировку хвоста, лап и морды. Хищник из кург,

33 имеет «курносый» нос, как и пантера из Аржана. Более поздними по сопутствующим элементам культуры являются бляшки с фигурой свернувшегося в клубок хищника из мог. Туран II, Тигей и Сопки (рис. 1, 13, 14, 16). Представляет интерес такая деталь как перемычка в ухе у туранского экземпляра, напоминающая ухо хищника на золотой накладке из Майэмира и Зивийе. К еще более позднему времени может быть отнесена бляшка из Ягуня, найденная в комплексе с простыми уменьшенными чеканами, которые по разработанной для тагарской культуры типологии являются значительно более поздними, чем найденные в курганах у Тагарского озера. Хищник из Ягуня имеет глаз в форме двойного кольца, гипертрофированную ноздрю, кольчатое окончание хвоста (рис. 1, 15). Бляшки из могильника Ашпыл (Шарыпово), найденные в сочетании с уменьшенными полушаровидными бляшками, переходной подгорновско-сарагашенской керамикой, по кольчатым окончаниям лап близки наиболее позднему изображению свернувшегося хищника из богатого кур. 3 мог. Колок (рис. 1, 11–12). Вырезанная из золотого листа фигурка «пантеры» из Колока относится уже к сарагашенскому этапу тагарской культуры, который был впервые выделен М. П. Грязновым и датирован им безо всяких обоснований IV–III вв. до н. э. К сожалению, эта предварительная датировка была некритически воспринята многими специалистами. Сейчас, после раскопок нескольких богатых курганов знати (Колок, Табат, Большой Полтаковский курган; ср. 25), с импортами и аналогиями в хорошо датированных памятниках, можно ставить вопрос о заглаблении начальной даты среднего сарагашенского этапа тагарской культуры до VI в. до н. э. В Б. Полтаковском кургане и Колоке найдены золотые накладки в форме когтя и «бегущей волны», точные соответствия которым имеются только в Туэктинских курганах VI в. до н. э. (26, с. 155, рис. 97; ср. 27, с. 64, рис. 5). В Б. Полтаковском кургане встречены золотые накладки с отверстиями по краю для крепления, с изображением стилизованной головы хищной птицы, находящиеся близкие соответствия в савроматском могильнике Пятимары I, в комплексе, датируемом по стрелам рубежом VI–V вв. до н. э. (25, с. 64; ср. 28, рис. 24, 4; 29, с. 35 сл.). Таким образом, вся татарская серия изображений свернувшегося хищника датируется VIII – VI вв. до н.э.



Сопоставим тагарский эволюционный ряд изображений свернувшегося хищника, построенный на основании относительной хронологии погребальных комплексов, с европейской и переднеазиатской сериями (рис. 1). Легко заметить, что если в Восточной Европе такие стилистические приемы как кольчатость в оформлении лап, ноздрей и глаз, расположение ноздри, глаза и уха на одной линии, появляются уже на самых ранних изображениях свернувшегося животного, то в тагарской серии эти признаки формируются постепенно, и наиболее четко выражены у поздних экземпляров. Типологически близкие к самому раннему в ближневосточной серии изображению из Зивийе бляшки из Турана II и Ягуня также являются отнюдь не начальными в тагарской серии. Таким образом, сравнительно – типологический анализ тагарских, переднеазиатских и причерноморских изображений показывает, что образ свернувшегося клубком хищника появляется в тагарском искусстве раньше, чем в Передней Азии и Европе. Вместе с тем, Южная Сибирь вряд ли являлась родиной этого сюжета. Такая постановка вопроса хорошо согласуется со старой идеей М. И. Ростовцева, который считал, что сибирский и причерноморский звериный стиль вышли из одного источника, но сибирский сохраняет большую связь с прародиной стиля (30, с. 339 сл).

Еще в 1938 г. известный синолог М. Лёр заметил, что самые ранние из известных в то время изображений свернувшегося хищника в Китае практически синхронны восточноевропейским (12, с. 142). Обнаружение аналогичных изображений, относящихся к чжоуской эпохе (1027 – 770 гг. до н. э.) позволило некоторым исследователям поставить вопрос о возможном происхождении данного сюжета из Китая (литературу вопроса см. 30, с. 31). Недавно были получены некоторые новые материалы в поддержку такого предположения. Например, среди комплекса находок в Наньшань-гэнь, обозначенного как мог. 101, имеется бронзовый кинжал, на рукояти которого изображены стоящие олени ар-жанского типа и свернувшиеся хищники в манере, характерной для оленных камней Монголии (32, рис.3). Комплекс вещей из мог. 101 датируется концом эпохи Западного Чжоу – началом Чуньцю, т. е. VIII – нач. VII вв. до н. э. (33, с. 89). В раскопанной в 1976 г. могиле Фу Хао (одной из жен иньского вана У-дина, правившего в XIII–XII вв. до н. э.)

были найдены украшения из нефрита с изображением «дракона», кусающего себя за хвост (рис. 1, 20) (34, с. 231, рис. 46, 2; также 35).

Примерно для половины китайских изображений свернувшегося хищника характерно воспроизведение морды животного анфас. Поэтому единственное изображение свернувшегося хищника с мордой анфас в Казахстане, в памятнике Чистый Яр, логичнее всего по происхождению связать с Китаем (36, с. 79, рис. 22). В Китае фигуры свернувшегося зверя нередко украшают подпружные пряжки (рис. 1, 19), подобные пряжки найдены в Уйгараке (31, с. 31; ср. 37, табл. IX, 15; XXVIII, 6). Бронзовый нож с дисковидным навершием с изображением скорчившегося хищника в Уйгараке находит почти полную аналогию в могиле 101 в Наньшань-гэнь (37, табл. VI, 4; ср. 32, рис. 3, 16). Если связи Казахстана с Северным Китаем вполне объяснимы по причине географической близости этих регионов, то куда более интригующим выглядит наличие китайских по происхождению элементов декора на «пантере» из Зивийе. Для всех ранних изображений свернувшегося хищника в евразийской степной зоне типично воспроизведение глаза в виде кружка, двойного кружка или же миндалевидной формы. «Пантера» Зивийе в этом отношении представляет собой исключение, она имеет т. н. «человеческий» глаз, как, впрочем, и некоторые наиболее ранние экземпляры из Китая (рис. 1, 9; ср. рис. 1, 19, 20). Эти же изображения из Китая и Зивийе имеют необычное оформление ноздри и нижней челюсти в виде завитка или спирали. Имеющийся на плече «пантеры» из Зивийе кружок с точкой имеет параллели на плечах некоторых китайских, а также чиликтинских изображений свернувшегося хищника (38, табл. XV, 9; ср. 16, табл. 20, 10; 2, табл. XV, XVI). Если учесть, что наиболее раннее на Древнем Востоке и найденное неподалеку от Зивийе, в северном Луристане изображение «летащего» оленя в скифском стиле имеет на туловище типичную только для района Саяно-Алтая S-видную фигуру (1, с. 106), то напрашивается вывод о том, что какой-то передовой отряд скифов пришел на Древний Восток непосредственно из «глубин Азии», минувя Восточную Европу, сокращенным «южным» маршрутом, принеся с собой такие сюжеты как «летающий» олень из Харсина и наиболее раннее на Древнем Востоке изображение свернувшегося хищника в Зивийе. Эта идея близка высказанному И. В. Куклиной предположению о том, что ски-

фы пришли из Центральной Азии сначала на Древний Восток, и лишь затем в Восточную Европу (39, с. 77, 190). Правда, в отличие от И. В. Куклиной я считаю, что основная экспансия из Центральной Азии в западном направлении проходила через евразийские степи.

Центральная Азия была своего рода «генератором народов» и миграции из этого района (гуннов, тюрков, монголов и, видимо, скифов) осуществлялись по единой модели: сначала создавался мощный военно – племенной союз, затем следовало противоборство с Китаем, с обоюдным обогащением культуры, и лишь после этого следовал бросок на запад. Именно с этих позиций легко объяснимо и появление в раннескифских курганах Прикубанья VII в. до н. э. боевых шлемов, генетически восходящих, как совершенно справедливо предположил А. В. Варенов, к чжоуским шлемам из Северного Китая (40). Попытка М. В. Горелика вывести шлемы прикубанского типа с Древнего Востока осуществлена не совсем корректными средствами – достаточно сравнить «подправленную» прорисовку шлема из Северного Ирана с фотоснимком (41, рис. 1,1; ср. 42, с. 45, рис. 4); гребенчатый шлем из Хурвина также не имеет ничего общего с прикубанскими шлемами.

*«Летящий» олень.* Не имея возможности в небольшой работе рассмотреть в полном объеме материалы, имеющие отношение к выяснению генезиса этого образа, ограничимся анализом изображений оленя в тагарской культуре. Как известно, существуют два региона длительного бытования изображений «летающего» оленя в пределах скифской ойкумены — ЮВ Европа и Центральная Азия. В центральной Азии, которая, по моему мнению, являлась первичным очагом формирования этого сюжета, изображения «летающих» оленей встречены в трех культурно - исторических областях; 1) в ареале оленных камней как саяно-алтайского или аржанского, так и забайкальского типа; 2) в тагарской культуре Южной Сибири; 3) в Северном Китае (прежде всего, Ордосе). Интересно, что если в Южной Сибири и Ордосе не встречены оленные камни, то в границах распространения оленных камней практически не найдено изображений оленя в металле.

Из всех регионов скифского мира наибольшее количество изображений оленей в металле имеется в тагарской культуре. Изображения оленей на татарских бронзовых

бляхах изучали многие специалисты: С. В. Киселев, Н. Л. Членова, В. В. Бобров, А. И. Мартынов, а также Ю. И. Трифонов и М. П. Завитухина (20, с. 269; 43—48). Основные выводы, полученные этими исследователями, сводятся к следующему:

1. Изображения «летающих» оленей появляются в тагарской культуре позднее, чем в других районах скифского мира – в VI в. (М. П. Завитухина) или в V в. до н. э. (Н. Л. Членова и др.); в лесостепном варианте тагарской культуры и того позже – в IV в. до н. э. (В. В. Бобров).

2. В тагарской культуре такие изображения появляются под влиянием евроскифского (С. В. Киселев) или сакского (Н. Л. Членова) искусства.

3. Наиболее ранними в тагарской культуре являются рельефные бляхи с S-видными отростками рогов; плоскостные же изображения оленей с гребенчатыми рогами считали более поздними (Н. Л. Членова, В. В. Бобров, А. И. Мартынов).

Выводы С. В. Киселева и Н. Л. Членовой были основаны на случайных находках и материалах из отдельных погребений, что касается В. В. Боброва и А. И. Мартынова, то они, к сожалению, в неполной степени использовали материалы имевшихся в их распоряжении полностью раскопанных могильников. Например, в Тисульском могильнике найдено 100, в Ягуня – 42, в Серебряково — 26 оленных блях; позднее были раскопаны и полностью или частично опубликованы изображения оленей из Березовского могильника (60 экз.), «куста» могильников на территории Означенской оросительной системы – Медведка I – II, Кирбинский Лог (21+9+13 экз.), остались неопубликованными материалы из Малых Копен (30 экз.) и т. д. Большие серии бронзовых оленей найдены также в длительно функционировавших склепах – Шарыповском кургане (26 шт.), Маяк II (11 шт.), кург. 1 мог. Толстый Мыс V (15 шт.).

Наибольший интерес представляет серия оленных блях из Березовского мог. у пос. Дубинино Красноярского края; в этом могильнике изображения оленей существовали наиболее длительный отрезок времени. Судя по сопутствующим вещам, здесь найдены как наиболее ранние, так и наиболее поздние фигурки тагарских оленей (49). Из 29 курганов Березовского мог. изображения оленей найдены в 10 (в 15 коллективных могилах). На основании погребального инвентря, а также с учетом внутрикурганной стратиграфии,

была разработана относительная хронология погребальных комплексов Березовского мог. содержащих оленные бляхи. Учитывая наметившиеся тенденции к загублению ранней даты тагарской культуры (18), наличие в курганах тагарской знати аналогий в хорошо датированных памятниках за пределами тагарской культуры и некоторые материалы из самого Березовского мог., выделенные этапы могут быть продатированы следующим образом:

I. А – Б (подгорновский этап по периодизации М. П. Грязнова) – конец VIII – VII вв. до н. э.

II. А – Б (раннесарагашенский этап) – VI – V вв. до н. э.

III- А – Б (позднесарагашенский этап) – V – IV вв. до н. э.

IV. А – Б (финальный тагар, предтесинское время) – III – м. б. частично II вв. до н. э.

Установив относительную хронологию погребений Березовского могильника, мы можем проследить, как развивался в пределах одного рода образ оленя (рис. 2). Наиболее ранней в могильнике является большая оленная бляха из богатой мог. 3 кург. 4 (рис. 2, 1). Обращают на себя внимание следующие стилистические признаки: несомкнутость ног, характерная для изображений на оленных камнях (это в полном смысле «олень в галопе», как метко обозначил эту позу еще С. Рейнак); выступающий из лба круглый глаз, из которого вырастает ухо и рог (признак, характерный для раннего аржаномайэмирского этапа скифо-сибирского звериного стиля (50, с. 344), и, наконец, рога в форме дуги с отростками. Нетрудно видеть (рис. 2), что почти все остальные изображения оленей в Березовском могильнике последовательно, шаг за шагом развиваются на основе этой базовой иконографической схемы. Малопродуктивное и чисто механическое разделение множества тагарских оленных блях на десятки типов и подтипов может быть заменено своего рода генеалогическим деревом, каждая ветвь которого логично произрастает из предыдущей. Такая схема развития большинства тагарских оленей подтверждается материалами из других тагарских могильников; увеличивается только число модификаций в рамках эволюции той же самой базовой иконографической модели.

Начиная с периодов II-Б – III-А, в Березовском мог. засвидетельствовано появление принципиально иной иконографической схемы — изображений оленя с S-видными

отростками рогов. Интересно, что южнее, в Хакасии, эта новая, чужеродная для тагара схема, возникающая здесь сразу в законченном виде, появляется несколько раньше, чем в лесостепных районах и связана в первую очередь с курганами знати. На это обстоятельство первым обратил внимание еще В. В. Бобров, который указал также, что только оленные бляхи с S-видными рогами облицованы золотом (44, с. 24). В. В. Бобров называл изображения оленей с S-видными рогами «отличительными знаками тагарской знати». Высказанная им идея прекрасно подтвердилась после раскопок Б. Полтаковского кургана, где найдены золотые олени только этого типа; тот же тип оленя, но на бронзовой бляхе, имеется в богатом кург. 3 мог. Колок (25, с. 59; 27, с. 61, рис. 2, 1). Именно этот тип оленя находит наиболее широкое распространение в скифском искусстве и часто выполняется в золоте (Чиликты, кург. 5; Тагискен, кург. 45; Жалаулинский клад в Казахстане). Безусловно, к этой схеме восходят изображения оленей на навершии из ст. Губской, золотые олени из Гумарова и Зивийе и более вычурные вариации в Мельгуновском кургане и на ряде предметов из Келермеса.

Таким образом, анализ больших серий изображений оленя из полностью исследованных тагарских могильников и впервые раскопанных курганов тагарской знати позволяет сделать следующие выводы:

1. Наиболее ранние оленные бляхи в тагарской культуре появляются еще на подгорновском этапе, не позднее VII в. до н. э. Кроме Березовского могильника, большая оленная бляха с гребенчатыми рогами встречена в подгорновском кург. 3, мог. 2 на р. Бидже (51).

2. Большинство тагарских изображений оленя развивается на основе оригинальной базовой иконографической схемы. Эта исходная художественная модель представлена оленной бляхой в мог. 4-3 Березовского мог. и предположительно может быть связана с ареалом оленных камней, где засвидетельствованы наиболее ранние по типологии и степени реалистичности изображения оленей (52, с. 162).

3. Олени с S-видными отростками рогов появляются в таганрогском искусстве позднее оленей с дугообразными гребенчатыми рогами; возможно, из Казахстана, но не исключено, что из районов, расположенных к югу от Саяно-Алтая. Эта схема — более элитарная: оленные бляхи только этого типа в ряде случаев полностью облицовываются золотом и

встречаются в курганах тагарской знати. Из всех тагарских изображений оленя только эта схема находит широкий круг аналогий в других регионах скифского мира, где также чаще всего изготовлена в золоте и связана с погребениями знати.

1. Курочкин Г. Н. Ранние этапы формирования скифского искусства. – КЕСАМ, Новочеркасск, 1989.
2. Черников С. С. Загадка золотого кургана. М., 1965.
3. Ильинская В. А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве. – СА, 1971, № 2.
4. Шкурко А. И. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии. — СА, 1969, № 1.
5. Сорокин С. С. Свернувшийся зверь из Зивийе. – СГЭ, вып. 34, 1972.
6. Засецкая И. П. Бронзовые бляшки с изображением свернувшегося в круг хищника из савроматского погребения. – СГЭ, вып. 44, 1979.
7. Баркова Л. Л. Изображение свернувшегося хищника на золотых пластинах из Майэмира. – АСГЭ, вып. 24, 1983.
8. Чежина Е. Ф. Изображение свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху. – АСГЭ, вып. 25, 1984.
9. Абрамова Л. И. Образ кошачьего хищника в искусстве Евразии скифо-сарматского времени. – Проблемы археологии степной Евразии, ч. II. Кемерово, 1987.
10. Черемисин Д. В. К вопросу о происхождении мотива свернувшегося в кольцо хищника (изображение на оленних камнях). – Исторические чтения памяти М. П. Грязнова, ч. 1. Омск, 1987.
11. Минасян Р. С. Изображения свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен. – АСГЭ, вып. 30, 1990.
12. Loche M. Das Roll tier in China. – Ostasiatische Zeitschrift, N. F., Bd.14:4/5 (1938), B., 1939.
13. Петренко В. Г. Скифская культура на Северном Кавказе. – АСГЭ, вып. 23, 1983.
14. Hanfman D.M.A., Detweiler A. H. Sardis through the ages. — Archaeology, Vol. 19, № 2, 1966.
15. Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. К., 1983.
16. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
17. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
18. Грязнов М. П. Начальная фаза развития скифо-сибирской культуры. – Археология Южной Сибири. Кемерово. 1983.
19. Minns E. H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1951.
20. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
21. Курочкин Г. Н. Изображения свернувшегося хищника в тагарском искусстве. – КСИА, вып. 207 (в печати).
22. Раскопки А. В. Адрианова. ОАК за 1894 г.
23. Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – МИА, № 182, 1971.

24. Подробнее см. статью Г. Н. Курочкина и А. В. Субботина в настоящем сборнике.
25. Курочкин Г. Н. «Золотой» курган сибирских скифов. – Природа, № 10, 1990 (предварительная информация).
26. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. — Л., 1960.
27. Поляков А. С, Пшеницына М. Н. Погребения родоплеменной знати тагарского общества на юге Хакасии. — КСИА, вып. 196, 1989.
28. Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
29. Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975.
30. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
31. Kossak G. Von Anfängen des Skytho-iranischen Tierstis-Abhandlungen BAW, Phil.-hist. Klasse, N P., H, 98, 1987.
32. Каогу сюэбао, № 2, 1973. Благодарю А. А. Ковалева, обратившего мое внимание на эту группу находок, и С. С. Миняева, любезно разъяснившего, что вещи из «могилы 101» – это поверхностный сбор из района разрушенной могилы в каменном ящике.
33. Комиссаров С. А. Комплекс вооружения древнего Китая (эпоха поздней бронзы). Новосибирск, 1988.
34. Hsia Nai. Classification Nomenclature and Usage of Shang Dynasty Yades. – Studies of Shang Archaeology. N.H.– L., 1986.
35. Кучера С. Некоторые вопросы культуры Китая в эпоху Инь (по материалам, найденным в могиле Фу Хао). – 10-я научная конф. «Общество и государство в Китае», ч. 1, М., 1979.
36. Арсланов Ф. Х. Новые материалы VII – VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана. — Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
37. Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII – V вв. до н. э. М., 1973.
38. Salmony A. Sino-Siberian Art in the Collection C.T.Loo. P., 1933.
39. Куклина И. В. Этногеография по античным источникам. М., 1985.
40. Варенов А. В. Иньские шлемы и проблемы боевого оголовья эпохи поздней бронзы. — Изв. СОАН СССР, сер. ист., филологии и философии, вып. 3, № 14, 1984.
41. Горелик М. В. Защитное вооружение персов и мидян ахеменидского времени. – ВДИ, 1982, № 3.
42. Курочкин Г. Н. К интерпретации некоторых изображений раннего железного века с территории Северного Ирана. – СА, 1974, № 2.
43. Членова Н. Л. Скифский олень. – МИА, № 115, 1962.
44. Бобров В. В. Олень в скифо-сибирском искусстве звериного стиля (тагарская культура). Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1973.
45. Мартынов А. И., Бобров В. В. Образ космического оленя в искусстве тагарской культуры. – Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
46. Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.
47. Трифонов Ю. И. О сюжете оленя в скифо-сибирском искусстве. – Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975.
48. Завитухина М. П. Древнее искусство на Енисее (скифская эпоха). Л., 1983.
49. Вадецкая Э. Б. Первые итоги работ на КАТЭКе. – Древние культуры евразийских степей. Л., 1983. Благодарю своих коллег, прежде всего, А. В. Субботина, Э. Б. Вадецкую и М. Н. Пшеницыну.

которые предоставили в мое распоряжение материалы из раскопок Березовского могильника, в исследовании которого я и сам принимал участие.

50. Шер Я. А. Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля.— Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.
51. Полевой отчет А. Н. Липского за 1964 г. Архив Ин-та археологии АН СССР, р. 1 № 2854, л. 1–12.
- 52: Курочкин Г. Н. Изображения животных на оленных камнях аржанского типа. — Исторические чтения памяти М. П. Грязнова, Ч. 1, Омск, 1987.

#### ПОДПИСИ К РИСУНКАМ

Рис. 1. Эволюция образа свернувшегося хищника в некоторых регионах скифского мира и возможные прототипы из Китая

1-4— Келермесские кург.; 5— Темир-гора; 6— 1-й Краснознаменский курган; 7— Кармир-Блур; 8— Сарды; 9— Зивийе; 10— Колок, кург. 3; мог. 3; 11–12— Ашпыл, кург. 23 и мог. 44; 13— Туран II, кург. 5, мог. 1; 14— Тигей, кург. 1; 15— Ягуня, кург. 11, мог. 1; 16— Сопки, кург. 6; 17–18— Татарское оз., кург. 32 и 33; 19— Китай, эпоха Зап. Чжоу; 20— Китай, гробница Фу Хао (XIII–XII вв. до н. э.).

Рис. 2. Развитие образа оленя в татарском искусстве (по материалам Березовского могильника)

1— кург. 21; 2—3— кург. 28, мог. 3; 4—7— кург. 8, мог. 1; 8, 9, 12—14— кург. 29, мог. 2; 10—11— кург. 8, мог. 2; 15, 19, 20— кург. 4, мог. 2; 16— кург. 29, мог. 1; 17, 18, 21—23— кург. 5, мог. 3; 24— кург. 16, мог. 2; 25, 26— кург. 27, мог. 1; 27— кург. А, мог. 1; 28, 30— кург. 5, мог. 2; 29, 31— кург. 13; 32— кург. 5, мог. 1; 33— кург. 4, мог. 3.

*А. Д. Пряхин, Ю. Д. Разуваев*

#### КЛАД УКРАШЕНИЙ С СЕМИЛУКСКОГО ГОРОДИЩА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

В 1990 г. при раскопках Семилукского городища, осуществленных кафедрой археологии и истории древнего мира ВГУ, обнаружен клад украшений скифского времени. Городище располагается на мысу правого высокого берега р. Дон в черте г. Семилуки (окрестности г. Воронеж). Напротив него, на плато левого берега реки, находится известный могильник «Частые курганы». Городище представляет собой многослойный памятник, раскопки которого ведутся с 1984 г. В ходе исследований вскрыто более 3000 м площади, найдены материалы бронзы, раннего железного века и древнерусского времени (1, с. 58 сл.).

В раннем железном веке существовал укрепленный поселок, с которым связаны остатки жилых и хозяйственных сооружений, а также многочисленные захоронения, которые

зачастую располагались в котлованах построек или в хозяйственных ямах (2, с. 60 сл.). Полученные данные позволяют предполагать относительную кратковременность существования комплекса.

Клад обнаружен на глубине ок. 30 см. от современной дневной поверхности в культурном слое в центральной части площадки городища, рядом с комплексом хозяйственных сооружений. Первоначально вещи были помещены в мешочек или завернуты в ткань. Набор украшений включает 24 предмета, принадлежавших, несомненно, одной женщине и состоит из:

1. Гривна (рис. 1,1). Изготовлена из круглой в сечении серебряной проволоки в полтора оборота Д. 13 см, толщиной 0,4 см. Концы гривны слегка раскованы и оформлены насечками в виде змеиных головок.

2. Браслеты — 2 экз. (рис. 1, 2). Один из них — бронзовый литой в форме замкнутого кольца с сегментовидным сечением. Размеры браслета 6,7х6,5 см, толщина 0,75 см, его внешняя сторона покрыта попарно расположенными поперечными насечками. Второй браслет из железной проволоки толщиной 0,35 см полностью коррозирован, по диаметру не отличается от первого.

3. Перстни — 2 экз. (рис. 1, 3, 4) изготовлены из закрученной спирали в пять оборотов серебряной проволоки толщиной 0,16 см. Д. 2,2—2,3 см. Оба перстня имеют раскованные концы, на которые с внешней стороны при помощи насечек нанесены стилизованные изображения змеиных головок.

4. Серьги — 4 экз. (рис. 2,1–4) из круглой в сечении серебряной проволоки, к которой крепятся фигурные подвески из отрезка проволоки, один конец которого согнут в петельку, а другой раскован в виде вытянутой трапеции (рис. 2, 1, 2).

5. Височные кольца — 6 экз. (рис. 2,5–10). Два кольца, изготовлены из круглой в сечении серебряной проволоки толщиной 0,17 см (рис. 2, 5, 6), остальные кольца бронзовые. Два из них размером 3,5х3,8 см (рис. 2, 7, 8). Два кольца размером 2,7х3 см и 2,6х2,9 см (рис. 2, 9, 10).

6. Бусы — 9 экз. (рис. 2,11 — 19) разнообразны по форме и орнаментации.

Основная часть металлических украшений клада имеет аналогии среди вещей скифской и скифоидной культур, типология которых разработана В. Г. Петренко. Гривна мо-

жет быть включена в число проволочных гривн IV–III вв. до н. э., VII отдела (3, с. 46 сл.).

Бронзовый браслет входит в круг украшений латенского типа (4, с. 31 сл.). Браслеты подобной формы происходят из скифских погребений второй пол. IV – нач. III вв. до н. э. (3, с. 55). Точной аналогией семилукскому является браслет, найденный в составе клада на городище милоградской культуры у дер. Горшков на юге Белоруссии (5, с. 78, рис. 34, 7).

Достаточно широко были распространены в IV – III вв. до н. э. спиралевидные перстни, близкие по форме рассматриваемым (3, с. 59). То же самое можно сказать и о проволочных височных кольцах 1-го варианта типов 27 и 28 (3, с. 36 сл.).

Для половины найденных бус можно найти соответствия в классификации Е. М. Алексеевой. Глазчатая бусина входит в тип 126, характерный для эпохи эллинизма, но доживающий и до I в. н. э. (6, с. 72). Полихромные бусины относятся к типам 192 (вар. а), наиболее характерным для III в. до н. э., и 251, датировка которых неясна (7, с. 243). Синяя биконическая бусина близка типу 94, распространенному с конца VI в. до н. э. до IV в. н. э. (7, с. 68 сл.).

Прямых аналогий серебряным серьгам не известно, хотя такая технологическая схема серьги широко использовалась в скифском мире (3, с. 37 сл.). Интересны шумящие подвески в виде вытянутой трапеции, имевшиеся на двух серьгах. Такие подвески редко встречаются на степных и лесостепных позднескифских памятниках. Подобные украшения были надеты на браслет, найденный на Каменском городище (8, табл. XII, 6). Еще один браслет с аналогичной подвеской происходит из среднедонского могильника у с. Мاستюгино (9, табл. 36, 16). Там же найдена и отдельная подвеска (9, табл. 24, 44). Хорошо известно, какое широкое распространение имели такого рода шумящие подвески в более позднее время у финно-угорских народов лесной зоны. Поэтому вполне правомерно будет связать происхождение этого элемента украшений с финно-угорским миром, где и происходили непосредственные контакты населения лесостепи и леса (10, с. 114 сл.).

Имеющиеся параллели позволяют относить клад к IV–III вв. до н. э., т. е. ко времени существования поселения и могильника. Не исключено, что он может фиксировать поздний этап функционирования городища скифского времени.

1. Прягин А. Д., Цыбин М. В. Раскопки многослойного Семилукского городища. – Археологические памятники эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1986.
2. Прягин А. Д., Разуваев Ю. Д. О ранее неизвестном погребальном обряде населения лесостепного Подонья в скифское время. – Проблемы археологии скифосибирского мира (социальная структура и общественные отношения). – Тез. Всесоюзной арх. конф., Ч. II. Кемерово, 1989.
3. Петренко В. Г. Украшения Скифии VII – III вв. до н. э. – САИ, вып. Д 4–5, 1978,
4. Кухаренко Ю. В. Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы. – СА, 1959, № 1.
5. Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.
6. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья – САИ, вып. Г1–12. 1975.
7. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья – САИ, вып. Г1–12, 1978.
8. Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. – МИА, № 36, 1954.
9. Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. – САИ, вып. Д1–31, 1965.
10. Гуляев В. И. К вопросу о связях городецких племен с югом в VII–IV вв. до н. э. – Историко-археологический сборник. М., 1962.

*Н. Г. Новицкова*

#### **К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ В АНТИЧНОЙ ТАВРИКЕ (по материалам святилища у перевала Гурзуфское Седло)**

Открытие святилища у перевала Гурзуфское Седло, расположенного на главной гряде Крымских гор, определило новый район на карте Северного Причерноморья, в который постоянно с IV в. до н. э. по первые вв. н. э. поступал античный импорт, связанный своим происхождением с античными центрами Северного Причерноморья и Средиземноморья (1, с. 307 сл.; 2, с. 327 сл.; 3, с. 282; 4, с. 382; 5, с. 91 сл.).

Кроме двадцати статуэток, среди которых имеются новые шедевры античной металлопластики, выделяется италийская серебряная и бронзовая посуда, находящая аналогии в сарматских курганах. Немало стеклянных литых сосудов, также чаще встречающихся в сарматских погребениях Подонья, Прикубанья и Северного Кавказа (6, с. 488; 7, с. 170). Античный импорт такого рода в скифских и сарматских памятниках нередко рассматривается в качестве дипломатических даров боспорских правителей варварской знати или военных трофеев (8, с. 113; 9, с. 61; 10, с. 123; 11,

с. 128; 12, с. 116). Очень много и более поздних стеклянных изделий. Найдены медицинские инструменты, детали весов, стили, стригили, редкое для памятников Северного Причерноморья римское оружие (13, с. 146; 14, с. 250). Коллекция монет также имеет свои особенности и содержит редкие и уникальные экземпляры.

Планировка святилища, сопоставление находок со стратиграфией, огромная коллекция, насчитывающая тысячи предметов, требуют внимательного и длительного изучения. В то же время насущной является необходимость определить место памятника в историко-культурной среде, проследить его развитие во времени, попытаться объяснить феномен Гурзуфского Седла, найти и обосновать причины, стимулирующие постоянный приток античного импорта на Главную гряду Крыма-

Находясь в стороне от городов, подверженных опустошительным нашествиям, святилище удивительным образом сохранилось, что позволяет проследить его историю с момента возникновения до самого позднего средневековья, рассмотреть атрибутику обрядности, наметить периодизацию памятника, связанную с изменениями в религиозных воззрениях, и на уровне ритуала судить о его этнической принадлежности. При этом попутно удалось наметить расшифровку и археологическое подтверждение одного из свидетельств письменных источников об этнокультурных контактах в античной Таврике.

Этнокарта античной Таврики, начиная с VI в. до н. э. по первые вв. н. э., постоянно изменялась, что находило отражение в письменной традиции. В стремлении увязать с ней новые данные использовались старые источники (17, с. 20), поэтому даже характерные для тавров Горного Крыма древнейшие обычаи (пиратство, человеческие жертвоприношения) переносились на тавроскифов, скифов и упоминались не только античными, но и средневековыми авторами.

Основание Херсонеса, организация его хоры, окруженной поселениями туземцев, оседание скифов, образование позднескифского государства в Крыму, нашедшие отражение в письменных источниках, подтверждаются данными археологических исследований.

С периодом VI – нач. V вв. до н. э., предшествующим этим событиям, связывают «высший расцвет» материальной культуры населения Горного Крыма (18, с. 169; 19,

с. 181 сл.). Признано, что динамика материальной культуры не подтверждает прежних представлений о крайней застойности туземного общества (17, с. 23.). С самого начала появления в Северном Причерноморье скифов, у местного населения существовали контакты с кочевым миром. Не отвергается существование связей с основанными в Северном Причерноморье античными центрами. Как предполагается, в результате ассимиляции тавров скифами и под влиянием Херсонеса происходит изменение облика материальной культуры населения Горного Крыма (18, с. 174; 20, с. 56).

Информативная ценность святилища повышается в связи с тем, что этот самый высокий район Главной гряды с прилегающим к нему участком побережья очень беден древностями античного времени. С V в. до н. э., когда обрывается существование мегалитических могильников, на побережье вплоть до 60-х гг. I в. н. э. образуется археологический вакуум. Информацию о местном населении в период эллинизма и в первых декадах н. э. дают письменные, а не археологические источники (15, с. 83; 16, с. 41).

На протяжении длительного времени единственным исследованным археологическим памятником, отчасти восполнявшим хронологический разрыв, являлось Ялтинское (Ауткинское) святилище конца I в. до н. э. (21, с. 19–27).

В конце 60-х гг. были обнаружены остатки разрушенных вспашкой поселений позднеантичного времени в Симе-изме и Массандре (22, с. 83–84), а в нач. 80-х гг. еще десяток новых поселений первых вв. н. э. в Форосе, Оранде, окрестностях Никиты (Ботаническое), Алушты (1, с. 308), подъемные находки с которых сходны по составу с керамическими комплексами Харакса, Неаполя, Херсонеса и отражают общую для Крыма первых вв. н. э. нивелировку материальной культуры.

Создается впечатление, что в святилище у перевала Гурзуфское Седло нашли отражение изменения в этнической ситуации, происходившие с середины I тыс. до н. э. Самые ранние находки античного времени (VI – IV вв. до н. э.) – акинак, дротики, бронзовые проволочные браслеты, серьги с грибовидными шляпками, лепная керамика, Т-образная булава, бронзовые спиральные пронизи — находят аналогии среди таврских и скифских древностей. Эти вещи немногочисленны по сравнению с изделиями импорта, которые появляются в святилище, начиная с IV в. до н. э.

Ранние вещи встречаются как в слое, относящемся к первому, так и, из-за перекопов, в слоях последующих периодов. С течением времени число импортных изделий возрастает. К первому античному периоду истории святилища относится слой светлой глины с непережженными челюстями и зубами жертвенных животных, главным образом КРС, сохранившийся на площади более 500 кв. м.

Отдельные элементы этого обряда находят аналогии в местной среде. Материалы таврских могильников середины I тыс. до н. э. и пещерных святилищ раннего железного века в Горном Крыму свидетельствуют о том, что местное население придавало значение использованию в обрядах жертвоприношений черепов либо челюстей животных. В пещере Ени-Сала II на Долгоруковской яйле в святилище VII—VI вв. до н. э. был обнаружен на сталагмите череп козла, а в боковой камере находились черепа животных (23, с. 138 сл.). Черепа домашних животных обнаружены в чатыр-дагских пещерах (23, с. 142). Зубы животных, челюсть овцы, клык кабана найдены в погребениях могильника из каменных ящиков в Таспре (24, с. 77).

Наряду с ранними могильниками, черты обряда прослеживаются на более позднем памятнике — Ауткинском святилище, которое считается таврским, что, видимо, указывает на живучесть данной формы обряда в местной среде (21, с. 21). Об этом же говорят находки челюстей и зубов животных на Гурзуфском Седле в слоях первых вв. н. э. и эпохи средневековья (2, с. 328), на местах тризны могильника Харакс (25, с. 236; 26, с. 264, 266, 274). Последний рассматривается как готский (27, с. 138; 28, с. 188; 29, с. 66), что не исключает возможности заимствования элементов обрядности в местной среде.

В остатках святилища второго античного периода, начало которого относится к концу I в. до н. э., атрибутика обрядности проявилась в наиболее полном виде. В связи с распространением обрядов сожжения возникает необходимость в создании нового культового комплекса, что по всей вероятности свидетельствует о важных изменениях в идеологии. Несмотря на изменения облика памятника, в его развитии прослеживается преемственность, выражающаяся в принесении в жертву особей КРС, в слоях встречается много зубов. Наблюдаемые изменения касаются способа передачи жертвы богам, для чего кроме площадок начинают применять жертвенные ямки. Второе особенно важное нов-

шество — сожжения — диктует необходимость перестройки святилища.

На челюстях, найденных в святилище первого и второго периодов, не заметно следов отрубания или отрезания. Возможно они отделялись от черепов после естественного распада тканей. Для обоих периодов характерно использование конструкций из необработанных камней, разбивание в ритуальных целях посуды после совершения возлияний. Во втором периоде, помимо сосудов, порче и поломке подвергались и другие предметы, в частности бронзовые и серебряные статуэтки.

Стратиграфические наблюдения указывают на коллективный характер организации и использования святилища, на поддержание в нем порядка служителями культа, в задачи которых, вероятно, это входило, помимо контроля над регламентацией обрядов, правильностью их исполнения. Конструкция и форма сооружения свидетельствуют о том, что его создателям не были известны правила точного построения геометрических фигур. Тем не менее в планировке сакрального центра прослеживается строгая закономерность, связанная с реализацией сложной пространственной структуры.

Огонь как передатчик жертвы богам использовался в ритуальной практике многих народов (30, с. 35). Первоначально отдельные признаки обрядов, связанных с огнем, на таврских памятниках действительно имеются, но они крайне незначительны. Например, они отмечаются в обряде трупосожжения в нескольких южнобережных могильниках из каменных ящиков, в частности в Гаспре (19 с. 76; 24, с. 77; 31, с. 23 сл.; 32, с. 75). В могильниках Байдарской долины применение огня в обрядах прослеживается на местах тризн в виде остатков кострищ, обломков пережженных костей животных и керамики (33, с. 75). Имеются также признаки возможного использования огня в местах отправления культа. Вероятно, культовый характер имел золотистый слой в Херсонесе, предшествующий строительству в III в. до н. э. античного театра (34, с. 28). Имеется пример применения огня в пещерном святилище Харан-лых-Коба, возникновение которого относится ко второй пол. V в. до н. э. (23, с. 138 сл.)

Основные элементы святилища у перевала Гурзуфское Седло: жертвенные ямки, специально подготовленные пло-



щадки, зольник, – находят аналогии на позднескифских памятниках в жертвенниках жилых домов и в культовых сооружениях общественного характера. В скифской культуре обнаруживается большинство параллелей обрядам, связанным с поклонением огню, в первую очередь богине огня Табити (Геродот, IV, 127).

Хотя скифские святилища огня неизвестны (35, с. 31), культ огня у скифов прослеживается в погребальной практике: в частичной кремации, в помещении реалгара как символа огня в погребения (36, с. 15; 37, с. 132 сл.), в почитании очага или алтаря (38, с. 63; 39, с. 194 сл.; 40, с. 205 сл.; 35, с. 31). Но более всего с культом огня у скифов связаны зольники, которые играли роль общественных святилищ (37, с. 138) и на Неаполе существовали при культовых зданиях, начиная с IV – III вв. до н. э. (41, с. 63 сл.). Культовое назначение зольников, их связь с культом очага и огня предполагал П. Н. Шульц (42, с. 136; 43, с. 130). Несмотря на некоторые различия, между зольниками Неаполя и Гурзуфского Седла намечается ряд общих черт, хотя специально вопрос о зольниках на скифских поселениях не рассматривался (44, с. 202). На Неаполе зольники существовали при культовых зданиях — на Гурзуфском Седле зольник окружал сакральный центр. Другое сходство заключается в наличии в зольниках вотивных вещей: в зольнике № 3 Неаполя были обнаружены глиняные подставки с головками баранов, глиняные грузила, пряслица, оселки, обломки краснолаковых сосудов и стеклянных бальзамариев, пережженные кости животных (41, с. 27, 63–64). В зольнике здания Е были найдены преднамеренно разбитые женские фигурки из необожженной глины, бронзовые статуэтки Диоскуров, другие предметы, а также стекло, которое на Неаполе Скифском встречается крайне редко (45, с. 120 сл.; 41, с. 65, 66, 145, 164). В отличие от греческих зольников-эсхаров, скифские зольники не являлись центром культовых сооружений, а находились при культовых зданиях как необходимый, но дополнительный элемент.

Возможно, что устройство зольных «подстилок» под полами и стенами скифских строений городищ и поселений Крыма, которые, как предполагалось, служили для гидро- и термоизоляции и предохраняли постройки от грызунов (46, с. 327 сл.; 47, с. 13), преследовало цели, связанные с сакрализацией жилища. Организации освоенного пространства, в том числе и отведенного для строительства жилых

домов, в древности придавалось важное значение (30, с. 341). Целый набор ритуальных действий, предшествующих заселению дома, прослежен в жилых комплексах позднескифского городища «Чайка» (48, с. 200).

Помимо зольников, сравнению с позднескифскими поддаются жертвенные ямки, специально предназначенные для жертвоприношений. Ямы в культовых сооружениях общественного характера зафиксированы на Неаполе (41, с. 64 сл.; 165 сл.; 49, с. 64 сл.). Отличие от наших заключалось в помещении в них не целых скелетов или крупных частей туши, а чаще всего зубов, режы – челюстей. Ритуальные ямки I в. до н. э. – I в. н. э. с костями животных найдены в жилых комплексах городища «Чайка» (48, с. 200). Там же, в домашних жертвенниках выявлены горловины сосудов, интерпретируемые как ботросы. Аккуратно оббитые горловины амфор, стеклянных сосудов, серебряный предмет в виде воронки, найденные на святилище, вероятно, использовались в тех же целях.

На позднескифских могильниках в жертвенных ямах встречаются остатки тризны, которые первоначально представляли собой кучи камней, перемешанных с костями, углем, пеплом (50, с. 28). Н. И. Сокольский предполагал, что обнаруженные в доме Хрисалиска фависсы с золой являлись местом отправления культа негреческих обитателей городища (51, с. 101 сл.).

Может быть, жертвенные ямки имелись и в Ауткинском святилище, основанном в конце I в. до н. э. Найденные там монеты лежали на материке, «большой частью в его впадинах» (21, с. 20). Были эти «впадины» естественного или искусственного происхождения – неизвестно.

В некоторой степени поддаются сравнению специально подготовленные площадки для жертвоприношений, которые на Гурзуфском Седле устраивались на предварительно выровненной поверхности скалы и материковой глины. Культовая площадка первой пол. II в. н. э. овальной формы Д. более 10 м с известковой вымосткой и 3 менгирами была обнаружена на Неаполе (52, с. 303). Круглая в плане площадка, обмазанная глиной, со следами кострища была открыта на могильнике у с. Заветное (50, с. 28). Площадка культового назначения с серповидным валом отмечается Б. А. Шрамко (35, с. 184).

В рассматриваемых чертах обряда святилища и позднескифских памятников прослеживается определенная связь,

отразившаяся в идеологии. Создание нового культового центра, связанного с обрядами сожжения и поклонением огню, находящими аналогии на скифских памятниках, по времени совпадает с появлением в источниках термина «скифо-тавры» и «тавро-скифы».

Термин «скифо-тавры» появляется в I в. до н. э., и наиболее авторитетным считается свидетельство Плиния Старшего (53, с. 40), который писал, что скифо-тавры «занимают хребет», из чего был сделан вывод о том, что этот народ обитал в Горном Крыму (54, с. 56). Материалы раскопок святилища позволяют утверждать, что Плиний не случайно, а вполне осознанно указал не на Горный Крым в целом, а отметил лишь один «хребет», то есть Главную гряду Крымских гор.

Главная гряда с беслесными плоскогорьями, имеющими высотные отметки от 1 до 1,5 км, покрытыми снегом в течение нескольких месяцев в году, – суровый, малопригодный для жилья район. Однако подобная локализация Плинием скифо-тавров не должна вызывать удивление, ибо для древних авторов в характеристике племен важным являлось направление хозяйственной деятельности (55, с. 82).

Яйлы традиционно с древнейших времен из-за богатого покрова луговых трав (56, с. 8 сл.) использовались как место выпаса скота, начиная с поздней весны до поздней осени. Общеизвестно, что отгонным скотоводством занимались тавры (19, с. 13), и, как представляется, само святилище у перевала Гурзуфское Седло возникло в то время, когда на яйлах Крыма получило развитие отгонное скотоводство. Тогда же появилась дорога, которая проходила по плоскогорьям Главной гряды и соединяла в единую систему побережье с глубинными районами полуострова (4, с. 382).

Занятие отгонным скотоводством традиционно для населения Горного и Южнобережного Крыма на протяжении всей античной и средневековой истории. Первые российские исследователи Крыма отмечали преимущества летнего выпаса скота на высокогорных «равнинах» с лучшими кормовыми травами (57, с. 35; 58, с. 53 сл.). Еще в 1914 году на общей площади Крымских яйл выпасалось 125 тыс. голов овец (59, с. 152 сл.; 60).

Таким образом, Главная гряда с ее мощным кормовым потенциалом всегда играла важную роль в развитии ското-

водства в Горном Крыму (5, с. 92). Стимулирующее влияние на отгонное скотоводство оказало возникновение античных центров в Северном Причерноморье и в Крыму, где существовало развитое земледелие, нуждавшееся в рабочем скоте. В античных городах в связи с потребностями земледелия развитие животноводства шло по пути увеличения роли КРС (61, с. 126), что увеличивало роль Главной гряды в качестве района выпаса скота.

Наличие разветвленной системы горных путей, ведущих в крупные торговые и земледельческие центры полуострова, а также на Южный берег позволяет говорить о том, что основным путем поступления привозных вещей на Гурзуфское Седло был товарный обмен. Представляется, что часть драгоценных и престижных вещей, полученных в обмен на продукты скотоводства и столь необходимый в земледелии тягловый скот, возвращалась на альпийские пастбища в расположенное здесь святилище.

Этап наиболее активного функционирования памятника (I в. до н. э. – I в. н. э.) приходится на период расцвета позднескифской культуры (62, с. 312). Создание в конце I в. до н. э. нового культового комплекса святилища у перевала Гурзуфское Седло, в атрибутике обрядности которого ощущается влияние скифской культуры, вероятно, отражает заключительный этап в длительном процессе ассимиляции тавров скифами. Возникновение комплекса по времени приблизительно совпадает с третьей сарматской волной ок. 16 г. до н. э. (53, с. 38). Вероятно, в связи с внешней угрозой возможности выпаса скота в степных районах Крыма сокращаются, что значительно повысило роль высокогорных пастбищ.

В позднеантичный период обряды сожжения на святилище более не практикуются. Это, видимо, свидетельствует о том, что они не были органично восприняты местным населением, и с упадком позднескифской культуры влияние скифов ослабевает, а, возможно, и прекращается полностью.

1. Новиченкова П. Г. Работы Ялтинского краеведческого музея. – АО за 1982 г. М., 1984.
2. Новиченкова Н. Г. Раскопки античного святилища. – АО за 1983 г. М., 1985.
3. Новиченкова Н. Г. Раскопки святилища у Гурзуфа. – АО за 1984 г. М., 1986.
4. Новиченкова Н. Г. Раскопки на Гурзуфском Седле. – АО за 1985 г. М., 1987.

5. Новиченкова Н. Г., Новиченков В. И. Святилище у перевала Гурзуфское Седло (краткие итоги раскопок 1981 — 1985 гг.). – Проблемы исследований античных городов. М., 1989.
6. Шилов В. П. Калиновский курганный могильник. – МИА, № 60, 1960.
7. Беспалый Е. И. Курган I в. н. э. у г. Азова. – СА, 1985, № 4,
8. Яценко И. В. Тарелка Гипепирии из Неаполя Скифского. – Историко-археологический сборник. М., 1962.
9. Шилов В. П. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху. – КСИА, Вып. 138, 1974.
10. Раев Б. А. К хронологии римского импорта в сарматских курганах Нижнего Дона. – СА, 1976, № 1.
11. Мошкова М. Г. Среднесарматская культура. – Степени европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
12. Внуков С. Ю., Коваленко С. А., Трейстер М. Ю. Гипсовые слепки из Кара-Тобз. – ВДИ, 1990, № 2.
13. Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954.
14. Черненко Е. В., Зубарь В. М., Сон Н. А. Бутероль из Тиры. – СА, 1989, № 2.
15. Крис Х. И. Культура тавров. – Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
16. Фирсов Л. В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма, Новосибирск, 1990.
17. Колотухин В. А. Население предгорного и горного Крыма в VII–V вв. до н. э. – Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987,
18. Савеля О. Я. О местном населении юго-западного Крыма. – Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979.
19. Лесков А. М. Горный Крым в I тыс. до н. э. Киев, 1965.
20. Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры – САИ, вып. Д1–7, 1981.
21. Бертъе-Делагард А. Л. Случайная находка древностей близ Ялты. – ЗООИД, т. XXVIII, 1907, Протоколы.
22. Махнева О. А. Новые античные поселения на Южном берегу Крыма. – Археологические исследования на Украине в 1968 г., в. III. Киев, 1971.
23. Щепинский А. А. Пещерные святилища времени раннего железа в Горном Крыму. – Труды Комплексной карстовой экспедиции АН УССР. Киев, 1963.
24. Крис Х. И. Таврские каменные ящики у Гаспры. – КСИА, вып. 107, 1966.
25. Блаватский В. Д. Раскопки Харакса. – ВДИ, № 2/3. 1938.
26. Блаватский В. Д. Харакс. – МИА, № 19, 1951.
27. Сидоренко В. А. К вопросу этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV—начала V вв. с подражаниями «лучистого» типа. – Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.
28. Айбабин А. И. Этническая принадлежность могильников Крыма IV – первой половины VII вв. до н. э. – Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987.

29. Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеархаического и раннесредневекового времени. – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1990.
30. Мифы народов мира, Т. I. М., 1980.
31. Крис Х. И. Классификация таврских каменных ящиков. – КСИА, вып. 112, 1967.
32. Ольховский В. С. О населении Крыма в скифское время. – СА, 1984, № 4.
33. Лесков А. М. Раскопки каменных ящиков в Байдарской долине в Крыму. – КСИА АН УССР, вып. 10, 1960.
34. Зедгенидзе А. А. Исследование северо-западного участка античного театра в Херсонесе. – КСИА, вып. 145, 1976.
35. Бессонова С. С. Религиозные представления скифов, Киев, 1983.
36. Высотская Т. Н. Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму. – Население и культура Крыма в первых веках нашей эры. Киев, 1983.
37. Высотская Т. Н. Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища. – Античная и средневековая идеология. Свердловск, 1984.
38. Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре. – МИА, № 36, 1954.
39. Шрамко Б. А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке. – СА, 1957, № 1.
40. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
41. Высотская Т. Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979.
42. Шульц П. Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму. – Проблемы скифской археологии. М., 1971.
43. Дашевская О. Д. Поздние скифы (III в. до н. э. – III в. н. э.). – Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
44. Масленников А. А. Рец.: «Население и культура Крыма в первых веках нашей эры». Киев, 1983. – ВДИ, 1988, № 4.
45. Шульц П. Н. Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя Скифского. – СА, 1969, № 1.
46. Припусков А. П. О зольных подстилках под основаниями скифских построек. – ИАДК, Киев, 1957.
47. Кутайсов В. А. Культурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1989.
48. Попова Е. А. Позднескифские жертвенники с городища «Чайка». – СА, 1990, № 3.
49. Маликов В. М. Жертвенник из пригородного здания Неаполя Скифского. – КСИА АН УССР, вып. 11, 1961.
50. Богданова Н. А. Погребальный обряд сельского населения позднеархаического государства в Крыму. – Археологические исследования на юге Восточной Европы (Тр. ГИМ, вып. 54). М., 1982.
51. Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976.
52. Махнева О. А. Раскопки пригородной территории Неаполя Скифского. – АО за 1979 г. М., 1980.
53. Щукин М. Б. На западных границах Сарматии (некоторые проблемы и задачи исследования). – КЕСАМ. Новочеркасск, 1989.
54. Ольховский В. С. Население Крыма по данным античных авторов – СА, 1981, № 3.

55. Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974.
56. Яната А. А. К вопросу о настоящей и будущей системе хозяйства на Крымской яйле (из работ Отдела луговодства Партии крымских водных изысканий). – Ежегодник отдела земельных улучшений за 1914 г. Пг., 1916.
57. Таблиц К. И. Физическое описание Таврической области. Спб., 1785.
58. Паллас П. С. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области. Спб., 1795.
59. Вульф Е. В. Растительность восточных яйл Крыма и их мелиорация и хозяйственное использование. М., 1925.
60. «Ялтинский вестник», 6 ноября 1914 г.
61. Либеров П. Д. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья. МИА, № 53, 1960.
62. Храпунов И. П. Основные этапы истории поздних скифов. Тез. докл. Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры», ч. III. Симферополь, 1988.

*Н. П. Писаревский*

#### **О ЦЕЛЯХ И МАРШРУТАХ АНТИЧНЫХ СУДОХОДНЫХ ТРАСС В ПЕРИОД ОСВОЕНИЯ ГРЕКАМИ АКВАТОРИИ ПОНТА ЭВКСИНСКОГО**

Исторически так совпало, что освоение акватории Понта Эвксинского греками, выразившееся в выведении на его побережьях поселений, пришлось на время внедрения в прилегающие причерноморские районы скифов. В самом этом факте, датируемом обычно второй пол. VII в. до н. э. – первой четв. V в. до н. э. (1, с. 74) содержится некая основа для суждений о характере колонизации побережий Понта, ориентации морских судоходных трасс и выборе колонистами территорий, пригодных для последующего заселения.

Появление скифов в Причерноморье, в частности, в Закавказье, относится к нач. VII в. до н. э. (2, с. 33). Об этом свидетельствует повсеместное распространение бронзовых удлинненно-ромбических наконечников стрел, относящихся к началу первой пол. VII в. до н. э., когда они сменяют длинновтульчатые наконечники новочеркасского типа (3, с. 55) Первоначально их находки концентрируются в памятника? восточной части Кавказа со стороны Каспийского побережья. В первой пол. – конце VII вв. до н. э. указаны

особенности проявляются в вещевых комплексах иберокол-хской группы в Грузии (3, с. 55). В погребениях Колхидской культуры Кавказа они датируются концом VII – нач. VI вв. до н. э. (3).

Все исследователи, изучавшие скифские памятники на Кавказе, единодушны в оценке их малочисленности и, вместе с тем, отмечают сильное культурное воздействие скифов, выразившееся в «оскифлении» большинства черт материальной культуры местного населения, происшедшем в относительно короткие сроки (4, с. 60).

Исследования последних лет убедительно показали, что и следы Колхидо-кобанской культуры на протяжении VII в. до н. э. постепенно распространялись в степи Северного Кавказа. Картирование распределения таких вещей по комплексам указало на маршрут сухопутного пути из Передней Азии через Закавказье и степи Северного Кавказа между верховьями Кубани и Терека, и далее на север по водоразделу бассейнов Дона и Волги к среднему течению последней (4).

Полученная информация дает основание предположить, что названный маршрут был не только одним из древнейших путей связи между далеко отстоящими друг от друга регионами, но и той самой торговой трассой, которая с севера выходила на караванную дорогу, издревле связывавшую приморские области Малой Азии с севером Иранского Нагорья, Афганистаном и Средней Азией, а в ближайшее к описываемым событиям время служила одной из основных транзитных артерий империи Ахеменидов.

Не случайно, что в знаниях греков архаической эпохи в первую очередь был зафиксирован именно этот аспект. Гекатей знает караванный путь от моря на восток через Кавказские проходы и Каспийские ворота в Мидию, Иран, Индию. В пользу этого свидетельствует восстановленное по фрагментам перечисление азиатских племен с запада на Восток от скифов, находившихся на Кавказе, до соседей индийцев гандариев (5, S.289). Скифы присутствовали в плодороднейшей области Закавказья, названной ими Сакасена, откуда они проникали в Малую Азию вплоть до Каппадокии (Страбон, XI, 8, 4).

Таким образом, доказательства контроля скифов над значительными участками этого сухопутного караванного пути объясняют тенденции и направленность греческой ко-

лонизации Причерноморья в ЮВ секторе акватории Понта Эвксинского. Воспоминания о своем первом проникновении в Понт Эвксинский, отражавшие древнейшую микенскую традицию и воплотившиеся к VIII в. до н. э. в форму соответствующих мифов, греки связывали с СВ направлением судовой трассы, рассматривая ее в качестве самой ранней (6, р. 58 ff.).

Немногим позднее формируется представление о крайнем маршруте СЗ таллатогесы – Борисфениде/Березани, опиравшееся на конкретные исторические реалии, также восходившие к микенскому времени, и реализовавшееся через мифы об Ахилле и Ахилловом острове Левка на Эвксинском Понте (7). Эти представления отобразились в цитируемом Страбонам замечании Эфора, согласно которому морские пути в Понте всегда направлены к северу и равноденственному востоку.

Возникновение самых ранних форпостов греков на кавказском и северном побережьях Черного моря в настоящее время датируется 50–40 гг. VII в. до н. э. (8, с. 244), а с VI в. до н. э. Фазис, Диоскурия, Колхида и города Северного Причерноморья не только включаются в орбиту греческой торговли, но и становятся важнейшими составными компонентами общепонтийского рынка сырья, товаров, рабочей силы. Все это происходит на фоне движения скифов через Кавказ в Приазовье, а оттуда в причерноморские степи.

Наблюдения из космоса за режимом Черноморских течений позволили уточнить их основные векторы (9, с. 23 сл.), связать с давно известным в лоции моря «эффектом очков Книпповича» и в сопоставлении с данными сохранившихся периплов Понта Эвксинского, выявить закономерность в продолжении в его акватории основных судовых трасс (10, с. 124 сл.). Космические съемки показали, что движение под усиливало в начале года (февраль – май) под воздействием холодных СВ ветров. То же самое происходит в мае – августе во время интенсивного речного стока. Последний, формируемый выбросами Днепра, Днестра и Дуная, образует интенсивное течение, прижатое и идущее вдоль западного берега, в то время как основное Черноморское течение проходит мористее, по материковому склону, разделяющему шельф и глубоководную зону. Эти два потока сталкиваются друг с другом, образуя сложную вихреобразную систему у мыса Калиакра. При этом более легкая

и теплая речная вода, замедляя свое движение по более плотной морской воде, создавала возвратное течение, отклоняющееся силой вращения Земли и приводящее к образованию вихревой пары, наподобие атмосферного циклона и антициклона. Эта гравитационная неустойчивость и создавала благоприятные возможности сначала для использования возвратного течения для плавания в СВ направлении вдоль Фракийского побережья к устью Днестра, Борисфена и Гипаниса и обратно, и использованию центробежных векторов «вихря» для прокладки прямого пути к Херсонесу, и от Бараньего лба к Карамбису.

Анализ источников позволяет выделить на Кавказском побережье два района функционально различных в силу историко-географических причин: 1) СЗ, отличающийся пересеченным рельефом и отсутствием удобных гаваней и 2) ЮВ, имеющий много удобных гаваней и благоприятную для различных видов хозяйственной деятельности приморскую низменность (11, с. 61), и, самое главное, густонаселенный (12, с. 15, карта),

Последний и был выбран греческими купцами в качестве опорного в освоении побережья и внутренних районов. В расчет были приняты и судосходность Фазиса вверх по реке на 180 стадий, и близкое расположение восточного и северного сухопутного пути и соответствующие удобства незанятой местности (13, с. 11, 35).

О караванном пути, связывающем побережье с внутренними районами Кавказа и промежуточных его пунктах, сообщают Страбон, Белей Патеркул и Плиний. Сведения Страбона (II, 1, 15; II, 7, 3), восходящие через Ариостубула и Эратосфена к Патроклу, (ПН, VI, 52), свидетельствуют о том, что путь этот шел от Кавказского берега Черного моря вверх по Фазису до Сурамского перевала, затем, по реке Кура через Закавказье до Каспийского моря, после чего через Дарьяльский проход продолжался в Мидии и из этой страны приводил в Индию. Считается, что функционирование пути началось с 90-х гг. III в. до н. э., когда торговые связи стали приобретать «мировые» масштабы (14, с. 232 сл.), и что Рионо-Квирильская часть этой магистрали могла использоваться значительно ранее.

Валей Патеркул указывает, что Помпей, победоносно пройдя Мидию, Албанию и Иберию, затем повернул свое войско против тех народов, которые живут вправо от отдаленнейшего угла Понта: колхов, генихов и ахеев.

Плиний, в пересечении кавказских племен, также следует направлению караванной дороги в Мидию. После Кавказских ворот в горах обитают гумардины (гомарды = мтиулы), дуаллы (двалы) и суаны (сваны); от них до Понта живут многочисленные племена гениохов, а затем ахеи. Упоминает он и область сакаченгов, расположенную южнее области Мосхов и реки Ибер (Мцхета и Арагви). Отсюда путь разветвлялся к северу и на ЮЗ (до реки Чорох и Кераспунтских гор = Гиресунский хребет Восточно-понтийских гор.).

Обнаружение скифских памятников в округе Сухуми указывает и на другой путь из Индии на Северный Кавказ: он шел через перевал Доу, урочище Псу и Сангарский перевал к верховьям р. Большой Лабы, выводящей на Северный Кавказ. От Диоскурии через реку Беслетку шел и другой путь — через горные массивы Чижоут, Агыш и Апиануа в Цебельдинскую долину, далее к Клухорскому и Марухскому перевалам и далее на Северный Кавказ (14а, р. 71).

Это говорит об изучении греческими торговцами торговой конъюнктуры и выведении ими «торговых точек» именно в устьях кавказских рек — места, в которых скифы осуществляли свои торговые операции как с местным населением, так и включавшимися в торговлю с варварским миром греками (15, с. 157). Аналогичный процесс развития имел место и в Северной части акватории Понта Эвксинского.

Согласно колонизационной модели, первопоселенцы закреплялись на острове или полуострове вблизи устья больших и средних рек, после чего начиналось поэтапное проникновение в глубь материка, приводящее к созданию целой цепи апойкий, освоению новых пространств и установлению контроля над побережьем (16, с. 388). Их активность в лесостепной Скифии в конце VII в. до н. э. подтвердилась граффито на лепном сосуде из Немировского городища, которое Б. Н. Граков склонен был рассматривать как свидетельство о проживании целого коллектива купцов-греков на городище. Возможно, это те самые варвары и живущие среди них эллины, о которых упоминает в своем Ольвийском рассказе Геродот.

Для характеристики форм торговых связей с основанными в устье реки греческими апойкиями важно наблюдение П. Александреску, которое позволило предположить, что

в Истрии, Березани и Навкратисе активно действовали одни и те же группы купцов: во всех трех поселениях представлены одни и те же древнейшие группы родосско-ионийской, коринфской и аттической керамики (16, с. 380).

Греческая керамика последней трети VII в. до н. э. встречается как на Березанском поселении, так и в лесостепи, что свидетельствует о раннем формировании «ольвийского» торгового пути по рекам Гипанису и Борисфену (17, с. 37). По аналогии с Западным Средиземноморьем, колонисты отправлялись со стратегическими целями. Для Северного Причерноморья наряду с экспедицией, основавшей Истрию и Березань, выявлена и другая — во главе с Гермоном (Евсейев) и Самандром (Арриан), основавших Гермонассу около Трапезунда (Strabo., XII. 3, 7), селение-«кому» в устье Днестра, и Гермонассу на Боспоре (18, с. 274). В пользу этого свидетельствует и то, что в это время Днепр и его дельтовые рукава были значительно полноводнее современных (19, с. 135). Работы на Ягорлыцком поселении позволили выявить следы существования там гавани (20, с. 305). Оставляя вопрос о локализации Борисфениды (19, с. 132 сл.; 21; 22, с. 97), можно предположить, что все это свидетельствует о совмещении морской и сухопутной торговых трасс.

Данные о судоходности и судоходстве по рекам Скифии и Кавказа составляют особую группу свидетельств по истории античного мореплавания в акватории Понта. Одно из первых упоминаний о судоходности рек Скифии оставил Геродот, сообщивший, что самыми известными и судоходными от моря в глубь страны реками являются Истр, Тира, Гипанис, Борисфен, Пантикап, Гипакирис, Герр и Танаис (Herod., IV, 47). О доступности главных речных путей с моря в V в. до н. э. свидетельствует как неизменность формул текста «Скифского логоса», так и цифровые обозначения дней доступного плавания от моря по речным магистралям в глубь варварской территории. Примечательно, что в числе называемых античным автором источников фигурируют «Эллины из Борисфенитской торговой гавани (эмпо рия) и прочих понтийских торговых эмпориев» (Herod., IV, 24).

Последнее особенно важно, так как в обойме скифской периегесы содержится описание прилегающих территорий, заселенных разными племенами, находящимися в различ-

ных отношениях со скифами, вплоть до племени лысых аргиппеев, обитающих в горах, традиционно отождествляемых с Уральским хребтом.

Это дает возможность заключить, что колонизация Северного Причерноморья, основание поселений греческих поселенцев имели целью захват стратегически важных пунктов побережья с целью выхода по рекам к самому северному сухопутному караванному торговому пути – «ольвийскому» (23, с. 23). По Геродоту, это был путь, контролируемый скифами, которые, однако, не препятствовали греческим навклерам и эмпорам, совершать плавания вверх по рекам до мест предполагаемого пересечения с сухопутной торговой тропой. Судходность Борисфена надежно засвидетельствована периплом Скимна Хиосского, информация которого опирается на данные Эфора и Деметрия Каллатийского. (Per. Pont, 804 – 812, 813 – 819).

Аналогичным образом обстоит дело с Фазисом. Согласно Скилаку, сведения которого учитывают информацию V в. до н. э., Фазис судходен вверх по реке на 180 стадий (43,2 км) плавания до большого варварского города, «откуда была Медея...» (Per., 81). Возможно, что и другие реки бассейна были судходны, так как автор упоминает в гидросистеме Разбойничью реку: Апсар, Исис и др. Такая же, как на ЮВ и СЗ Причерноморья, модель освоения территории фиксируется при основании греческих поселений VII и VI – V вв. до н. э. в устье Танаиса (24, с. 20; 25, с. 89 сл.).

Анализ трех сохранившихся периплов Понта Эвксинского, в особенности перипла Арриана, который необходимо рассматривать как обобщенное описание морских торговых путей и судходных трасс в акватории Понта, позволяет вывести наблюдение об особой роли рек и внимания, которое им отводилось в лоциях, что говорит о нацеленности на проникновения в глубь осваиваемой территории. Именно поэтому, очевидно, устья, особенно судходных рек, являлись объектами и пунктами первоочередного внимания: реки, с экономической точки зрения, представляли возможность ведения выгодной непосредственной торговли. Особую, хотя и фрагментарную группу источников об организации античного судходства по рекам, составляют древнейшие прок-сенические декреты, дарующие, наряду с другими льготами, право проплыва и беспошлинной торговли в ту или иную водную артерию (26, с. 194; 27, с. 191; 28, с. 64 сл.). И хотя

Страбон (XI, 2, 2) указал, что кочевники не пускали греков вверх по Танаису даже там, где река судходна, это правило и практика имели место лишь в связи с распространением сарматских племен, т. е. с III в. до н. э.

Древнейшая Ольвийская проксения является первым свидетельством о распространении права беспошлинности на контролируемую полисом территорию, в том числе и реки (26, с. 193 сл.). Согласившись с такой постановкой вопроса, нелишне заметить, что и более поздние декреты о проксении и ателии не включают прямого указания на наделяемый льготами объект, чаще всего переводимый как «гавань», в силу чего существительные *Eisploun-ekploun* можно распространить не только на гавани, но и на проливы и реки. По всей видимости, и в надписях с упоминанием Танаиса в виду имеется и полис, и река. Что касается Елизаветовского поселения, то его роль в организации речной торговли признается всеми исследователями (29, с. 58).

Подтверждение использования водных артерий греческими купцами следует видеть как в концентрации остатков амфорной тары в глубинных районах Скифии именно в местах пересечения речных и сухопутных путей (29), так и в одиночном, к сожалению, обнаружении на речном дне в среднем течении левого притока Днепра реки Супой древнегреческой лодки-скафы, перевозившей в нач. V в. до н. э. груз бронзовых сосудов греческого производства (30, с. 178).

Таким образом, цели, маршруты морских судходных трасс, освоение по рекам внутренних областей варварской периферии зависели от экономических и торговых интересов, политической ситуации в Средиземноморье, Передней и Малой Азии и Причерноморье. Они зависели от уровня географических представлений и знания морских течений, опирались на технический потенциал мореплавания и морскую технику, а также принимали в расчет распространение и ориентацию маршрутов скифских перекочевков и процессы перехода их к оседлости. Становится очевидным, что рассмотренная практика составляла одну из важнейших закономерностей ранних этапов освоения греками Причерноморья, тем более, что к аналогичным результатам, но на иной источниковой базе пришел ряд других исследователей (31, с. 8).

1. Вахтина М. Ю. Греческие поселения Северного Причерноморья и кочевники в VII – VI вв. до н. э. – КЕСАМ, Новочеркасск, 1989.
2. Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

3. Ильинская В. А. Скифы и Кавказ (тезисы доклада).– АСГЭ № 23, 1983.
4. Погребова М. Н., Раевский Д. С. К вопросу об отколовшихся скифах (Herod., IV, 22).– ВДИ № 1, 1989.
5. Muller K. O. Fragmentum Historikorum Graecorum.
6. Casson L. The ancient mariners. Seafarers and Seafighters of the Mediterranean in ancient times. N.-Y., 1959.
7. Толстой И. И. Остров Белый и Таврика на Эвксинском понте.– ЖМНП, Отд. V, № 59, 1909.
8. Биккерман Э. Хронология древнего мира Ближний Восток и Античность. М., 1976.
9. Гришин Г., Еремеев В., Мотыжев С. О гравитационной неустойчивости основного Черноморского течения. – Доклады АН СССР. Т. 306, № 2, 1989.
10. Агбунов М. В. Материалы по античной географии Северо-Западного Причерноморья. — ВДИ, 1981, № 1.
11. Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.
12. Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
13. Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис – Цкум. М., 1980.
14. Лордкипанидзе О. Д. Торгово-экономические и культурные взаимоотношения античного мира с Колхидой в эпоху эллинизма.– Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968.
- 14а. Хайнд. Д. Г. Ф. Греческое и варварское население на берегах Черного моря. - Archaeological Reports. I., 1984
15. Муравьев С. Н. Заметки по исторической географии Закавказья. Плиний о населении Кавказа.– ВДИ, 1988, № 1.
16. Античная Греция Кн. I. М., 1983.
17. Русяева А. С. Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побуждья.– ВДИ, 1986. № 2.
18. Яйленко В. П. Греческая колонизация VII – III вв. до н. э. По данным эпиграфических источников. М., 1982.
19. Агбунов М. А. Материалы по античной географии Причерноморья.– ВДИ, 1984. № 4.
20. Буйских С. Б., Островерхое А. С. Работы на Ягорлышском поселении.– АО за 1977 г. М., 1978. 22. Латышев В. В. Понтика. М., 1909.
22. Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
23. Граков Б. М. Скифы. М., 1971.
24. Мачинский Д. А. Боспор Киммерийский и Танаис в истории Скифии и Средиземноморья VIII–V вв. до н. э. – КЕСАМ, Новочеркасск, 1989.
25. Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V — III вв. до н. э. Л., 1980.
26. Брашинский И. Б. Древнейшая ольвийская проксения.– СА, 1963, № 3.
27. Брашинский И. Б. Торговые пошлины и право беспошлинности на Боспоре. – ВДИ, 1958, № 1.

8. Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI–IV вв. до н. э. Л., 1964.
29. Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М., 1970.
30. Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
31. Лукьяшко С. И. Начало и характер ранних греко-варварских торговых связей на Нижнем Дону.– АЦВМ, Новочеркасск, 1987.

*А. П. Медведев*

#### **РЕКА ТАНАИС В СИСТЕМЕ ИСТОРИКО - АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ**

Для решения ряда ключевых вопросов этногеографии и политической истории Скифии и Сарматии принципиально важное значение имеет надежная идентификация древних гидронимов и современных рек юга Восточной Европы. В трудах античных авторов, начиная с Геродота, реки выполняли функцию современной системы координат и служили основными географическими реперами для локализации того или иного этноса. Именно по этой причине Геродот перед подробным описанием Скифии и окружающих ее народов дает характеристику восьми примечательных рек этой страны (IV, 47–57). Объективно реки, особенно крупные, часто служили естественными рубежами территории, занятой тем или иным народом. С другой стороны, по рекам и вдоль рек по водоразделам проходили основные торговые и священные пути, связывающие античные центры Северного Причерноморья, Скифию, Сарматию с отделенными областями эйкумены. Проникновение античного импорта вглубь хинтерланда и встречный поток не только туземных товаров, но и этногеографической информации об этих областях и народах часто напрямую зависел от наличия или отсутствия в этом регионе крупных рек. Так, перечень скифских и нескифских племен у Геродота по рекам всегда более пространный и детальный, нежели по «суше». Например, по течению р. Гипанис он называет, перечисляя с юга на север, четыре этнонима (IV, 17), по торговому пути, связанному с р. Танаис – также четыре, причем последний народ (тиссагеты) локализуется уже в лесной зоне (IV, 21–22). Для сравнения укажу, что в междуречье Борисфена и Та-



наиса, к северу от скифов царских, «отец истории» знает только один этнос – меланхленов, выше которых «болота и земля, безлюдная на всем известном нам протяжении» (IV, 20).

Попробуем рассмотреть не только собственно географические сведения Геродота и его преемников о Танаисе, позволяющие со значительной степенью достоверности идентифицировать этот античный гидроним, но и привлечь для проверки полученных результатов иные данные. Прежде всего это сведения о расселении народов по северо-восточной периферии «Скифского квадрата», корректируемые результатами новейших археологических исследований.

Как известно, в современной науке существуют два основных варианта отождествления Танаиса Геродота (анализ иных вариантов см: 1, с. 292 сл.; 2, col. 1262–1264). 1. Танаис – это современный Дон. 2. Танаис – это современный Донец вместе с нижним течением Дона. Первый является традиционным, восходящим к трудам по античной картографии XVI – XVII вв. До недавнего времени идентификация Танаиса с Доном господствовала в науке (3, с. 15, карта на с. 14; 4, с. 144; 5, с. 75; 6, с. 14; 7, с. 11, карта на с. 10; 8, с. 47). Из крупных советских ученых противоположного мнения придерживался только М. И. Артамонов (9, с. 161). В последнее десятилетие число его сторонников резко увеличилось. Исходным импульсом послужил выход в свет книги Б. А. Рыбакова «Геродотова Скифия», где приведены новые свидетельства в пользу второй гипотезы (10). В настоящее время она принята рядом исследователей – специалистов по античной (11, с. 54, карта на с. 57), скифской (12, с. 6; 13, с. 224) и сарматской (14, с. 13) проблематике. Однако ни один из них не произвел проверки степени достоверности новых аргументов в пользу отождествления Танаиса с Северским Донцом и нижним течением Дона на источниковом уровне.

Главный аргумент Б. А. Рыбакова – географические координаты Танаиса у Клавдия Птолемея. Исследователь обратил внимание на то, что координаты истоков Танаиса более соответствуют истокам Северского Донца нежели Дона (10, с. 27 сл.). Проверка показала, что здесь совпадение действительно есть, но вряд ли оно может надежно свидетельствовать в пользу рассматриваемой гипотезы. Дело заключается в том, что античные авторы знали более или менее достоверно лишь нижнее течение восточноевропейских.

рек (Strabo., II, 5, 43; XI, 22, 2). Мне представляется, что у того же Птолемея можно найти более надежные данные для решения этого вопроса. Прежде всего это указанные им координаты поворота реки Танаис –  $72^{\circ}30'$  в. д. и  $56^{\circ}$  с. ш. (Ptolem., III, 5, 4). Проведенные расчеты однозначно свидетельствуют о том, что, сообщая о повороте Танаиса, Птолемей имел в виду донскую излучину, но не устье Северского Донца (32, с. 152 сл.; рис. на с. 153) Это заключение находят дополнительное подтверждение в сообщении Птолемея о повороте р. Ра (Волга), где она сближается с Танаисом (Ptolem., V, 8, 13). Его координаты ( $74^{\circ}$  в. д. –  $56^{\circ}$  с. ш.) бесспорно указывают на то, что речь здесь идет об излучине Волги в районе Волгограда. Так как по Птолемею повороты Танаиса и Ра находятся на одной и той же широте ( $56^{\circ}$ ), то легко вычислить линейное расстояние между ними, переводя разницу в градусах по долготе в меры длины (32, с. 154). Полученные данные точно соответствуют расстоянию между излучинами Дона и Волги. В то же время они находятся в явном противоречии с гипотезой, отождествляющей Танаис с Северским Донцом и нижним течением Дона, так как расстояние между устьем Донца и излучиной Волги в районе Волгограда в четыре-пять раз превышает расстояние между поворотами Танаиса и Ра у Клавдия Птолемея. Таким образом, данные этого ученого надежно свидетельствуют о том, что он принимал за р. Танаис Дон, но никак не Северский Донец.

Если мы вернемся к более ранним сведениям Геродота об этой реке, то и там не найдем сколь-нибудь серьезных препятствий для отождествления Танаиса и Дона. Геродот сообщает о притоке Танаиса, который в одном случае называется Гиргис (IV, 57), в другом – Сиргис (IV, 123). Б. А. Рыбаков, исходя из своего толкования Танаиса, отказался от традиционного отождествления этого притока с Северским Донцом. Он предложил отнести название Сиргис к Среднему Дону или его правому притоку р. Чир (10, с. 54 сл). Единственный его аргумент состоит в том, что этот гидроним у Геродота упомянут после Танаиса. Однако обращение к тексту источника не убеждает в этом. Геродот сообщает лишь следующее: «В этот Танаис впадает другая река, название которой Гиргис» (IV, 57). Однако непосредственно следующее за этой фразой: «Вот какие примечательные реки имеются у скифов (IV, 58), — позволяет

с полной уверенностью отнести к ним не только Танаис, но и Гиргис. Последний может быть одной из примечательных рек у скифов только в том случае, если он является правым, «скифским» притоком Танаиса, ибо для Геродота «если перейти реку Танаис, то там уже не скифская земля, но вначале область савроматов» (IV, 21).

Другое упоминание об этой реке включено в рассказ о скифском походе Дария, когда войско персов продвинулось за Танаис, прошло земли савроматов, будинов и прибыло в «пустыню». Геродот сообщает «Выше этой пустыни живут тиссагеты, а из их земли берут начало четыре большие реки, протекающие через землю меотов; они впадают в озеро, именуемое Меотидой, им даны следующие имена: Лик, Оар, Танаис, Сиргис» (IV, 123). Не углубляясь сейчас в еще более сложную проблему идентификации рек Лика и Оара, отмечу, что сам перечень рек дан здесь с востока на запад, так как в своем движении на восток и СВ скифы и персы, по повествованию Геродота, сначала переправились через Танаис, а затем, пройдя земли савроматов и будинов, дошли до пустыни и стали лагерем у реки Оар (IV, 124). Скорее всего именно отсюда, с крайнего СВ, Геродот «бросает» взгляд на театр военных действий и дает перечень рек. В этом случае Сиргис, упомянутый после Танаиса, может быть идентифицирован только с Донцом.

Традиционную идентификацию Танаиса и Сиргиса надежно подтверждают естественно-географические данные о Доне и Донце, специально рассмотренные А. А. Тудоровским (17, с. 462 сл.) Он привлек веские исторические и географические аргументы против отождествления Донца и Дона даже в средневековых источниках, на которые неоднократно ссылался Б. А. Рыбаков (10, с. 28). Современные гидрографические данные о Доне и Донце в месте впадения последнего исключают саму возможность путаницы главного русла и притока (18, с. 10, 45). Справедливости ради следует сказать, что именно на это обстоятельство более ста лет назад обращал внимание Г. Думшин, писавший следующее: «Скифы, рассказывая Геродоту про Танаис к Гиргис, не могли ошибиться в их значении и смешать главную реку с побочной, не могли потому, что Дон при впадении в него Донца гораздо шире своего притока и притом труба его не прежде начинает сужаться, как по принятию в себя Медведицы, меж тем как Донец расширяется всего верст за 30 от устья, не более» (19, с. 71),

Для подкрепления своего заключения Б. А. Рыбаков попытался найти археологические следы савроматов Геродота за Донцом, то есть за Танаисом в его понимании. По его словам, между верховьями Северского Донца и Дном есть много савроматских памятников действительно в большом удалении от Меотиды (10, с. 54). Однако, это утверждение не было подкреплено каким-либо фактическим материалом. Специальное изучение памятников скифского времени в междуречье Дона и Донца позволяет сделать мне некоторые заключения. Сейчас можно уверенно говорить, что никаких савроматских памятников эпохи Геродота между верховьями Донца и Дона не известно. Этот район был занят лесостепными скифоидными племенами, оставившими почти непрерывную цепь городищ и открытых поселений конца VI – IV вв. до н. э., идущую от левых притоков Донца на Средний Оскол в районе Валук и далее на СВ по рекам Валуй, Палатовка, Тихая Сосна вплоть до Среднего Дона. Южнее в степном междуречье Донца и Дона следов оседлой жизни не известно, но там нет и достоверных савроматских памятников времени Геродота. Об этом прямо свидетельствует недавно опубликованная карта памятников савроматов и сарматов VI – III вв. н. э., составленная К. Ф. Смирновым (7, с. 21, рис. 2). Нанесенные на нее памятники междуречья Донца и Дона в культурном и хронологическом отношении подразделяются на три группы. Во-первых, это известные среднедонские могильники Мاستюгино, Русская Тростянка, Дуровка, в которых К. Ф. Смирнов находит ряд савроматских признаков. Не имея возможности детально остановиться на их анализе, отмечу, что по комплексу основных элементов обряда и инвентаря среднедонские могильники обнаруживают близость не савроматским памятникам степей, но, в первую очередь, лесостепным некрополям скифского времени Днепровского Право- и Левобережья; а по инвентарю – курганам скифской знати конца V – IV вв. до н. э. Нижнего Поднепровья. К тому же большинство из указанных К. Ф. Смирновым савроматских элементов в среднедонских могильниках не могут рассматриваться как специфические признаки культуры савроматов. Они имеют более широкое распространение по всему «скифскому миру». Это легко объяснимо взаимным культурным воздействием двух соседних этносов. Последнее становится особенно заметным в среднедонских курганах вто-

рой пол. IV – нач. III вв. до н. э., когда устанавливаются прочные связи с сирматами Нижнего Дона.

Вторая группа памятников на карте К. Ф. Смирнова между Донцом и Доном – это случайные находки раннесарматских мечей с серповидным навершием (7, с. 56). Они могли здесь появиться не ранее III – II вв. до н. э. и поэтому не имеют отношения к интересующему вопросу.

Наибольший интерес представляет третья группа – могильники в низовьях Донца у пос. Шолоховский, хут. Сладковский и хут. Кашеевка. Здесь открыты яркие погребальные комплексы, несомненно обладающие выраженными савроматскими признаками. Однако все они, в том числе самые ранние (Шолоховский и Сладковский № 25), датируются послегеродотовым временем и поэтому вряд ли могут быть использованы в качестве аргумента для подтверждения версии Б. А. Рыбакова.

К. Ф. Смирнов и вслед за ним В. Е. Максименко убедительно обосновали принадлежность этой группы памятников сирматам (7, с. 37 сл.; 14, с. 127 сл.). Такая атрибуция оптимально согласует современные археологические данные и скудные, но географически точные сведения письменного источника. В то же время она не только не подтверждает точку зрения Б. А. Рыбакова, но явно ей противоречит, так как памятники в низовьях Донца могут быть надежно атрибутированы как могильники сирматов только в том случае, если под названием Танаис скрывается современный Дон. Псевдо-Скилак, завершив описание земли скифов, сообщает следующее: «Сирматы (за скифами сир-маты) народ и река Танаис, которая составляет границу Европы и Азии» (Р. -Scyl., 68). Таким образом, этот автор упоминает сирматов на правом «европейском» берегу Танаиса. Их могильники расположены в правобережье Дона. И в этом случае Танаису может соответствовать Дон, но не Северский Донец.

С такой идентификацией оптимально согласуются сведения Геродота о народах, обитающих за Танаисом, т. е. в Левобережье Дона. «Если перейти реку Танаис, то там уже не скифская земля, но вначале область савроматов, которые, начиная от самого дальнего угла озера Меотиды, населяют на расстоянии пятнадцати дней пути по направлению к северному ветру страну, лишенную и диких, и культурных деревьев. Выше их живут будины, занимающие другую область, всю поросшую разнообразным лесом. Выше

будинов к северу идет сначала пустыня на расстоянии более семи дней пути. За пустыней, если отклониться в сторону восточного ветра, живут тиссагеты, племя многочисленное и особое; живут они охотой» (IV, 21–22). Как уже указывалось, из их земли берет начало Танаис (IV, 123). Кроме трех больших и многочисленных народов – савроматов, будинов, тиссагетов, Геродот называет невров (IV, 105) и гелонов (IV, 108), переселившихся в землю будинов, а также племя лесных охотников иирков, живущих рядом с тиссагетами (IV, 22).

Определение северных пределов земли савроматов Геродота обычно не вызывает особых затруднений. Ее протяженность от угла Меотиды (Таганрогского залива) составляла 15 дней пути в сторону северного ветра, что равняется 525 – 630 км, если в расчетах учесть длину и аттического, и ионийского стадиев (20, с. 25). Однако направление на север должно быть изменено на СВ, чтобы исправить ошибку в географических представлениях Геродота, полагавшего, что все реки Скифии текут с севера на юг (20, с. 17). При выполнении этого условия, земля савроматов простиралась на север вдоль левобережья Дона вплоть до низовий Хопра и Медведицы. Судя по данным археологии, где-то здесь кончались владения савроматов (21, с. 155 сл.). Севернее простиралась широкая полоса ничейной земли. Сюда могли проникать отдельные группы кочевников, о чем свидетельствует разрушенное погребение у г. Павловска, содержащее характерный савроматский жертвенник (22).

Выше савроматов в области, поросшей разнообразным лесом, Геродот называет народ будинов. П. Д. Либеров, специально изучавший памятники скифского времени донской лесостепи, объединил их в среднедонскую культуру (6, с. 15 сл.; 23, с. 33 сл.). Он обратил внимание на хозяйственно-культурные различия памятников скифского времени Правобережья и Левобережья Дона. Если в первом районе известны городища и поселения со значительным культурным слоем и курганные могильники, насчитывающие десятки насыпей, то во втором лишь городища-убежища и кратковременные сезонные стоянки, а также единичные впускные захоронения. Исходя из этого, П. Д. Либеров локализовал в Левобережье Дона будинов-кочевников, а в Правобережье – оседлых будинов и поселившихся в их земле гелонов (6, с. 16 сл.; 21; 23, с. 23).

Впоследствии Б. А. Рыбаков кардинально пересмотрел этногеографию Скифии, причем наиболее радикально ее СВ. В Правобережье Среднего Дона, там где находятся известные воронежские курганы с ярко выраженным инвентарем «скифского» типа, он предложил разместить «особых скифов», в Левобережье – меланхленов (10, с. 116 сл.). Такая интерпретация памятников Среднего Дона находится в явном противоречии как с картиной расселения племен за Танаисом у Геродота (IV, 21–22), так и с очень устойчивым порядком перечисления народов, обитавших по сторонам «Скифского квадрата» (IV, 100, 102–110, 119, 123–125). Она не находит подтверждения и в данных археологии. То же самое следует сказать о восточной половине эт-нокарты Скифии, составленной В. П. Яйленко (11, с. 57). На ней в Правобережье Среднего Дона размещены тиссагеты, а Левобережье – иирки. По Геродоту, оба эти народа живут охотой, причем иирки характеризуются как племя лесных охотников (IV, 22), что явно не вписывается в природно-климатические условия лесостепного Подонья, особенно Левобережья с его остепненными ландшафтами. Противоречат такой локализации и данные остеологии с городищ Среднего Дона, свидетельствующие о наличии у местного населения развитого скотоводческо-земледельческого хозяйства и второстепенном значении охоты (23, табл. XII).

Подводя итог, следует признать, что на сегодняшний день локализация П. Д. Либеровым на Среднем Дону будинов представляется наиболее обоснованной, хотя и требует существенных корректив, особенно в «археологической» части вопроса. Во-первых, лесостепное Подонье не охватывало всей земли будинов, а, скорее всего, было лишь ее восточной половиной, на что раньше указывали Б. Н. Граков (3, с. 131) и Б. А. Шрамко (24, с. 120 сл.). Сейчас эта мысль находит надежное подтверждение в материалах нижних слоев городищ раннескифского времени на Среднем и Верхнем Дону (Пекшево, Животинное, Верхняя Покровка II).

По материальной культуре они оказались исключительно близки городищам лесостепного Днепровского Левобережья, в особенности Посеймья, VI – первой пол. V вв. до н. э. Вместе с ними среднедонские памятники образуют единую историко-этнографическую общность в основных своих границах соответствующую «земле будинов» (26; 27; 28, с. 47). Ока, скорее всего, основывалась не только на род-

ственных, но и на территориальных связях, так как включала кроме «большого и многочисленного народа будинов» переселенцев невров и гелонов (12 с. 157). Только такой подход позволяет логично увязать в наименее противоречивую систему весь комплекс сведений о будинах с современными данными археологии. Сам же факт упоминания «отцом истории» будинов среди народов, обитающих за Танаисом, легко объясним, если принять во внимание, что здесь проходил важнейший торговый путь из Ольвии к племенам Приуралья (25, с. 47 сл.). Он захватывал только восточную часть земли будинов, оставляя в стороне их западных соплеменников.

Для идентификации р. Танаис немаловажное значение имеет комплекс сведений о тиссагетах, из земли которых, согласно сообщению Геродота, вытекает названная река. Этот народ обычно отождествляют с носителями городецкой культуры (29, с. 67). Ее ареал точно соответствует местоположению тиссагетов относительно земли будинов. В последнее время многочисленные памятники этой культуры открыты на Верхнем Дону (30, с. 17 сл., рис. 1). Здесь они непосредственно граничили с городищами среднедонской культуры, что как-будто бы противоречит упоминанию Геродотом «пустыни», разделяющей тиссагетов и будинов. Однако все становится на свои места, если вновь вспомнить о торговом пути за Танаисом, с которым связана наша информация о тиссагетах. Он пересекал лишь восточную (левобережную) часть «земли будинов» и далее уходил по водоразделам Дона и Хопра на СВ через безлюдную территорию, где до сих пор не удалось обнаружить сколь-нибудь заметных следов оседлой жизни середины I тыс. до н. э. Скорее всего, на этом участке он проходил по тому же маршруту, что и более поздний путь из Булгара в Киев (31, с. 19). Путешественники могли встретить значительное городецкое население только в верховьях Мокши и Суры, где проходила ЮВ граница земли тиссагетов.

Таким образом, информация Геродота о земле, откуда берет начало Танаис, скорректированная надежными данными археологии, еще раз подтверждает, что за этим названием скрывается Дон, но не Донец. Истоки последнего находятся далеко за пределами указанной территории. Сообщение Геродота о том, что Сиргис вместе с Танаисом и двумя другими реками, вытекает из земли тиссагетов, возможно, объясняется недостаточной географической инфор-

мацией о реках в стороне от торгового пути. Не исключено, что автор компенсировал ее экстраполяцией на Сиргис, Лик и Оар более подробных сведений об истоках, направлении течения и устье Танаиса, исходя из своих общегеографических представлений о Скифии и принципа симметрии в устройстве мира (20, с. 20).

Традиционную идентификацию Танаиса косвенно подтверждает и значительный античный импорт, достигавший верхнего течения Дона. Укажу лишь, что в среднедонских курганах на 120 исследованных погребений приходится свыше 20 амфор. Правда, они датируются V – нач. III вв. до н. э. Однако установление первых торговых связей с античными центрами сейчас уверенно можно отнести к догеро-дотову времени. Об этом свидетельствуют находки фрагментов ионийских амфор середины – второй пол. VI в. до н. э. в слое Пекшевского городища на р. Воронеж.

Итак, проведенный анализ всего комплекса географических, этнографических и археологических данных, связанных с Танаисом Геродота, подтверждает традиционную его идентификацию с рекой Дон. Без учета этого факта невозможна надежная реконструкция этнической и политической истории Юга Восточной Европы в раннем железном веке.

1. Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
2. Neumann A. Tanais, – RE, 1932, IVA.
3. Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.
4. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.
5. Смирнов А. П. Скифы. М., 1966.
6. Либеров П. Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных. – МИА, № 151, 1969.
7. Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
8. Археология Украинской ССР, т. 2, Киев, 1986.
9. Артамонов М. И. Этногеография Скифии. – Уч. зап. ЛГУ, сер. истор. наук, № 85, Вып. 13, 1949.
10. Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979.
11. Яйленко В. П. К вопросу об идентификации рек и народов Геродотовой Скифии. – СЭ, 1983, № 1.
12. Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.
13. Тереножкин А. И. Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988.
14. Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д, 1983.
15. Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
16. Neuman A. Lykos. – RE, 1927, XIII.
17. Тудоровский А. А. Дон и Донец в историческом прошлом. – Изв. Всесоюзного географ. общества, 1980, т. 112.

18. Самохин А. Ф. Дон и его притоки. Ростов н/Д, 1978.
19. Думшин Г. О реках Скифии по Геродоту. – Труды студентов Ришельевского лицея. Одесса, 1852
20. Шишова И. А. О достоверности географических сведений в скифском рассказе Геродота. – Летописи и хроники. М., 1981
21. Скрипкин А. С. Материалы к истории племен раннего железного века северо-западных районов Волгоградской области. – Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
22. Медведев А. П., Душутин Н. В. Новые находки скифо-сарматского времени на Среднем Дону (в печати).
23. Либеров П. Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. – САИ, вып. Д1–31, 1965.
24. Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск – город Гелон. – Скифский мир. Киев, 1975.
25. Граков Б. Н. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи. – Археологія 1947, I.
26. Моруженко А. А. К вопросу об этногеографии лесостепного междуречья Днепра и Дона в скифское время. – Археологические исследования в Центральном Черноземье в 12 пятилетке. Тез. докл. конференции. Белгород, 1990.
27. Моруженко А. А. Историко-культурная общность лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в скифское время. – СА, 1989, №4.
28. Погребова М. Н., Раевский Д. С. К вопросу об «отложившихся скифах». – ВДИ, 1989, № 1.
29. Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. – МИА, № 28, 1952.
30. Левенок В. П., Миронов В. Г. К вопросу о новом районе городищной культуры на Дону. – СА, 1976, № 2.
31. Моця А. П., Халиков А. Х. Путь из Булгара в Киев: результаты и задачи исследования. – Археологическое изучение микрорайонов: итоги и перспективы. Тез. науч. конф. Воронеж, 1990.
32. Медведев А. П. К вопросу об идентификации реки Танаис. – Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период). Воронеж. 1990.

*А. В. Эдакое*

#### **ЕГИПЕТСКИЕ СКАРАБЕИ В СКИФИИ**

Изображения жуковины, священного жука-скарабея и амулета-оберега древних египтян, часто покрытого надписями, стали уже обычными среди находок скифского и сарматского времени на территории Восточной Европы, на Урале и даже за Уралом. Часты они и на территории древневосточных государств: Ассирии, Персии, Вавилона. Находки скарабеев и других египетских древностей на древнем

Ближнем Востоке связаны или с их привозом непосредственно из Египта, или, что значительно реже, с изготовлением этих изделий египтянами в чужих землях. Совсем иное дело с теми из них, что обнаружены и продолжают поступать с далекого Севера. Никаких достоверных сведений и следов присутствия здесь когда-либо египетских поселенцев не зафиксировано. Между тем скараabei несомненно египетского производства известны даже на территории Западной Сибири. Так далеко египетские вещи ранее VI в. до н. э. практически не проникали. Это же относится и к другим древневосточным изделиям. С какой же целью и почему так далеко от Египта оказывались сугубо египетские, неразрывно связанные с египетскими религиозными представлениями образы и символы? Думается, что однозначно, как это имело место в случае, например, с египетскими поселенцами в Вавилонии (2, с. 22 сл.), на этот вопрос ответить нельзя.

Удивительным и вместе с тем показательным является не только то, что скифы, а вслед за ними и сарматы хранили египетские скараabei и похожие на них амулеты-печатки, скараabeiоиды, но и сами изготавливали на юге украинских степей, в Нижнем Поднепровье, достаточно качественные подражания подобным изделиям. Последние были обнаружены здесь в женских и детских погребениях (14, с. 86 сл.; 13, с. 168 сл.)<sup>1</sup>. К сожалению, однако, в имеющихся сводках египетских древностей, обнаруженных на территории СССР, не всегда указывается тип археологического памятника, содержащего древности, а также условия находки (7, с. 72 сл.; 9, с. 20 сл.; 6).

Все исследователи связывают проникновение египетских древностей на далекий Север только с развитием торговли и обмена (7; 9; 12, с. 119). Это так. Но культовые статуэтки и, особенно, скараabei сохранялись, а также передавались из рук в руки и в результате определенного личного интереса передающего. Такой интерес имел место не только у скифов. У них же могли возникать и особые чувства к статуэткам, изображавшим, например, Исиду или, допустим, Беса. Скараabei, однако, должны были вызывать особый ин-

<sup>1</sup> Подобных находок в памятниках позднескифского времени известно ныне весьма много. Информацией этого рода я обязан В. П. Копылову, В. Н. Королеву, Б. А. Раеву и А. В. Симоненко.

терес и своим внешним видом, и изображениями, и надписями на нижней плоской стороне амулета-печати, которые в значительной степени варьировали и не повторяли одна другую. При этом важным были «портативность» и дешевизна изделия.

Прежде чем ответить на вопрос, почему были интересны скифам и соседним с ними сарматам, савроматам, другим ираноязычным и неираноязычным, но близким им по духовной и материальной культуре, народам египетские скараabei, рассмотрим имеющиеся сведения об этих народах, периода их жизни в Египте.

Геродот (I, 105) говорит, что в начале саисской эпохи к границам Египта подошли скифы (16, с. 119–122). В результате египетский фараон Псаметик I был вынужден выйти с дарами навстречу скифским войскам и уговаривать воинственных северян отказаться от идеи вторжения. Если следовать Геродоту (I, 103–105) в его общем очерке скифо-киммерийских и скифо-египетских взаимоотношений, то сомнений относительно контактов скифов с египетским фараоном в первой пол. VII в. до н. э. не возникает (4, с. 31–32), хотя они и никак не подтверждаются египетскими текстами. Более ранние контакты, которые могли носить кратковременный характер и никак не повлияли на дальнейшее развитие культур двух различных регионов, в принципе возможны. Но не более того. И возводить их к концу Среднего или к Новому царству или же считать, что скифы находились в рядах гиксосов (6, с. 239), было бы большим преувеличением.

В полном смысле слова расцвет скифо-египетских контактов начинается с 525 г. до н. э., со времени завоевания Египта персами, и длится в VI–IV вв. до н. э. Наиболее яркий материал, свидетельствующий об этом, сохранился в египетско-арамейских папирусах V в. до н. э. Из довольно значительного в целом материала египетско-иранской ономастики некоторые имена можно предполагать в качестве скифских. Смешанного происхождения, но со скифским именем, был Симака, сын Мешуллама. Отец его несомненно являлся семитом, но своему сыну он дал скифское или, во всяком случае, иранское имя. П. Грело со ссылкой на В. Эйлера полагает, что имя сына происходит от иранского sau– «черный» или suama– «ночь» (15, с. 490). В нашей подборке это не единственный пример. Так. некий

Раухшана был сыном арамея или вавилонянина по имени Нергелшезих. Имя сына в древнегреческой передаче звучало бы как Роксанес, «Светлый» (1, с. 300)<sup>1</sup>. А роксоланы, как известно являлись сарматским племенем. Их родовое имя присутствовало и среди имен других иностранцев в далеком Египте. Также смешанного происхождения были Шатибарзана и Шатибара. Последнего арамейские деловые документы называют каспием (15, с. 288 сл.). П. Грело все подобные имена считает «доиранскими» (15, с. 456). Одно из таковых с возможной огласовкой Флианос (или Фрияна, т. е. «Любимый») могло быть скифским. Настоящая форма учтена В. И. Абаевым в «Указателе скифских имен и названий» и получила полную филологическую интерпретацию (1, с. 468 сл.).

Фрияна упомянут в арамейском папирусе Бруклинского собрания в качестве отца «каспия» Багазушты. Можно предположить, что к середине I тыс. до н. э. каспии в значительной степени подверглись иранизации, а присутствие у них скифских имен показывает, что скифы оказывали сильное влияние на своих соседей. В арамейском папирусе AP. 22, представляющем весьма интересный документ-список жертвователей серебра для храма Яхо на о. Элефантине, по мнению и по чтению П. Грело, упомянут некий Андам (15, с. 364, 460). Если чтение ученого верно, то в таком случае будет уместной параллель со скифским *andan*– «сталь» (1, с. 287, 311).

Близким к скифскому является имя Хаомадаты. Он дважды упомянут в арамейских папирусах AP. 8 и AP. 9, датирующихся 6-м годом правления Артаксеркса I. Он не был субъектом рассматриваемых там правовых операций, а служил командиром войскового подразделения на о. Элефантине. Перевод его имени «Данный Хомом» не запрещает предполагать возможное скифское происхождение настоящего персонажа.

Неясным является происхождение Харшины (Харшияны), который назван в папирусах AP. 6 и AP. 8. П. Грело считает его хорезмийцем (15, с. 474; Ср.: 12, с. 121). Но в этих папирусах хорезмийцем назван сын Харшины, Даргамана. Имеют-

<sup>1)</sup> Все наши построения в дальнейшем основываются на этой работе В. И. Абаева.

ся сомнения и при определении этнического содержания, которое вкладывалось в имя Тирии. П. Грело в своем ономастике определяет его как иранское, возводя к имени иранского (?) божества Тир (15, с. 495). Но это сомнительно: древнеиранский пантеон бога с таким именем не знал. В папирусе AP. 37, где фигурирует настоящий персонаж, его этническая принадлежность не указана. Арамейская же аббревиатура в принципе не запрещает огласовывать это имя как Турия (от формы *tura*— «Быстрый»). Имена туранцев очень хорошо были известны в скифском мире.

В литературе много писалось о дошедших до нас терракотовых фигурках скифов (саков). В ряде случаев при взгляде на них ни у кого не может возникнуть сомнений, что это именно азиатские, возможно сибирские, скифы (саки). По всей видимости, в данном случае мы имеем дело с представителями восточной ветви огромной и далеко не однородной скифской общности (18, V, I, с. 17, табл. 40; с. 42, 44; 18, V, II, с. 17; 18, V, III, с. 46, 136–137; 17, табл. «0», 37, 1–5). Возможно, как считает А. Пьянков, все скифы (саки), представленные на скульптурных египетских изображениях, служили в завоеванном Египте в качестве кавалеристов (19, с. 53).

Скифская мифология, была весьма развитой и стройной (10, 11). Это в равной степени относится и к иранской, и к арийской в целом мифологии (5). А в образах и сюжетах последней всегда был возможен поиск общих параллелей и общих же, в том числе и находящихся на поверхности, изобразительных по своему характеру аналогий. У ариев, например, священными началами были крупный рогатый скот, вода, огонь, ветер, явления природы, почитались оружие, мощь и сила воина и многое другое. Но в принципе те же самые начала были почитаемы и у египтян, и у многих других народов.

Попадавший в скифский мир скарабей, сам по себе являясь и в Египте хтоническим образом и началом, в какой-то степени начинал служить иной, арийской хтоническо-фетишистской религии. В иной для Египта и для самого себя религии скарабей должен был представлять мирового жука, близкого к началу мирового характера. Но именно таким началом скарабей, олицетворявший божество Солнца, Хепри, был в египетской религии. Это чрезвычайно древнее египетское божество, которое позднее утратило свою роль. В более позднее время на небосклон египетской религии взошли но-

вые боги, в том числе и солярные. Но в Египте скарабей всегда оставался символом Солнца.

Египетские фигурки-печати скарабеев часто дополнялись иероглифическими надписями, а также орнаментальными украшениями. В надписях же были представлены и картуши с именами царей, имена и символы других египетских богов и богинь, иероглифы-образы. Среди последних находились антропоморфные и зооморфные фигурки, изображения птиц, рыб, земноводных, различных растений. Мы далеки от предположения, что скифы (саки) могли читать или правильно понимать все это, но в Египте, от египтян или, допустим, от греков все же могли получить какие-то представления, в частности, и о египетском солярном божестве Хепри-Ра и о его символе - жуковине. А иероглифы-образы, как и сама жуковина, ассоциировались у скифов (саков) и у их многочисленных соседей-ариев и неариев с солнцем, небом, иными словами – с верхом; растения же – с наземным миром и с соответствующими представлениями в контексте арийских и близких им в сюжетном отношении мифологических представлений. В этом отношении, пожалуй, наиболее интересны те египетские изделия, которые имеют среди орнаментальных узоров изображения спиралей, колец, «восьмерок», крестообразных фигур, символизировавшие образ Солнца у ариев, а также рисунки крылатых существ: животных, птиц и образы растений (20, с. 180 сл.; 21, с. 47 сл.).

В Египте скифы (саки), иранцы и другие арии несомненно познакомились с египетскими религиозными представлениями и догмами. Согласно наблюдениям М. А. Дандамаева, персы на чужой территории почитали чужих, неиранских богов, веровали в их силу, приносили им жертвы (3, с. 18 сл.). О почитании персидским царем Камбизом египетской богини Неит в ее столбчатом храме г. Саиса имеются интересные данные в автобиографической надписи вельможи Уджахар-реснета: «Приказал Его Величество, чтобы дали жертву для Неит великой, матери бога и богов всяких, находящихся в Саисе, подобно тому как было прежде. Пришел Его Величество сам в храм Неит, назначил он жертву для Ее Величества большую весьма, подобно тому как делал царь всякий. Сотворил он гекатомбу большую вещами добрыми всякими для Неит великой, матери бога и богов великих, находящихся в Саисе, подобно тому как делал царь всякий благодетельный. Сотворил Его Величество это, потому что дал я, чтобы

узнал Его Величество величие Ее Величества – мать это Ра самого» (Neoph. Vat., 113 (158), 22–27). Знакомство человека, даже царя, с божеством одновременно означало и знакомство с культом божества, с египетской религией. Высшим этапом здесь являлось посвящение в мистерии, религиозные празднества, посвященные богу. Персидские цари, начиная с Камбиза, старались строго придерживаться египетского царского протокола, во всем следовать ему, в том числе и в перечислении богов – своих покровителей. Ситуация здесь весьма напоминала ту, что отражена в царских надписях Ахеменидов, где отражен уже древнеперсидский царский протокол. И Камбиз, и Дарий I, согласно данным египетских источников, приняли египетскую царскую титулатуру, тронное имя египетских фараонов, подчеркивали, что в качестве своих покровителей и защитников они имели многих египетских богов, а в египетских вариантах надписей всегда подчеркивали свою неразрывную связь с египетскими богами.

Сложнейшая символика египетской религии помимо своей идеографической стороны ставила целью отразить этиологические представления древних египтян. Но такие ее символы-образы, как священный глаз Хора, священный Сокол-Хор (и другие символы-образы птиц, особенно – грифа), экзотические с точки зрения скифов (саков), но вполне обычные для египетской религии и для египтянина образы сфинкса, льва, пантеры, обезьяны, змей (например, кобры) и некоторые другие можно параллельно и одновременно рассматривать в качестве особого рода «срезов» с этиологических мифов и представлений самих скифов (саков). Далеко не является случайным, что у скифов, а позднее у сарматов уже в эллинистическое время получили широкое распространение фигурки-жуковины собственного производства. И они скорее всего уже вовсе не копировали египетских скарабеев. Кочевники-скотоводы и сами были хорошо осведомлены о том, что представляет собой жук-скарабей. И у них должны были существовать вполне реальные, связанные с живущими на земле, по-соседству со скотом, являвшимся основой жизни скотовода, идеографические и этиологические образы, понятия и представления и о божествах Солнца, Земли, о хтонических божествах. Среди таковых очень важную роль играла богиня Апи, супруга солнечного бога Папая, связанная с землей и имевшая, по представлениям ариев, змеевидный облик,



Однако же и в египетской религии все были связаны с божеством Солнца Ра или Амоном-Ра, а богиня Хатхор, очень древнее, связанное с Ра божество, вообще почиталась в облике небесной коровы. У ариев этот образ также был известен, а само животное являлось священным.

Скарабей для скифа (сака), как и для любого неегиптянина, в конечном счете служил амулетом-оберегом. А как таковой он, следовательно, был и воплощением фетишистских образов и представлений. Однако оберегающая сила скарабея станет значительно более понятной для современного человека только в том случае, если иметь в виду его этиологическую сущность, в которой одновременно могли найти отражение религиозные представления и ариев вообще, и скифов, и египтян, и многих других народов. Поэтому-то спустя буквально годы после завоевания Египта персидскими войсками, в составе которых находились подразделения скифов (саков), скарабеи начали «завоевание» мира.

Мы имеем достаточно редкую возможность в скарабеях увидеть и попытаться понять сущность весьма своеобразных параллельных египетских и скифских (и даже арийских в целом) «срезов» с мифов совершенно разных в культурном и религиозном отношении народов. При настоящих контактах разных миров было возможно и определенное влияние в течение какого-то непродолжительного времени со стороны египетской культуры. Но скарабеи, находки которых известны по всей территории Скифии, несомненно отражают и мощный самостоятельный пласт неегипетских, в частности – арийских, верований и религиозных представлений.

1. Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия. – Основы иранского языкознания. М., 1979.
2. Дандамаев М. А. Египетские поселенцы в Вавилонии в VI–V вв. до н. э. – Древний Египет и древняя Африка. М., 1962.
3. Дандамаев М. А. Новые данные о религии в Персии на рубеже VI–V вв. до н. э. – ВДИ, 1974, № 2.
4. Дандамаев М. А. Данные вавилонских документов VI – V вв до н. э. о саках. – ВДИ, 1977, № 1.
5. Дюмезиль Ж. Верховные боги индо-европейцев. М., 1986.
6. Ельницкий Л. А. Скифия Евразийских степей. Новосибирск, 1977.
7. Коростовцев М. А. Древнеегипетские находки в СССР. – ВИМК, 1957, № 2.
8. Павлов В. В., Матье М. Э. Памятники искусства древнего Египта в музеях Советского Союза. М., 1958.
9. Пиотровский Б. Б. Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза. – СА, 1958, № 1.
10. Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
11. Раевский Д. С. Очерк идеологии скифо-сарматских племен. М., 1977,

12. Савельева Т. Н., Смирнов К. Ф. Ближневосточные древности на Южном Урале. – ВДИ, 1972, № 3.
13. Соловьева С. С. Египетские скарабеи из Месопотамии. – Мероэ. М., 1989, Вып. 4.
14. Сымонович Э. А. Подражания амулетам из египетского фаянса в Нижнем Поднепровье. – КСИА, вып. 145, 1976.
15. Grelot P. Documents arameens d'Egypte. P., 1972.
16. Millard A. R. The scythian problem. – Glimpses of ancient Egypt. In: Studies in honour of H. W. Fairman. L., 1979.
17. Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
18. Peirie Flinders W. M. Memphis. Vol. I, II. L., 1909; Vol. III, L., 1910.
19. Piankoff A. Egypte–Iran–Russie. – AS, 1949, Vol. 49.
20. Rühlmann G. Altägyptische Skarabäen. – Das Altertum, 1981, 27.
21. Stooft M. Skarabaen und Stempelsiegel mit Kreismustern im alten Ägypten. – Hallesche Beiträge zur Orientalwissenschaft, 1984, Bd. 6.

*Б. М. Салихов*

#### **К ВОПРОСУ О МАНАСКЕНТСКОЙ КАТАКОМБЕ ДАГЕСТАНА**

Манаскентский курганный могильник расположен за северной окраиной пос. Манаскент Ленинского р-на Дагестана (рис. 1.1). Единственная катакомба, выявленная в могильнике из 48 раскопанных погребений, – парное погребение 7 в кург. 2 (рис. 1, 2). В камере находились скелеты двух погребенных, захоронение 1 расположено чуть выше захоронения 2. Между погребенными находилась миска с костями животных, рядом — фрагменты сосуда и бронзовая проволочная привеска с заходящими концами. Справа от берцовых костей 1 костяка находился сосуд. Между бедренными костями 2 костяка были положены 10 спекшихся втульчатых трехлопастных железных наколочников стрел (1).

Погребальный инвентарь Манаскентской катакомбы идентичен материалу памятников Приморского Дагестана I в. до н. э. – I в. н. э. и отражает определенное влияние сарматской культуры (2, с. 5 сл.).

В Дагестане катакомбы, как тип погребального сооружения выявлены в Андрейяульском мог. (3, с. 133) и в низовьях р. Сулак (4, с. 122). Весной 1973 г., при строительных работах на окраине г. Хасавюрт было случайно обнаружено

подкурганное захоронение с богатым инвентарем, включавшим множество золотых изделий (рис. 1, 3). По мнению исследователей, в Хасавюртском кургане был погребен представитель родовой знати, вероятно, вождь какого-то из сарматских племен (5, с. 46; 6, с. 101; 7, с. 43). Предложенная В. Г. Котовичем датировка катакомбы (вторая пол. I тыс. до н. э.) конкретизирована (IV в. до н. э.) М. М. Маммаевым (8, с. 30). Нами здесь не приводятся данные по Верхнечирюр-товскому курганному могильнику. Сведения об этих работах даны в печати (9).

Катакомба «гунно-сарматского времени» исследована в 1951 г. в урочище «Каркома-Хола» у ст. Манас. Погребальный обряд и инвентарь позволяют сделать вывод, что здесь был погребен воин, и с уверенностью датировать погребение позднесарматским или гуннским временем (IV – V вв. н. э.) (10, л. 2, 11 – 16).

На Джемикентском курганном могильнике начала I тыс. н. э. было катакомбное погребение, погребальный обряд и инвентарь которого позволяют сделать вывод, что здесь был погребен воин (11, с. 65 сл.; 12, с. 32 сл.)

В 70-х гг. на городище Таргу в средней его части исследовался большой могильник, большинство погребений которого совершены в катакомбах (13, с. 73 сл.). В основном материал относится к V – VIII вв. н. э. Погребения в Таргунских катакомбах одиночные и коллективные. Иногда в них имеются повторные захоронения.

Ограбленное впускное катакомбное захоронение раннесредневекового времени было выявлено в 1981 г. в кургане Торпах-Кала Дербентского района. В катакомбе находились кости скелета женщины, мужчины, ребенка и сопровождающей захоронение собаки. По инвентарю погребение датируется V – VIII вв. (14, с. 6; 15, с. 63 сл.).

В Паласасыртском могильнике исследовано 67 катакомбных погребений (16, с. 461 сл.; 17, с. 148 сл.; 18, с. 147 сл.; 19, с. 72 сл.).

В 1979 г. в Ашага-Сталь Казмалярском могильнике в Сулейман Стальском р-не экспедицией Даггосуниверситета под руководством А. Р. Магомедова была расчищена катакомба. Погребальный инвентарь, представленный красноангобиро-ваным кувшином, красноглиняными каннелированными кувшинами и сосудами, бронзовыми пряжками, позволяет датировать катакомбу V – VI вв. (20, с. 77; 30, л. 8 сл.). В Дагестане акинаки, аналогичные найденному в Ашага-

Сталь, были найдены в с. Согратль (21, с. 160 сл.), в погр. 2, грунтовой мог. 2 в ходе исследований Урцекского некрополя №2 (22, л. 45, рис. 17 б, 11). Подобного типа железные мечи встречаются в савроматских памятниках Поволжья и Южного Приуралья (23, т. 11, 41).

В 1974 г. экспедицией Института ИЯЛ был исследован небольшой курган с ограбленной катакомбой в местности Кухмазкунт у сел. Ново Магамамбетовского р-на. В публикации (24, с. 105) курган датируется III – VI вв. н. э., однако опубликованные данные и анализ погребального инвентаря (25, с. 49, т. 1, 15; с. 59, т. V, 12) позволяют, на наш взгляд, датировать курган уже – V – VI вв. н. э.

Таким образом, катакомба (подкурганная и бескурганная) как тип погребального сооружения встречается на территории и равнинного, и предгорного Дагестана. В последние годы на территории городища Чакавуркент (Каякентский р-н) выявлено катакомбное погребение. Эти катакомбные могильники на территории равнинного и предгорного Дагестана суммарно датируются –IV вв. до н. э. – VII – VIII вв. н. э. Таким образом, в основном, они приурочиваются к древней трассе передвижения народов из Европы в Азию. Наиболее ранними являются Великентские катакомбы (III – первая пол. II тыс. до н. э.) на территории Приморского Дагестана (26, с. 116 сл.). Курганы древнего и позднего времени были выявлены и в горной части Дагестана (Акуша, Ирганай, Гинчи) (27, с. 150 сл.). Наличие катакомбного захоронения в Манаскенте может свидетельствовать о продолжающемся процессе проникновения иноэтнического элемента в Приморский Дагестан. Этот процесс позднее, видимо, протекал более интенсивно, что видно на примерах Верхнечирюртовского, Таргунского и Паласасыртского катакомбных могильников.

Исходя из отдельных сходных деталей погребального обряда катакомб Манаскета, Паласасырта, Таргу, Манаса, Каркома-Хола, можно сделать вывод о возможной близости отдельных погребений названных могильников. Подтверждением этому может служить отнесение К. Ф. Смирновым катакомбной могилы кург. 2 Каркома-Хола к позднесарматскому времени. Недаром В. Г. Котович, датируя исследованные им Паласасыртские курганы IV–VII вв., предполагал появление кочевого населения в Южном Дагестане к первым векам н. э., когда происходили частые набеги алан на страны Закавказья и Передней Азии, о чем име-

ются многочисленные сообщения античных источников (17, с. 156).

Наиболее ранние катакомбы Северного Кавказа немногочисленны. Одна найдена у сел. Новоселицкое Ставропольского края (28, с. 96 сл.), пять исследованы А. О. Наглером у с. Комарово в Моздокском районе СОАССР, две – в том же Моздокском районе, в кург. 2 у ст. Павлодольской (29, с. 49). При сравнении последних с Манаскентской, можно отметить определенное конструктивное сходство погребального сооружения, ориентировки, позы костяка. Отмечается явная небрежность постройки погребального сооружения погр. 1, спешка при совершении захоронения. Очевидно, могила выкапывалась не специальными инструментами, а оружием. Аналогично ей погр. 10 в том же кургане. Анализ захоронения показал, что наиболее правильным будет признание сарматской принадлежности павлодольских катакомб (29, с. 52).

Инвентарь катакомбы из Манаскента идентичен инвентарю впускных грунтовых могил Манаскента и Зеленоморска. Он не отличается ни количеством, ни богатством. Тут в выборе типа погребального сооружения можно видеть скорее причины социального, нежели этнического свойства, с чем согласуется и мнение исследователей (М. П. Абрамова, В. Г. Котович). Кроме того, на выбор типа погребального сооружения в какой-то мере влияли почвенно-геологические условия, географическая среда, а также половозрастные особенности и идеологические представления древних. Исследователями катакомбы обычно связываются с иноэтническими элементами, проникшими на территорию Дагестана. В этой связи следует отметить их смешанный характер. Наиболее ранние катакомбы Дагестана, видимо, можно связать с ираноязычным субстратом, а именно со скифо-сарматским миром. Впоследствии стало усиливаться, видимо, влияние тюркоязычного элемента. Не исключено, что отдельные погребения в катакомбах могли принадлежать местному, дагестанскому, а также смешанному населению.

Исследователями (М. М. Маммаев) отмечается, что связи со скифо-сарматским миром носили длительный и устойчивый характер. Длительные контакты СВ Кавказа с савро-матским миром подготовили почву для проникновения ираноязычного населения степей Поволжья в центральные и предгорные районы Северного Кавказа и внедрения в материальную культуру этого края элементов сарматской куль-

туры (6, с. 100 сл.). В конце I тыс. до н. э., через Дагестан осуществлялись торговые связи аорской конфедерации сарматских племен со странами Закавказья, откуда аорсы получали вавилонские и индийские товары (Страбон, XI, 5, 8). Благодаря этому усиливались связи коренного населения Дагестана с сарматским миром. Особенно сильно они проявлялись в Присулакском Дагестане, где контакты были особенно прочными. Следствием их явилась сарматизация части населения приморских районов (Е. И. Крупнов, К. Ф. Смирнов). Языковедами Дагестана также отмечается важность исследований в области истории этнических связей североиранских (кесп. аланских) и дагестанских племен на материале лексических факторов, современного осетинского и дагестанских языков (И. Х. Абдуллаев, К. Ш. Микаилов). На сегодняшний день известны, по крайней мере, около 100 слов из лексического фонда дагестанских языков, которые следует квалифицировать как аланизмы, помимо известных по публикациям В. И. Абаева, Г. А. Климова и других авторов.

Не обосновывая детально данное положение, отметим, что погребения Манаскента, Зеленоморска, Карабудахкента, Черезкутана, Байкаси, Трки и т. д. отражают локальный вариант местной материальной культуры Приморского Дагестана албано-сарматского времени, испытавшей определенное влияние со стороны кочевого сарматского мира.

1. Пятых Г. Г., Салихов Б. М., Шишлина Н. И. Отчет о работах Дагестанской экспедиции в 1985 году. – РФ ИИЯЛ, 1986, Ф. 3, Оп. 3, Д. 627.
2. Салихов Б. М. Археологическая служба в Дагестане. Раздел II. Археологические памятники Приморского Дагестана албано-сарматского времени (по материалам Новостроечной Дагестанской экспедиции ИА АН СССР). Глава II. Погребальные сооружения и погребальный обряд. РФ ИИЯЛ, 1988, Ф. 3., Оп. 3, Д. 713.
3. Магомедов М. Г. Работы Северо-Дагестанской экспедиции. – АО за 1985 год. М., 1988.
4. Державин В. Л., Малышев А. А., Пятых Г. Г., Салихов Б. М., Сударев Н. И. Работы Дагестанской экспедиции. – АО за 1986 год. М. 1988.
5. Котович В. Г. Возникновение классового общества и государственности в Дагестане (по данным археологии). Глава 1. – РФ ИИЯЛ, 1973, Ф. 27, Оп. 1, Д. 33.
6. Маммаев М. М. О культурных контактах древнего населения Дагестана со скифо-савроматским миром в середине I тыс. до н. э. – Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказе с окружающим миром в древности и средневековье. Тез. докл., М., 1981.

7. Давудов О. М. Об этнокультурной характеристике памятников Прикаспийского Дагестана. – Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987.
8. Маммаев М. М., Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Мхачкала, 1989.
9. Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
10. Смирнов К. Ф. Отчет о работе Дагестанской археологической экспедиции в 1951 г. – Архив Дагмузея, Инв. № 15398.
11. Круглов А. П. Археологические работы на Северном Кавказе. – КСИИМК, вып. V, 1940.
12. Круглов А. П. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. До н. э.– МИА, № 68, 1958.
13. Котович В. Г., Котович В. М., Салихов Б. М. Городище Таргу. Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983.
14. Салихов Б. М. Впускное катакомбное захоронение раннесредневекового времени в кургане Торпах-Кала.– IV Конференция молодых ученых. Тез. докл. Махачкала. 1982.
15. Котович В. М. Курган Торпах-Кала.– Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
16. Цилоссани Н. О., Комаров А. В. Дневник раскопок, веденных в Южном Дагестане. – Пятый АС. Труды предварительных комитетов. М., 1892, Т. I.
17. Котович В. Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана.– МАД, 1959, Т. I.
18. Гмыря Л. Б. Паласа-Сыртский могильник.– Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
19. Гмыря Л. Б. Погребальный обряд Паласа-Сыртского могильника (этносоциальная интерпретация). – Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987.
20. Гаджиев М. С. Погребальные памятники Южного Дагестана позднеалбанского и раннесредневекового времени (I–VII вв.) – Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986.
21. Марковин В. И. Скифские курганы у селения Гойты (Чечено-Ингушетия). – СА, 1965, № 2.
22. Котович В. Г., Абакаров А. И., Магомедов М. Г., Маммаев М. М. Отчет о работе Приморской археологической экспедиции в 1963 г. – РФ ИИЯЛ, 1964, Ф. 27, Оп. 1, Д. 49.
23. Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. – САИ, вып. Д 1–9, 1963.
24. Давудов О. М. Исследования в Южном Дагестане. – АО за 1974 год. М., 1975.
25. Гаджиев М. С. Столовая керамика Южного Дагестана рубежа албанского и раннесредневекового времени.– Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984.
26. Давудов О. М. Новые исследования Центральнodaгестанской экспедиции.– АО за 1983 год. М., 1985.
27. Марковин В. И., Твердохлебов А. М. Акушинский могильник.– КСИИМК, вып. 60, 1955.
28. Кореняко В. А. Погребения сарматского времени в кургане у с. Новоселицкое в Ставропольском крае.– КСИА, вып. 162, 1980.

29. Виноградов В. В., Березин Я. В. Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н. э. – IV в. н. э.– Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.
30. Салихов Б. М. Новый памятник культуры Дагестана албано-сарматского времени. – Тез. докл. научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1986 – 1987 гг. Махачкала, 1986.

*Б. Дженито*

#### СТРЕМЕНА АВАРСКОГО ТИПА В ИТАЛИИ

В 1987 году в погр. 16 раннесредневекового могильника в Виченне около Кампобассо (Молизе) (16, р. 49 e ss.) были



найлены железные стремена, находившиеся *in situ* по обе стороны скелета коня (рис. 1).<sup>1</sup> Эта находка, сде-

<sup>1</sup> Раскопки производились Археологической службой пров Молизе под руководством В. Кеглиа (12, р. 31e ss.). Стремена из погр. 16 уже публиковались (16, fig. 21 и экспонировались на выставке «Лангобарды» в 1990 г. в г. Удине (17, no. IV, 83, р. 198 e ss.). В последующие годы при раскопках могильника найдено еще 17 стремян того же типа.

ланная в первом на территории Италии конском захоронении, позволяет говорить об употреблении железных стремян в Европе уже в VII в., хотя обычно их распространение на Западе относят к VIII в.<sup>1)</sup> Предложенная датировка могильника VII в. (16, р. 51) была подкреплена материалами раскопок еще ПО погребений и 9 конских захоронений в 1988–90 гг. Большая часть находок – скрамасаксы, пряжки, накладки на ремни, – относятся к Лангобардскому периоду и могут быть датированы VII в. (16, р. 52; 18), а золотые и серебряные монеты относятся ко времени не позднее 650–680 гг. (7). Германский облик материальной культуры населения, оставившего некрополь, не исключает возможности присутствия отдельных азиатских этносов. С последними, скорее всего, связаны конские погребения и стремяна аварского типа, аналогичные найденным в большом количестве в Венгрии (20, Abb. 510, 511, 513, 514, 516, 519, 520, 521; 35, T. I, III, IV, IX, X; 23, Taf. 30, 31, 38).

Находка конских захоронений в Молизе заставляет вспомнить об упоминании П. Диаконо (*Historia Langobardorum* V, 29) группы болгар (протоболгар – Б. Д.), обитавшей в VII – VIII вв. на территории Сепино, Бояно и Изернии. Гипотетически возможное, как считалось ранее, это сообщение, в свете последних находок, становится если и не абсолютно доказанным, то, по крайней мере, более вероятным.<sup>2)</sup> Круглые стремяна из Виченне с треугольной

<sup>1)</sup> Суммируя различные точки зрения, А. Бивар (11, р. 63) связывал их распространение на Западе через Византию с аварами. Л. Байт (39, р. 37) поддерживал старую традицию германской археологии, относившую этот процесс ко времени не ранее VIII в. В. Сиби и П. Вудфилд, (36, р. 89) считают, что стремяна впервые использовал Карл Мартелл в 732/33 гг. в битве при Пуатье. М. Литтауэр (28) поддержал гипотезу об аварском происхождении стремян, а Б. Бахрах (8) утверждал, что стремяна не могли появиться на Западе ранее 700 г., и особо подчеркивал, что как снаряжение боевого коня их использовали не ранее VIII–IX вв. В подтверждение этого вывода автор ссылается на отсутствие ранее нач. X в. иконографических материалов, где стремяна изображались бы как элемент экипировки всадника (8, р. 760). Кратко история стремян изложена в работах А. Амброза (1) и И. Кызласова (2).

<sup>2)</sup> Вывод базируется не на антропологических анализах, а на факте находки конских захоронений, связанных с погребальной практикой кочевников. Подобный ритуал обычен у центральноазиатских номадов и выражает определенные идеологические представления наездника, по которым конь и упряжь погребались вместе с хозяином, чтобы служить ему в будущем. Родовой культ коня, широко распространенный у кельтов и германцев, и зафиксированный во многих погребениях и находках костей лошадиного скелета (30; 33), совершенно отличен от обряда погребения всадника с экипированным конем.

петлей для подвешивания и расширенной уплощенной подножкой (рис. 2, 1, 2) аналогичны найденным в Венгрии в аварских памятниках VI – VII вв. Хронология этих типов стремян разработана И. Хампелем (20), а позже дополнена и переработана Д. Шаллани (13) и И. Ковриг (24; 25).<sup>1)</sup>

Разница в размерах левого (большого) и правого (меньшего) стремян позволяет предположить, что мастер, изготовивший их, не столько производил серийную продукцию, сколько, обслуживая небольшую группу соплеменников, мог учитывать индивидуальные запросы заказчика. Положение коня слева от погребенного говорит о том, что хозяин седлал его, как правило, слева, что делает понятным увеличенный размер этого стремени (9). Хотя находке и понадобилась определенная реставрация, нужно отметить высокое качество металла и хорошую сохранность стремян, свидетельствующие о развитии ремесленного производства. Учитывая все это, стремяна из Виченне следует считать одной из важнейших археологических находок эпохи раннего средневековья в Италии. Это, видимо, один из самых ранних экземпляров, попавших на Запад<sup>2)</sup>, и самые ранние стремяна найденные в Италии, где до последнего времени такими считались стремяна из детского погребения в Кастель Тросино (29, р. 290, fig. 180) и из Чивидале (37). Особая ценность находки в Виченне, на мой взгляд, состоит в том, что стремяна здесь найдены в аварском контексте, вне зависимости от того, использовались ли они именно аварским воином, погребенным в мог. 16. Общеизвестно, что именно авары принесли с собой на Запад стремяна. Находки аналогичных стремян в германских памятниках следует рассматривать скорее как исключение, чем как прямое доказательство того, что подобные предметы, не известные античному миру, попадали на Запад в результате аваровизантских контактов. Авары на Западе жили в многоэтничном окружении, в том числе лангобардском, и стремяна были, вероятно, заимствованы ими раньше, у населения Центральной Азии или

<sup>1)</sup> Типология И. Хампеля (20, S. 217 ff.), разделившего стремяна на четыре типа: ранние, А, В, к которым относятся и стремяна из Виченне, С, D — более поздние, мадьярского времени, не совсем корректна (Ср.: 36, р. 90). Современные венгерские исследователи придерживаются точек зрения, высказанных Д. Шаллани (13), который датировал этот тип стремян в Венгрии VII в., или И. Ковриг, который удревает их (24).

<sup>2)</sup> Два подобных стремени были найдены в погр. 35 могильника у Деггендорфа в 1985 г. (14, S. 5 ff., Abb. 10, 2, 3; 15, S. 554, Taf. 1, 4, 5).

Китай. Большинство исследователей признано, что стремяна распространены на всем пространстве Евразии от Кореи и Японии (22; 34) до Карпат (13; 20; 24; 25).

Особую сложность представляет проблема происхождения и распространения стремян, которую исследователи давно уже пытаются решить, используя различные подходы. Основные ее аспекты сводятся к вопросам где и когда были изобретены стремяна, а также когда и кем они были перенесены в Европу. Определенно можно говорить о длительной эволюции стремян, связанной с общими изменениями системы вооружения всадника. Каких-либо свидетельств изготовления стремян не из железа у нас нет. Широкое использование стремян, как и распространение обычая погребения всадника с конем, связаны с особенностями кочевой жизни и идеологическими представлениями кочевников.

Свидетельства употребления стремян сводятся к трем основным группам источников: литературным, иконографическим, и археологическим (19). Не трудно представить, что эти группы источников не всегда хорошо увязываются друг с другом. Поскольку литературные источники отрывочны и скудны, а, кроме того, охватывают узкий промежуток времени, гораздо большую информацию несут свидетельства иконографические и археологические. Археологические материалы в основном концентрируются в Азии, где они датируются временем после нач. IV в. в Северном Китае (26, 27). В Восточной и Центральной Европе ранние находки происходят из Венгрии, а в Западной Европе относятся уже к VII в. Иконографический материал, представленный скульптурой, росписями, мелкой пластикой, не всегда поддается четкой хронологической атрибуции, и, главное, содержит изображения стремян в виде кожаной или веревочной петли, на которую опирается всадник. Эти изображения, видимо, наиболее древних стремян, найдены в Индии.<sup>1)</sup>

Литературные источники территориально разделяются на дальневосточные, византийские и арабо-персидские. Дальневосточная группа, наиболее древняя, особо интересна тем, что в ней содержится упоминание о использовании метал-

<sup>1)</sup> Самые ранние изображения «мягких» стремян, относящиеся к I в. н. э., происходят из СЗ Индии (32, р. 261; 39, р. 14, 140, № 7), где есть и другие иконографические материалы (39, р. 15, № 1; 40, Pl. 12, 40). Эти данные явно противоречат Ф. Беллони-Филиппи, согласно которому стремяна импортировались в Индию только с XII века (10, р. 132). Благодарю за эту информацию д-ра А. Соррентино.

лических стремян.<sup>1)</sup> Более запутана и не ясна хронология византийских и арабо-персидских источников. Первые представлены Псевдо-Маврикием,<sup>2)</sup> вторые, кроме распространенной устной традиции, записаны «мудрым и благочестивым мужем»<sup>3)</sup>. В любом случае эти две последние группы источников относятся уже ко времени, когда персы и византийцы имели военные контакты с аварами.

1. Амброз А. К. Стремяна и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.).– СА, 1973, № 4.
2. И. Л. Кызласов. О происхождении стремян.– СА, 1973, № 3.
3. Abu Dawud. Sunan (jihad), ed. Muhammad Muhyial-Din Abdal-Hamid. Cairo, 1370/1951,
4. al-Jahiz. al Bayan, wa'l-tabiiyin. Cairo, 1926/27.
5. al-Mubarrad. al-Kamil, ed. W. Wright. Lpz., 1864.
6. al-Tirmidhi. Da'wat.
7. Arslan E. Le monete della necropoli altomedievale di V. cenne (Bojano) (CB).– Samnium, Archeologia del Molise. Roma, 1991.
8. Bachrach B. S. Animals and warfare in Early Medieval Europe.—Settimane di Studio del Centro Italiano di Studi sull'Altomedioevo, „L'uomo di fronte al mondo animale nell'Altomedioevo", Spoleto, 1983 (publ. 1985).
9. Balint C. Les tombes a ensevelissement de cheval chez les Hongrois aux IX<sup>e</sup>–XI<sup>e</sup> siecles.— Archivum Eurasiae Medii Aevi, II. Wiesbaden, 1982.
10. Belloni-Filippi F. In: Rivista degli Studi Orientali, 1950, XXV.
11. Bivar A.D.H. The stirrup and its origin.– OrAr, 1955, n.s.1.
12. Ceglie V. Lo scavo della Necropoli di Vicenne.–Conoscenze, 19-S8, 4.

<sup>1)</sup> В Нань ши, глава 45 имеется первое свидетельство о металлических стремянах, датированное около 477 г. н. э. (31, р. 1136 – 1137). Иероглиф, использованный в тексте для обозначения стремян – это «дин», – первое значение которого – ритуальный сосуд на трех ножках, трипод, форма которого напоминает стремяна. Выражаю искреннюю признательность д-ру Чиглиано за любезно предоставленную им ценную информацию.

<sup>2)</sup> Датировка известного сочинения OurbiKiou taktika straiegica (38) приписываемого императору Маврикию (ок. 600 г.), служит предметом споров. Его относят к широкому диапазону от VII до X вв. (См. библиографию вопроса: 39, п. 11).

<sup>3)</sup> Из-за того, что персы употребляли арабское слово «рикаб» для обозначения стремян, большинство исследователей считают, что эта часть конского снаряжения попала в Персию в конце VII в., когда верхушка общества говорила на арабском языке (39, р. 32). В IX в. стремяна засвидетельствованы Абу-Давудом (888 г.) (3) и Аль-Тирмиди (883–93 гг.) (6, р. 46). Аль-Яхиз (868 г.) (4, III, р. 8, 12) сообщает, что арабы в его время не употребляли стремян. Согласно традиции, металлические стремяна были заимствованы арабами в 694 г. при полководце Аль-Мухаллабе, который в Центральной Персии видел их использование войсками своих врагов Азракитов (5).

13. Csallanyi D. Grabfunde der VFrühawarenzeit.–FA, 1939, 1.
14. Freeden Uta von. Das Grab eines awarischen Reiters von Moos-Burgstall, Niederbayern.– Vortrag zur Jahressitzung 1985 der RGK. 1985,66.
15. Freeden Uta von. Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Moos-Burgstall, Ldkr. Deggendorf, in Niederbayern.– Bericht der RGK, 1987,68.
16. Genito B. Materiali e problemi.– Conoscenze, 1988, 4.
17. Genito B. Schede.– In: I Longobardi. Milano, 1990.
18. Genito B. Tombe con cavallo ed i materiali delle tombe S3, 24, 42, 46, 76.– Samnium, Archeologia del Molise. Roma. 1991.
19. Genito B. Stirrups between material, literary and iconographical documentation, (in print).
20. Hampel J. Alierthümer des Frühen Mittelalters in Ungarn Braunschweig, 1905 (1971 r).
21. Hessen O. von. Schede.–In: I Longobardi. Milano, 1990.
22. Ito A. Zur Chronologie der frühsillazeitlichen Gräber in Sudkorea. BAW, phil.-hist. Klasse, Abh. (N. F.), 1971, H. 71.
23. Kiss G. Somogyi P. Awarische gräberfelder im Komitat Tolna.– Diss. Pann., 2. Budapest, 1984.
24. Kovrig I. Contribution au probleme de l'occupation de la Hongrie par les Avars.– Acta Archaeologica, 1955, VI.
25. Kovrig I. Deux tombes avars de Toarokbalint.–Acta Archaeologica, 1957, IX.
26. Ji'an xian Wenwu baoguan. Ji'an xian Liang zuo Gaogouli jishi mude qingli (Excavation of two Kao-Kou-li Rock Tombs at Chian Country, Kirin Province).– Kaogu, 1979, 1.
27. Jilin sheng Bowuguan Wenu gong zuo dui. Jilin Ji'an de liang zuo Gaogou li mu (Two Kao-Kou-li burials at Chi-an, Kirin).–Kaogu, 1977, 2.
28. Littauer M, A. Early Stirrups.–Antiquity, 1981, LV.
29. Mengarelli R. La necropoli barbarica di Castel Trosino presso Ascoli Piceno.–Mon. Ant., XII, 1902.
30. Müller Wille M. Pferdegrab und Pferdeopfer Im frühen Mittelalter.– Berichten ROB, 1970,(1971).
31. Nan Shi. Nan Shi (History of southern dynasties (420–583) (Li Yanshou (Tang Dynasty, 6 th–10 th) ed.). Zhonghua bhuju. Pexing, 1975.
32. Noettes L. des. L'attelage, le cheval de selle a travers les ages. P., 1931.
33. Oexle J. Merowingerzeitliche Pferdebestattungen Opfer oder Beigaben.– Frühmittelalterliche Studien, 1981, 18.
31. Onoyama S. Early horse equipment discovered in Japan.–Kokogaku-Zasshi, 1966, LII.
35. Rosner G. A. Szexszard-Bogyiszloi uti avartemeto lo- es lovastemetkezesei.—Beri Balogh Adam Muzeum Evkönyve, 1975/76, VI–VII.
36. Seaby W. A., Woodfield P. Viking Stirrups from England and their background.– Medieval Archaeology, 1980, 24.

37. Silva I. A. Testimonianze avare a Cividale.—Forum Iulii, 1990, XIV.
38. Strategikon, Mauricii artis militaris libri duodecim (ed, J. Scheffer). Uppsala.
40. Zimmer H. The Art of Indian Asia, its mythology and transformation. (comp. and ed by J. Campbell). Princeton, 1955.
41. White L. Jr. Medieval Technology and Social Change. L., 1962. (Tecnica e Società nel Medioevo. Milano, 1967).

*E. A. Савостина*

## АНТИЧНОСТЬ И ВАРВАРЫ: ВОЗМОЖНОСТЬ СОПОСТАВЛЕНИЯ КУЛЬТУР

Необъятная тема «Античная цивилизация и варварский мир» на наших глазах приобретает оттенок неразрешимости. Предаваясь рассмотрению в основном так называемых «контактных зон», мы ищем в них какие-то приметы взаимодействия культур, влияния одной художественной традиции на другую, идя, в конечном счете, проторенными тропами наших предшественников – то есть по кругу. В самом деле, разве можно вырваться из замкнутого кольца поисков поэлементного сходства в том, структуру чего мы не представляем на более общем – в том числе и смысловом – уровне? Разве можем мы надеяться на какое-то разрешение «контактных» проблем, не осознав не столько очевидной «похожести» вещей и элементов, сколько их смысла и роли в их собственной культуре? И разве осуществимы какие-то сопоставления без критерия узнавания сходства, черт одного мира – в другом?

Среди многочисленных вариантов путей, по которым следовало бы разрабатывать эту тему, один, на мой взгляд, вселяет особенные надежды. Это вариант «обратного хода» – к истокам (1). Для того, чтобы сравнить два контактирующих мира, необходимо сначала их разделить. Однако, как только мы выйдем на этот путь, начнут делиться и сами две эти стихии – античность и варвары.

Что касается варваров, то многообразие их никогда не подвергалось сомнению. Уже по греческому определению –

это все народы, за исключением самих эллинов. Античность же в постановке «контактных» проблем представляется некоей абстрактной, аморфной массой. Между тем – это не только Греция, состоящая из нескольких областей, но и Этрурия, и Рим. И это не просто Греция, а новый гигантский мир, возникший с началом Великой греческой колонизации.

Многие из известных нам типов культур помимо поступательного развития их внутренних структур имеют тенденцию к расширению – «горизонтальному», географическому распространению. Обычно оно чревато неравномерным ходом формирования культуры в отдельных районах и ярче всего проявляется в неоднородном развитии географического и исторического ядра культуры и его обрамления.

Известны культуры – даже целые культурные общности, – которые в освоении новых пространств продвигаются единым мощным потоком – всей своей массой. Они ассимилируют или вытесняют прежнее население, тем самым создавая цепную реакцию следующих передвижений. Историческое ядро такой культуры за многие десяти- или столетия ее путешествия нередко остается за пределами настоящего исторического видения. «Единый поток», на самом деле, состоит из отдельных самостоятельных соединений и не имеет одного общего центра. Центр здесь, вероятно, множественен: он рассеян по своим обособленным «общностям». Трудно выделить здесь и периферию – возможно, ее проявление обнаружится в более смазанном и вялом течении общих процессов. К примерам такого «лавинного» типа распространения культур можно было бы отнести скифскую (скифо-сибирскую, скифо-сарматскую) культурную общность.

Великая греческая колонизация – при всей своей уникальности и загадочности — есть также не что иное как одна из форм реализации тенденции культуры к расширению. В течение многих веков создавался и множился громадный греческий мир. Иония, Эгеида, Великая Греция, — и вот уже сами колонии осваивают новые земли. Уже следующие поколения переселенцев появляются в Северной Африке, Иберии, на берегах Понта. Беспрерывный процесс «деления» культуры. И беспримерный – по своим масштабам и продолжительности.

В эллинской истории всегда заметно ощущалось стабильное ядро культуры. А вот периферия в этом потоке бесконечного отпочковывания колоний имела диалектический

характер: первоначальная окраина греческого мира могла скоро стать центром новых областей. Более того, в отличие от римской, греческая периферия – это не ослабевшая из-за удаленности от центра волна цивилизации, а пересаженный в ходе общего колонизационного процесса ее росток.

Перед отторжением этот росток готовился специально и являлся хотя и микроскопической, но адекватной метрополии моделью – как отделяющаяся клетка многоклеточного организма. В сущности, Греция представляла собой именно такое многообщинное (полисное, «клеточное») целое, постоянное деление которого было не только итогом, но способом и условием его существования.

«Подобное порождает подобное», – этот принцип греческой колонизационной системы, равно как и рассуждения по поводу характера периферии, имеют для нас особую важность: именно с античной периферией от начала Великой греческой колонизации имел дело варварский мир. Можно сказать, что колонизация и есть тот «путь к контакту», который соединил и вместе с тем противопоставил античную цивилизацию и варварский мир. Тот мир был средой – дружественной или враждебной, пассивной или заинтересованной, отдаленной или соседствующей, – в которой или рядом с которой развивался новый «пересаженный отросток» – импульс, заданный античной культурой.

Получив его от развивающегося последовательно и непрерывно, исходящего из одного истока «классического» греческого организма, периферийная античная культура начинает свою историю с некоей дискретной величины, приходящейся на середину общеантичного пути. И от того, на каком этапе ее развития от эллинской культуры отделился новый организм, зависит и характер полученного им импульса, и направленность, и возможности его развития. Именно поэтому дальнейший ход наших рассуждений было бы правильнее связать с конкретным примером, относящимся к какому-то определенному району периферийной культуры. Обратимся к наиболее знакомым нам местам – Северному Причерноморью.

Почти одновременно – хотя следуя с противоположных сторон – с этими землями познакомились и мореплаватели-греки, и сухопутные степняки – скифы. Первые следы греческой продукции на Березанском поселении относятся к середине – третьей четв. VII в. до н. э. (2, с. 6 сл). Тогда же, как считается, появились в этих степях и первые



скифы (3, с. 7,33). Однако факт присутствия здесь продукции греков еще не является доказательством их собственного пребывания (нельзя забывать и о роли посредников в торговле). С уверенностью о переселении сюда колонистов можно говорить лишь с начала VI в. до н. э. Уточнению дат основания различных поселений посвящены специальные работы (4; 5, р. 32). Для нас сейчас это не имеет решающего значения – нам важно хотя бы в общих чертах охарактеризовать состояние классической античности, какой она была (вернее, какой мы можем представить ее) к VI веку до н. э. – к моменту выезда колоний в Причерноморье.

В это время Греция переживала так называемый архаический этап развития. По общепризнанному мнению, это период сложения античной цивилизации, поэтому самая главная его черта – нестабильность. Все: и миф – основа греческого мировоззрения, и социальная полисная структура, и эллинизм как культурно-историческое единство; – находится на стадии формирования. В течение этого времени происходят кардинальные перемены не только в общественной или политической сферах культуры, но и в тех материальных формах, которые сами греки связывали с развитием конструктивных искусств: керамике, пластике, архитектуре.

Перемены, происходившие в них, были явные и неявные: развивался и зримый облик формы – вещи, изменялся и ее смысл. От компактного сосуда до многомерного архитектурного ансамбля расширялись масштабы и горизонты охваченного ими реального пространства, тогда как несравненно большее пространство аккумулировалось в подсознании одной, но всеобъемлющей идеи: основного содержания культуры – представления о мире. Все формы несли единый смысл этого ядра, но очевидная неравномерность и несинхронность их развития заставляет предположить, что в разное время на какую-то из них возлагался особенный груз. Тогда эта форма, эта *вещь* конструировала и несла как главную тему художественного воплощения – образ мира.

Представления, которые не получили еще предметного оформления во всех сферах, первоначально выразил сосуд. Помимо своей основной функции он мог заменять и саркофаг, и погребальный памятник – стелу. Наиболее отчетливо развитие керамики отразилось в стиле. Геометрический, ориентализирующий, чернофигурный – они имеют довольно произвольное деление, достаточно размытые границы. Одна-

ко этой условной градацией уловлено главное: шаг развития, в котором помимо мотивов росписи меняется и форма сосуда, и система языка (6, р. 14; 7, S 96, 135; 8, S 47). Можно сказать, что в переводе знакового геометризма в понятийную образную систему заключен исторический путь архаической вазописи. В лучших примерах чернофигурного стиля достигнута вершина этой эволюции, целью которой было воплощение образа мира (9, № 1; 10, р. 50). В них все едино: объем, форма, ее развитие структурой росписи, темой и действием мифа, пояснительными изображениями и пояснительными надписями, – и все составляет модель космоса и космос вазы.

Но уже зреют основы иного видения, и за этим перевалом — стремление представить не развернутую целостную модель, а частью определить целое (11, р. 39 ff). С данной тенденцией в определенном смысле закончилось развитие вазописи как подсознательного акцента смысла культуры: идея достигла вершины изобразительной формулы – все было сказано.

Те же принципы декора, совпадая по стилю с керамикой, первоначально развивает пластика. Однако нет никаких сомнений в том, что в ранний период архаики она имеет другой статус. На сосуде она играет роль дополнительного к росписи пластического языка, как бы отделившийся от плоскости орнамент; отдельные фигурки в погребении исполняют роль контекста. О самодавящем содержании пластики можно говорить только с формированием ее новой мощной ветви – монументальной скульптуры (12, р. 103). Космическая значимость отдельно стоящей человеческой фигуры связывает ее со смыслом космоса (13, р. 232). Развитие образа – структурность, окружение «подробностями», свойственное определенному этапу архаической скульптуры, – сближает ее с архитектурной формой. В архитектуру – как частая принадлежность фронтовых композиций – вливается и рельеф. Все увереннее, хотя и не подавляя самостоятельного развития других отраслей, архитектура объединяет основные принципы форм, аккумулирует суть мировоззрения культуры.

Структурой, функцией вместилища сооружение подобно сосуду, однако архитектура имеет больше возможностей развития идеи: и в диалоге «внутреннего» – «внешнего» смысла, и в установлении пространственных связей со средой

(алтарь – храм – теменос) (14, р. 45). Все это создает возможность длительной многоплановой эволюции идеи, как к вершине, стремящейся к многомерному храмовому ансамблю.

Итак, «классическую» античность начала VI в. до н. э. – перед выводом колоний в Северное Причерноморье – можно уподобить друзе с разновеликими кристаллами: что-то уже прошло этап кристаллизации, что-то находится в процессе. Скорее всего, и в генотип культуры колонии был заложен подобный конгломерат. Но перенесение его не было механическим. Для развития и реализации генетического кода необходимо было достижение некой «критической массы» и в численности населения, и в его составе, и в единстве образа жизни, идейном родстве складывающейся культурной общности. Это кажется главным условием того, чтобы пересаженный отросток дал новый побег. Чтобы он рос и жил, а не был бы слепком или подражанием породившей его культуры.

Теперь мы могли бы проследить, как развивалась периферийная культура, в чем проявилось ее родство и ее различие с культурой «классической» античности. Здесь уже следовало бы отделить «античное» от «неантичного». Но для этого нужно провести какие-то сопоставления, а для них необходимы критерии, по которым можно будет узнать одно – в другом на уровне сопоставления вещей. Однако здесь кроется препятствие: значение и роль вещи в различных культурах неоднозначно. Мы могли уже видеть, что такое вещь в античности и для античности. Основная черта ее как цивилизации в том и состоит, что суть своего мировоззрения, **концепцию** своей культуры она формулирует в вещи. Идеи культуры, развивающиеся воззрения, мифологемы доходят до материального воплощения, и здесь, в создаваемых пространственных и пластических структурах, достигают совершенства — единства смысла и образа. С другой стороны, и отвлеченные понятия в античности могут иметь конкретную, материальную форму сравнения, о чем говорят предметные модели мира античных философов: яйцо у Парменида, сосуд – у Эмпедокла. Ничего похожего мы пока не видим в контексте того мира, что окружает ростки античности в Северном Причерноморье. Есть много удачных попыток понять его, но всегда «местная» культура, ее космос и мифология трактуется на фоне того же античного или иранского образца, ее смысл чаще звучит «в переводе» на вещностный язык другой

культуры (15, с. 7, 10 сл.). Думается, это не случайно, и может быть объяснено не столько нашим незнанием большего количества вещей этой цивилизации, сколько возможно иными, непредметными формами ее самовыражения. В этой ситуации, возможно, единственно верным была бы попытка прочтения культуры «изнутри». И поиск «античного» в «неклассическом», так же как и осмысление структуры варварских культур, оправданно вести с помощью того, что может быть в них сопоставлено – вещи.

Вещь для нас будет важна не столько с точки зрения ее мифологии или семантики, сколько с точки зрения смысла культуры, выраженного в вещах. Однако способ прочтения «записи» этого смысла исходит из мифологического строя мышления древних, и не оценим в тех областях, где «интерпретация важна не менее реалистической данности» (16, р.54). Мифологическое мышление – это образно-метафорические связи понятий и смыслов (17, с. 79). Оно не противоречит логическому и ассоциативному и не вытесняет бытового мышления, а только образует свой особый пласт. Считается, что при таком способе мышления развитие идеи – образа выстраивается в семантический ряд и развивается от начала и до конца в каждом новом своем варианте. Тем, что в древности с логической последовательностью развивается именно **каждый** факт, отчасти, объясняется и множество вариантов античных мифов. Для нас важно и то следствие мифологического мышления, что всякая идея получает свое развитие не в одном' только виде вещей, а в **каждой** вещи, и проявляется в ее каждой грани. Не только монументальные формы архитектуры, но и структура, декор вазы, статуи и саркофага ведут единую линию смысла или же – целый «пучок» этих линий. Остается только последовательно «прочитывать» каждый памятник, находить в нем наиболее существенные черты (а они ясны уже на уровне структуры), сравнивать их с другими категориями вещей.

Было бы логично рассмотреть в Северном Причерноморье те же категории вещей, что и в Греции: керамику, пластику и архитектуру. Однако ясно, что в отличие от Греции, не все виды «конструктивных искусств» получили здесь свое развитие. Несмотря на первостепенное распространение в культуре колонии и несомненную важность во всех исторических построениях, расписная керамика в изучении собственно причерноморской античности может играть только косвенную роль: вся она – привозная. Ни в VI в., ни позже,

за исключением немногих подражаний, мы не могли наблюдать никаких попыток основания собственной вазописной традиции, хотя производство нерасписной посуды существовало. Определенным образом это подтверждает вывод о развитии керамики в целом: завершилась динамика смысла, одна лишь форма даже в новых условиях не смогла стать стимулом «керамического возрождения».

В пластике и архитектуре, напротив, отчетливо выделяется продукция местных школ. Однако обращает на себя внимание тот факт, что и причерноморская периферия, как и Греция, не представляет собой монолитного явления. В Боспорском государстве существуют различия и в стиле скульптуры, и в архитектурных формах, особенно проявившиеся в погребальной сфере. Развитие их неравномерно, неоднозначны и те типы форм, которые они разрабатывают. В более полном виде панорама развития скульптуры и архитектуры разворачивается на Боспоре.

К IV в. до н. э. его культура приобретает «собственное лицо». В скульптуре это выражается в выработке особого пластического языка. Уплощенная поверхность, графичный контур и особая точность в деталях костюма и вооружения – черты, присущие многим «периферийным стилям». Для боспорского стиля характерно создание также сложных композиционных схем. Наиболее ранние памятники — «амазономахия» и рельеф из Трехбратнего кургана (18, с. 63 сл.; 19, с. 128 ел.) – построены не только в нескольких планах, но и в нескольких пластах: каждому отдельному сюжету соответствует свой пространственный слой, и они наложены друг на друга. Вместе они раскрывают уже общую тему, единый сюжет.

В композиции этих памятников мы видим развитие формы, имеющей «классическую» основу, в нечто иное, неизвестное греческому миру, но несомненно гармоничное и обладающее собственной внутренней логикой. И в более поздних памятниках - многоярусных надгробиях – прослеживается сложная структура. Отдельные сюжетные и смысловые пласты здесь не наложены один на другой, выстроены по вертикали в стволе-стеле, заканчивающейся как кроной – акротерием. Изображения в клеймах символизируют этапы жизни человека, проходящей внутри этого дерева. Взятые вместе, они воплощают единый круговорот бытия.

Таким образом, сюжеты периферийной скульптуры развивают основные темы античности. Метафорические борьба

жизни и смерти, путь к божеству как, к бессмертию, образ древа жизни объединены единой линией смысла – мифом возрождения.

К тому времени, когда «многоярусность» как композиционный прием проявился на Боспоре, он уже не был характерен для «классической» античности (исключая Малую Азию), а если и встречался, играл там иную роль (20, р. 357). Вероятно, этот прием соответствовал более архаическому пониманию внутренней связи вещей, стремлению показать «все» в одной модели – как в структуре каждой «классической» вещи архаики. Может быть, и многослойность боепорских форм связана именно с этой тенденцией.

Монументальная архитектура представлена на Боспоре двумя направлениями. Первое из них – ордерное – известно по деталям декора и остаткам фундаментов. По ним можно восстановить облик отдельного сооружения, но выявить единую линию развития в периферийной ордерной архитектуре пока не удастся. Более рельефно и целостно представлено второе направление, связанное с монументальными погребальными сооружениями. Несомненно, эта область архитектуры имеет свою специфику, и было бы невозможно судить по ней о боспорской архитектуре в целом. Однако почти тысячелетняя история боспорских гробниц свидетельствует об их ярком и самобытном развитии, что и определяет особое к ним внимание.

Само по себе появление подкурганных каменных гробниц на Боспоре на рубеже V – IV веков является не вполне «классическим» признаком культуры. «Опоздав» на века по сравнению с Этрурией, отчасти совпадая во времени только с гробницами Фракии, они почти на столетие опередили появление царских склепов в Эгах и последовавшую за этим широко разлившуюся по всему греческому миру волну «македонского типа» гробниц. Нужно заметить, что и в Северном Причерноморье редки эти формы – лишь единичные примеры полуциркульных подкурганных склепов (склеп Еврисивия и Ареты) известны в Ольвии. Этот факт ждет отдельного обсуждения, мы ограничимся лишь его констатацией.

Уникальный своим появлением в «неклассическое» для этого время, каждый этап в развитии подкурганных сооружений, тем не менее, имеет аналогии в античном мире. Каждый тип боепорских гробниц напоминает какой-нибудь тип

гробниц средиземноморского ареала. Однако из этой «похожести» формы и облика не следует абсолютного тождества интерпретации их замысла. Как и в керамике, и в скульптуре, здесь безусловно осуществлялся тот же принцип: каждая конкретная архитектурная форма, воплощая некую общую идею, представляла ее своеобразный, неповторимый вариант. На самом раннем этапе развития боспорская гробница с уступчатым перекрытием представляет собой многоструктурную модель-космос, последовательно отраженную в нескольких пространственных оболочках (21, с. 237 сл.). В конце этапа, когда отдельные элементы общего архитектурного объема начинают живописно объясняться, на замковом камне появляется изображение богини (22, с. 17). Как и в скульптурных сценах предстояния и пути к божеству, здесь также развивается тема встречи умершего и бога. Та же мифологема прослеживается в гробницах следующего этапа – с полуциркульным перекрытием, и затем переходит в расписанные вырубные катакомбы, соединив две традиции — выстроенного и выкопанного сооружения – росписью, имитирующей камень. Неразрывная связь смыслов, воплощенных в скульптурных и архитектурных памятниках, доказывается и росписью одного из пантикапейских гробниц-саркофагов, полностью адекватной и композиции, и сюжетам многоярусных надгробий (22, табл. ХСIII).

И в такой специфической ветви как погребальная, в полной мере были использованы возможности монументальной архитектуры – вовлечение в сферу своего смыслового поля большего пространства, чем могло бы быть освоено конкретным объемом вещи. Это выразилось, во-первых, в развитии внешней связи погребального комплекса со средой (курганские линии — группы); во-вторых, в установлении диалога внутреннего и внешнего смысла: реальное и идеальное подкурганное пространство соединяет дромос. Так проявились общие черты архитектуры. Однако еще одно свойство присуще только боспорским погребальным сооружениям – замкнутость их структуры, обращение смысла «внутри». За редким исключением мифологическое значение сооружения не выводится наружу, как это было обычно в «македонских» гробницах-храмах, не объясняется зрителю на фасаде. Сосредоточенность на интерьере, как и неконкретность, абстрактность объема на рубеже V –IV вв., выглядит уже архаической чертой: она соответствует той стадии развития монументальной архитектуры, когда смысл сакрального сооружения

еще не отражается его фронтоной композицией. О чем это может говорить? Не исключено, что в развитии боспорской архитектуры сказалась та фаза развития общеантичной культуры, та «точка отсчета», с которой начался рост ее пересаженного побега на Боспоре, Судя по известному материалу, погребальные памятники отразили общее положение в архитектуре Боспора: и в ордерных постройках фронтоная скульптура не получила широкого развития.

Даже очень бегло коснувшись категорий вещей, связанных с собственным производством периферийной культуры, мы должны признать, что динамика их несомненна. Очевидно и то, что обе они имели общий путь. Идя по нему, и архитектура, и пластика развивали одни и те же темы, совпадая в структуре художественного мышления, сюжетах, символах, принципах композиции. И только существующие «законы жанра» — язык пластической формы и пространственного объема – отделяют их друг от друга.

Ограниченность тем и способа их изложения, единство структуры и направленности художественного мышления могут свидетельствовать о том, что внутреннее развитие античной периферии было самостоятельным. Однако нет никаких сомнений и в том, что эта культура связана с «классическим» античным миром основой своего содержания. Мы наблюдали несколько примеров вещей боспорского производства, и каждый раз их тема, их смысл вписывались в темы «классического» мира. Естественно видеть в этом проявление генетической связи периферии с породившей ее цивилизацией. Бесспорно и то, что главный внутренний стержень культуры, пронизывающий все эпохи существования периферии, удерживающий ее в рамках античности, несмотря на иную направленность окружающей среды, «античное» в «неклассическом» – есть греческий миф.

Именно миф является единым смыслом античной культуры, различны лишь формы – запись – его воплощения. Вот почему форма изменчива не только в оппозиции «периферии». Архаичность периферийных форм, возможно, говорит о заторможенности темпов в развитии заданного импульса. Но так же, как и в материнском ядре, каждая форма культуры-отростка, каждая вещь в ней есть миф. И логика развития этого мифа зависит от направленности всей системы.

Мы обращались пока только к одной из контактирующих сторон, оставляя за пределами внимания колоссальный мир варваров. Однако, стоит только погрузиться в атмосферу его

Вещей, как тотчас найдется бесчисленное количество аналогий тем сюжетам, темам и линиям, которые только что были рассмотрены на материале античности. Трудно побороть искушение сравнить эти культуры по принципу подобия. Многие темы действительно «всехсветны» (мировое древо, например) и объединяют культуры всех времен и народов. Но возможно ли в таком случае сопоставление культур?

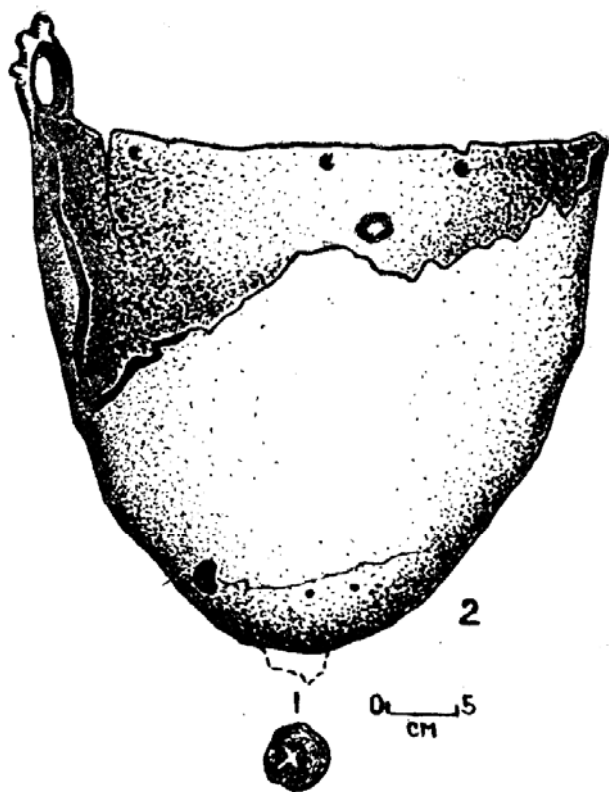
Как в античности, так и в мире варваров каждая вещь есть миф, и уже на этом основании позволительно сравнение. Однако динамика вещей в варварской среде отлична и проявляется в ином виде. Мы не можем пока сказать, как в материальных формах развивался смысл культуры скифов. Но очевидно, что этот путь не тождествен античному, во всяком случае, он не привел к подобному результату – полному слиянию смысла вещи и ее образа.

Был ли материальный предмет у скифов вещью-образом, или вещью-символом? Как строилась целостная модель мира: как единая форма или как единство отдельных символов? Эти вопросы возникают уже при взгляде на памятники так называемого звериного стиля. До сих пор неясна его роль, но развитие, как единой системы, очевидно. От натурализованного символа – животного, представленного переодетым конем-оленом (Пазырыкские курганы), звериный стиль проходит последовательные стадии развития художественного языка: нерасчлененное изображение животного (олень-мира?) сменяется изображением обобщающим, составленным из частей-символов (Куль-Обский олень). Затем уже сама часть зверя воплощает целое – появляется изображение только рогов оленя, заканчивающихся клювами грифона – сокращенная схема «терзаний».

Путь от целого к частному также напоминает античный, но основное содержание этого языка может быть заключено не столько в самой вещи-символе, сколько в совокупности этих вещей. Поэтому, только рассматривая вещь в контексте отдельного комплекса, отдельной культурной «общности», можно понять ее смысл в собственной культуре. Тогда можно будет вернуться и к более общему вопросу – возможности сопоставления культур.

1. Статья в сжатом виде излагает другую работу, посвященную «неклассической» античности Боспора, поэтому цитаты оттуда неизбежны. Однако та же проблема рассматривается здесь с более общих позиций, и я благодарю Б. А. Раева за предоставление возможности высказаться на страницах данного сборника.

2. Копейкина Л. В. Родосско-ионийская керамика VII в. с о. Березань.– Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982.
3. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989.
4. Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979.
5. Mosse C. La colonisation d'antiquite. P., 1970.
6. Cook R. M. Greek Painted Pottery. L., 1972.
7. Pfuhl E. Malerei und Zeichnung der Griechen, I. München, 1923.
8. Walter H. Fr7he Samische Gefasse.-Samos, V. Bonn, 1968.
9. Beazley J. D. Attic Black-figure Vase-painting. Q ford, 1956.
10. Amyx D. A. Archaic Vase-Painting vis-a-vis „Free" Painting at Corinth.–Ancient Greek Art and Iconography. 1983.
11. Bothmer D. von. The Amasis Painter and his World.–Vase-Painting in Sixth-century B. C. Athens, etc., 1985.
12. Ridgway B. S. The Archaic Style in Greek Sculpture. Princeton, 1977
13. Donohue A. A. Xoana and the Origins of Greek Sculpture.–American Classical Studies, no. 15. Atalanta, 1984.
14. Scully V. The Earth, the Temple and the Gods. Greek sacred Architecture. N.-Y., 1969.
15. Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
16. Moss K. M. Olga Mikhailovna Freidenberg: Soviet Myihologist in a Soviet Context. Diss. Cornel Univ., 1984.
17. Лосев А. Ф. Типы античного мышления.– Античность как тип культуры. М., 1988.
18. Савостина Е. А. Античное поселение Юбилейное I на Тамани (предварительные итоги изучения).– СА, 1987, № 1.
19. Бессонова С. С., Кириллин Д. С. Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана.– Скифы и сарматы. К., 1977.
20. Ducati P. Le pietre funerarie felsinee.– Mon Ant.. 19i0, Vol. XX.
21. Савостина Е. А. Сакральное пространство и погребальный обряд боспорских гробниц.– Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. М., 1990.
22. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб, 1914.



1- котел (по ЗООИД, прорисовка)  
2- котел, ГИМ, Инв. 45306

Рис. 1 к статье Е. С. Нефедовой

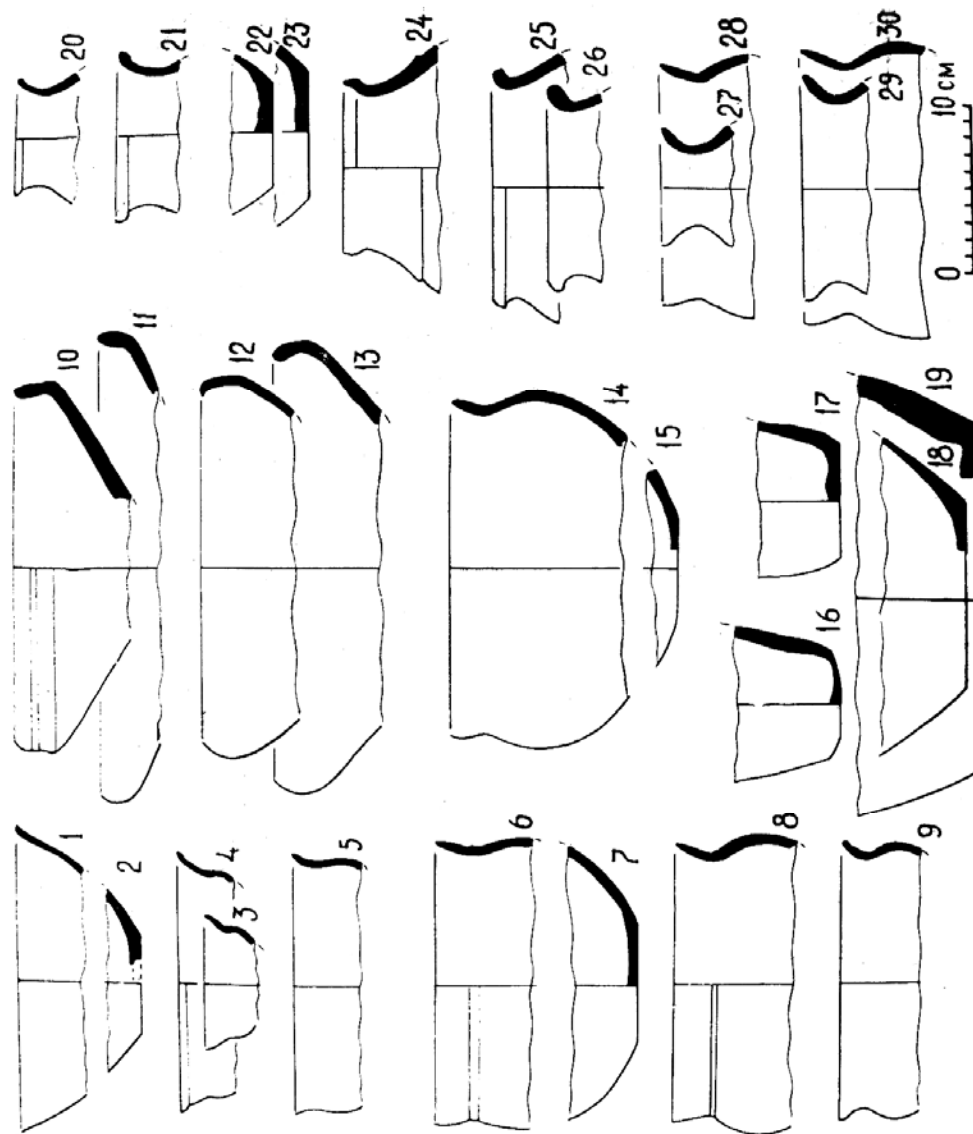


Рис. 1 к статье Б. Абдулгазиевой

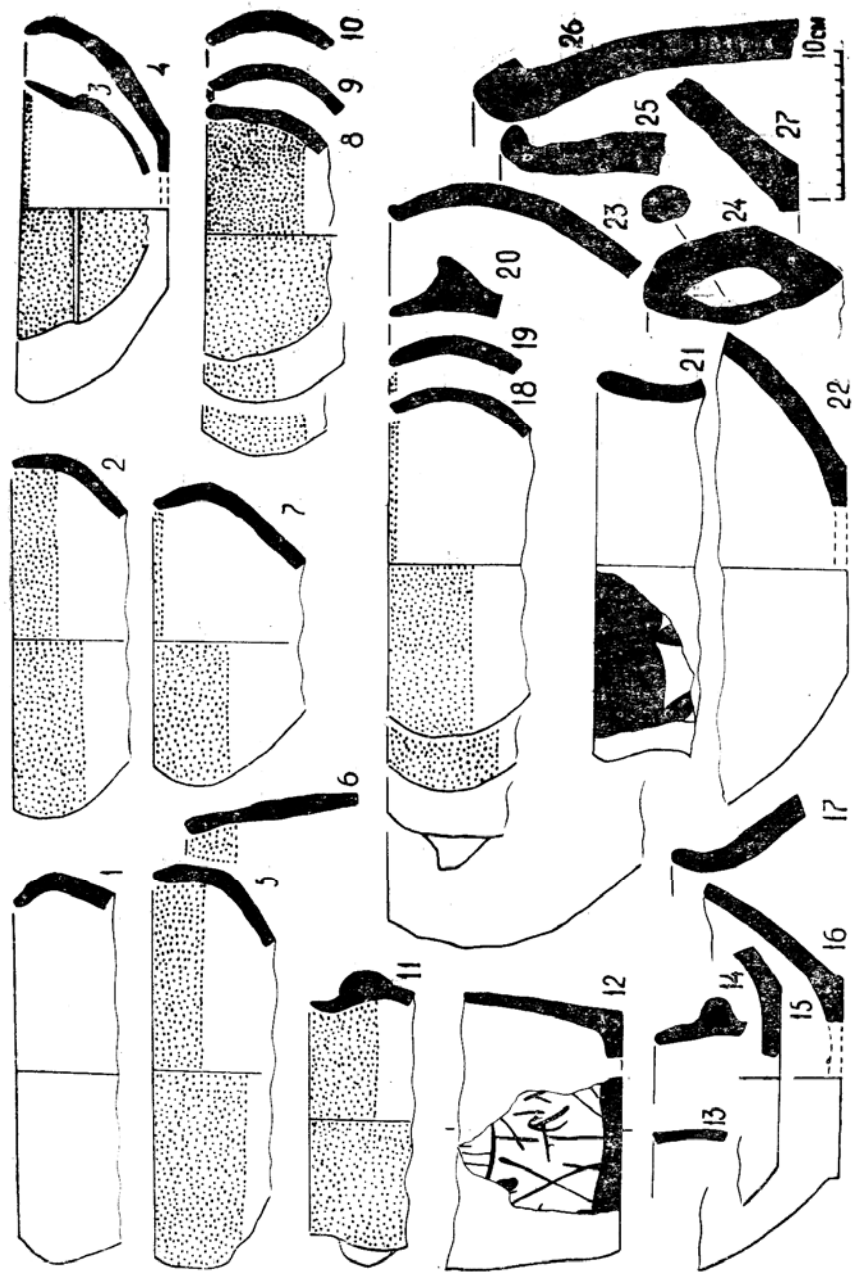


Рис. 2 к статье Б. Абдулгазиевой

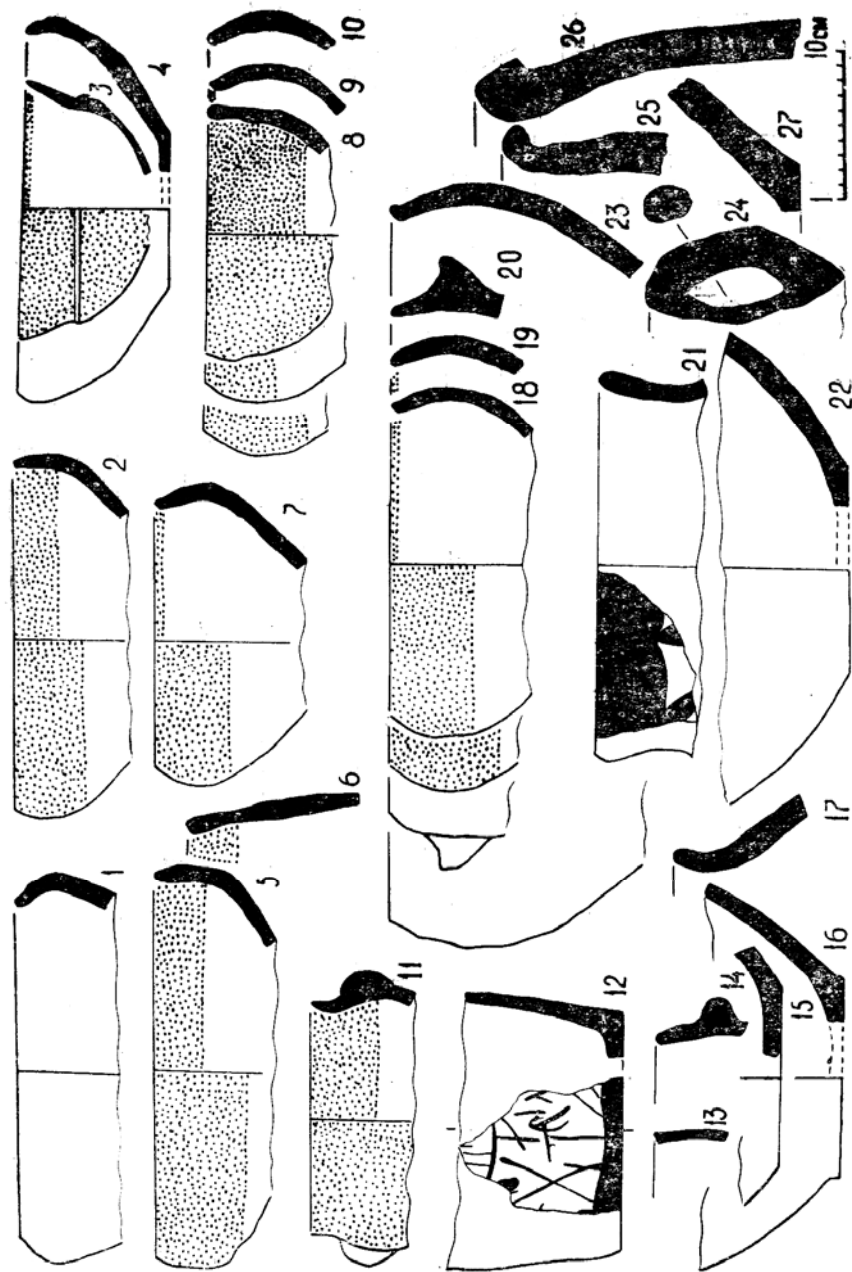
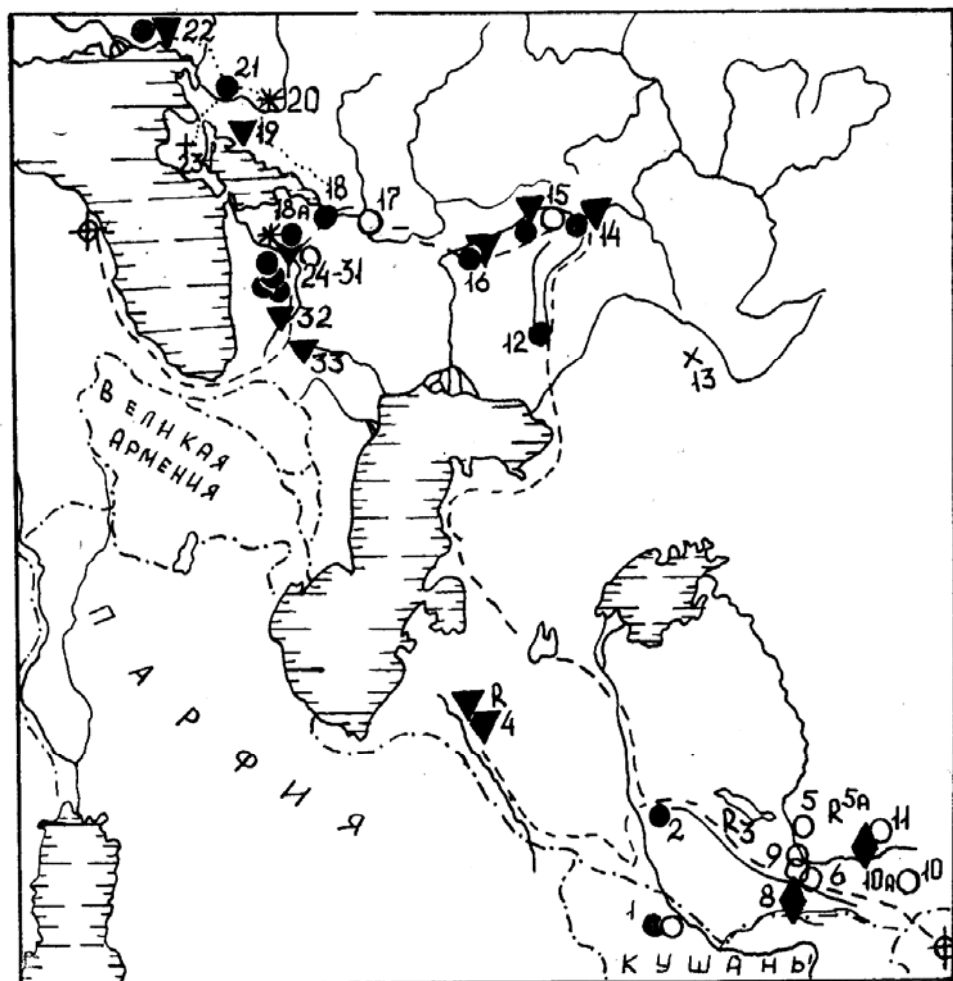
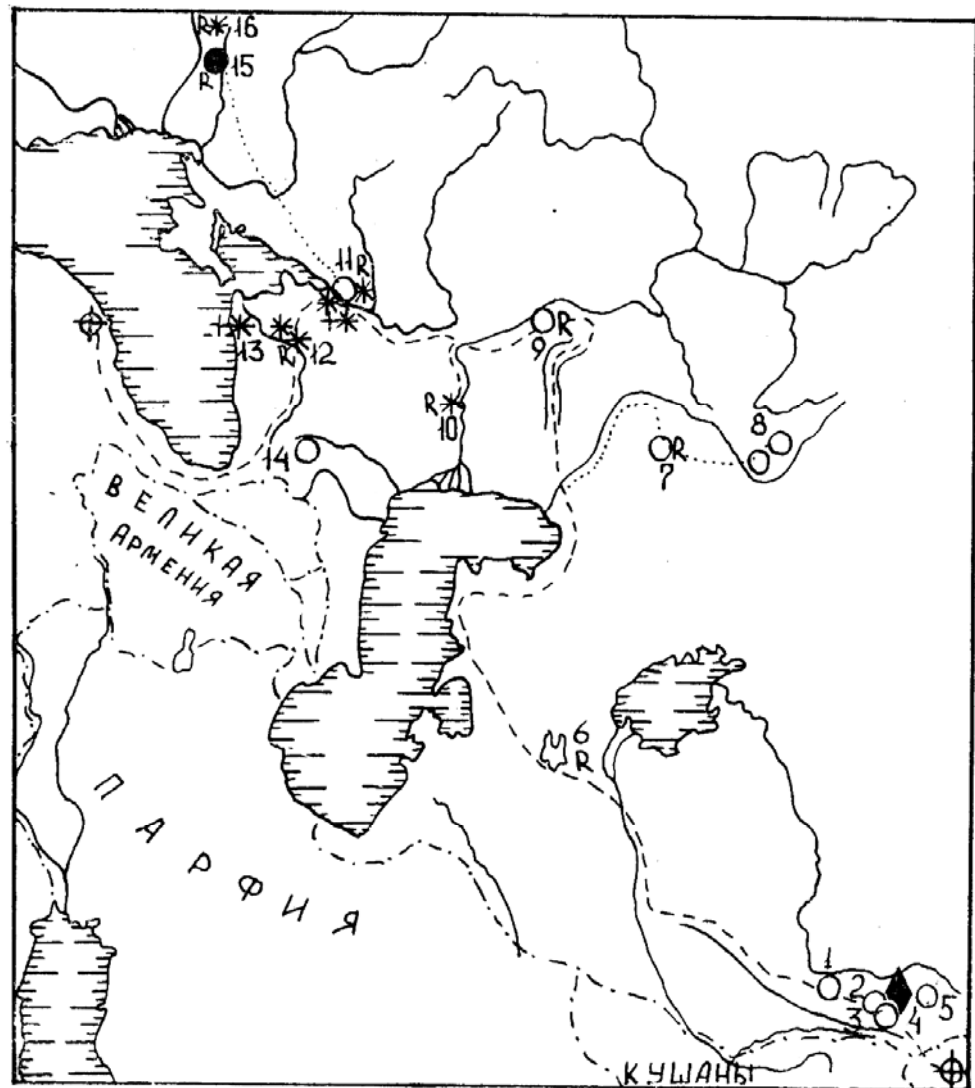


Рис. 2 к статье Б. Абдулгазиевой



○-1 ●-2 ■-3 +-4 X-5 ▼-6 R-7 \*-8 ◆-9

Рис. 1 к статье Н. Е. Берлизова



○-1 ●-2 ■-3 +-4 X-5 ▼-6 R-7 \*-8 ◆-9

Рис. 2 к статье Н. Е. Берлизова



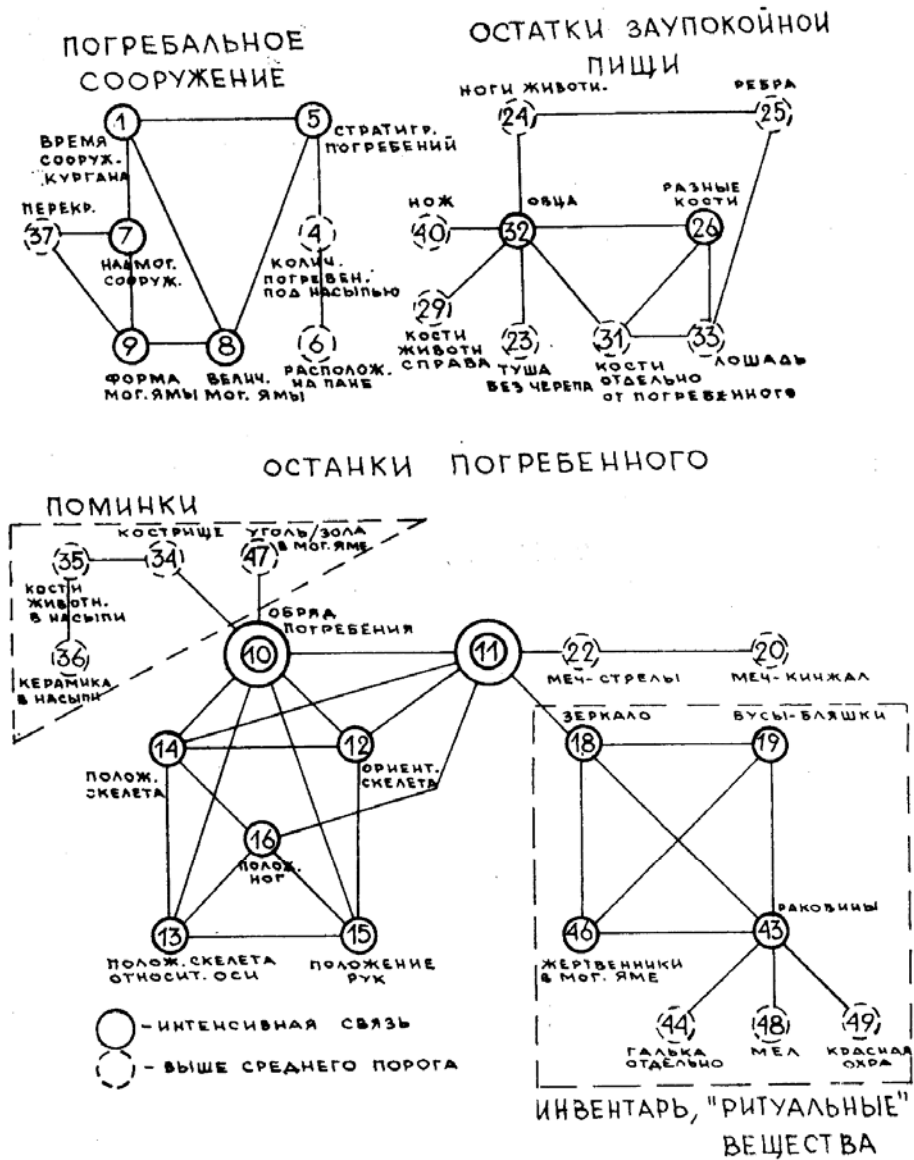


Рис. 1 к статье Б. Ф. Железчикова и З. А. Барбаруновой

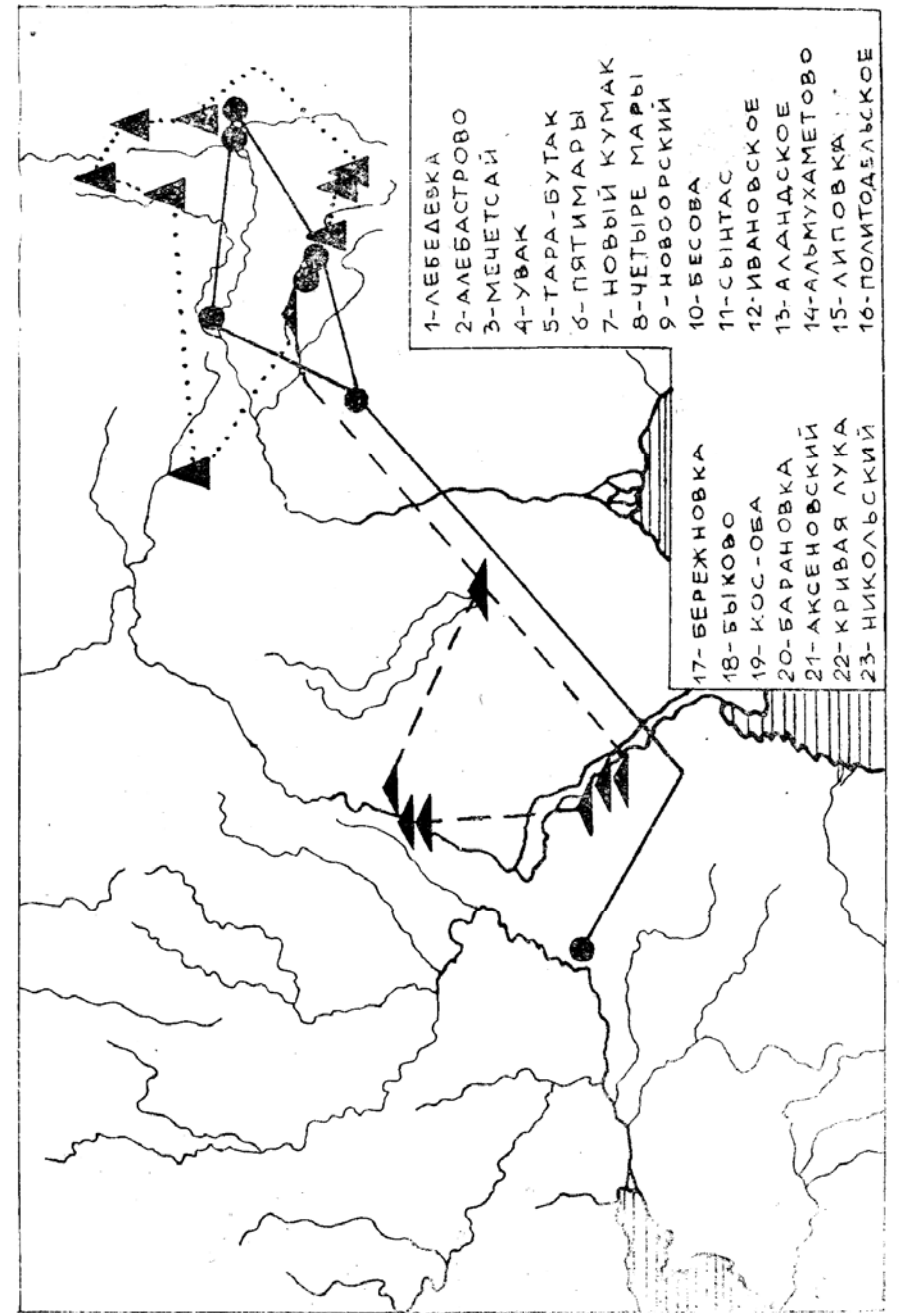


Рис. 2 к статье Б.Ф.Железчикова и З.А.Барбаруновой

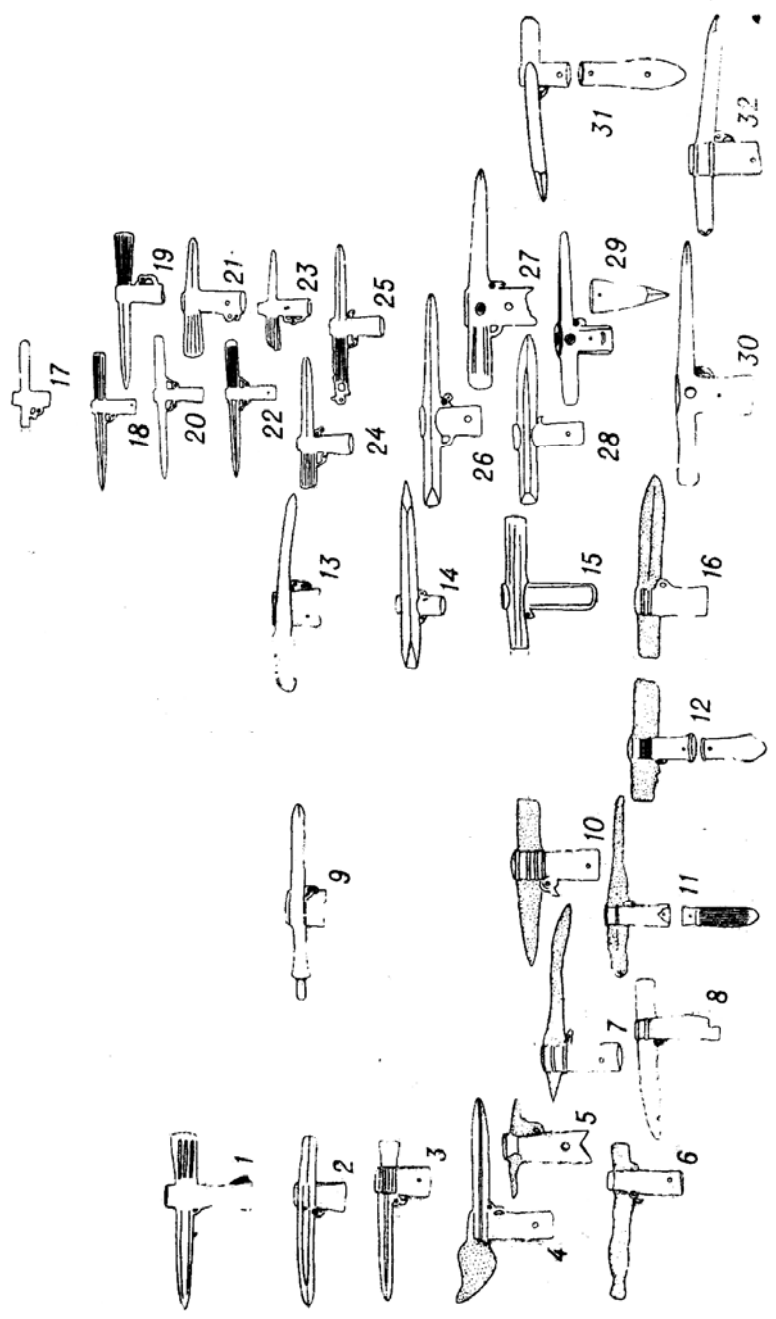
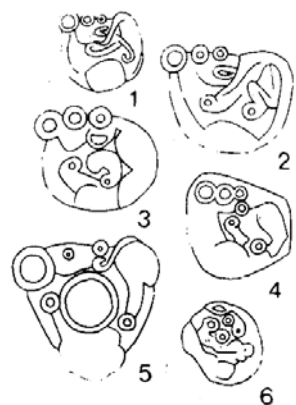


Рис. 1 к статье Г. И. Курочкина и А. В. Субботина

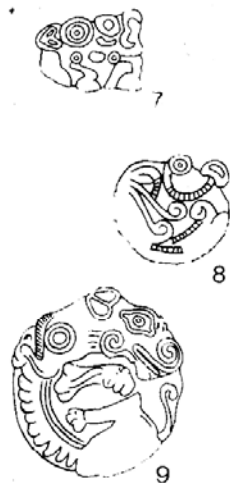


Рис. 1 к статье Вл. А. Семенова

СЕВЕРНОЕ  
ПРИЧЕРНОМОРЬЕ



ПЕРЕДНЯЯ  
АЗИЯ



КИТАЙ



ЮЖНАЯ  
СИБИРЬ

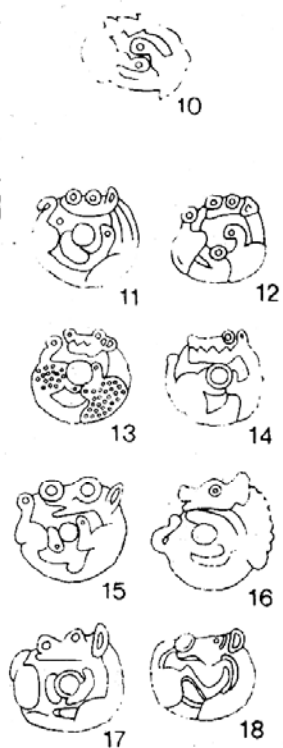


Рис. 1 к статье Г. Н. Курочкина

IV Б



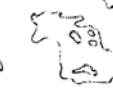
IV А



III Б



III А



II Б



II А



I Б



I А



Рис. 2 к статье Г. Н. Курочкина

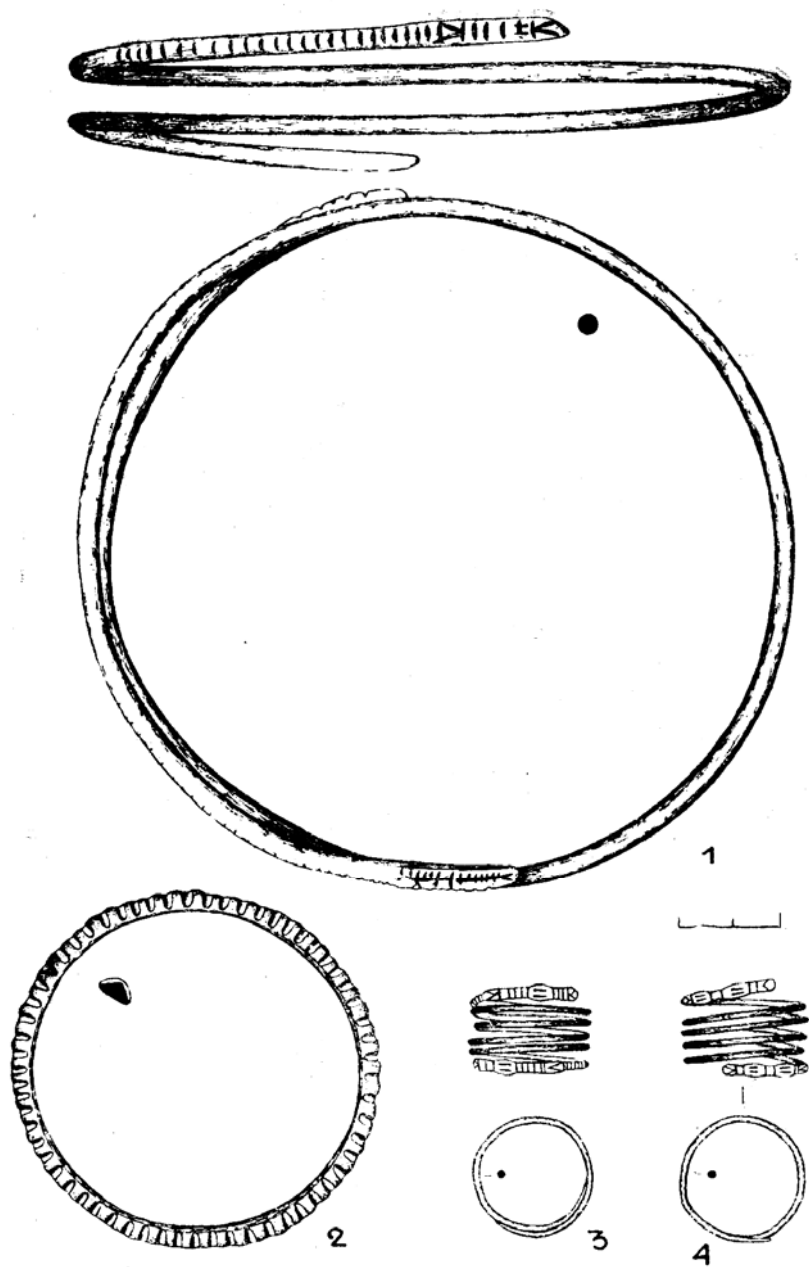


Рис. 1 к статье А. Д. Пряхина и Ю. Д. Разуваева

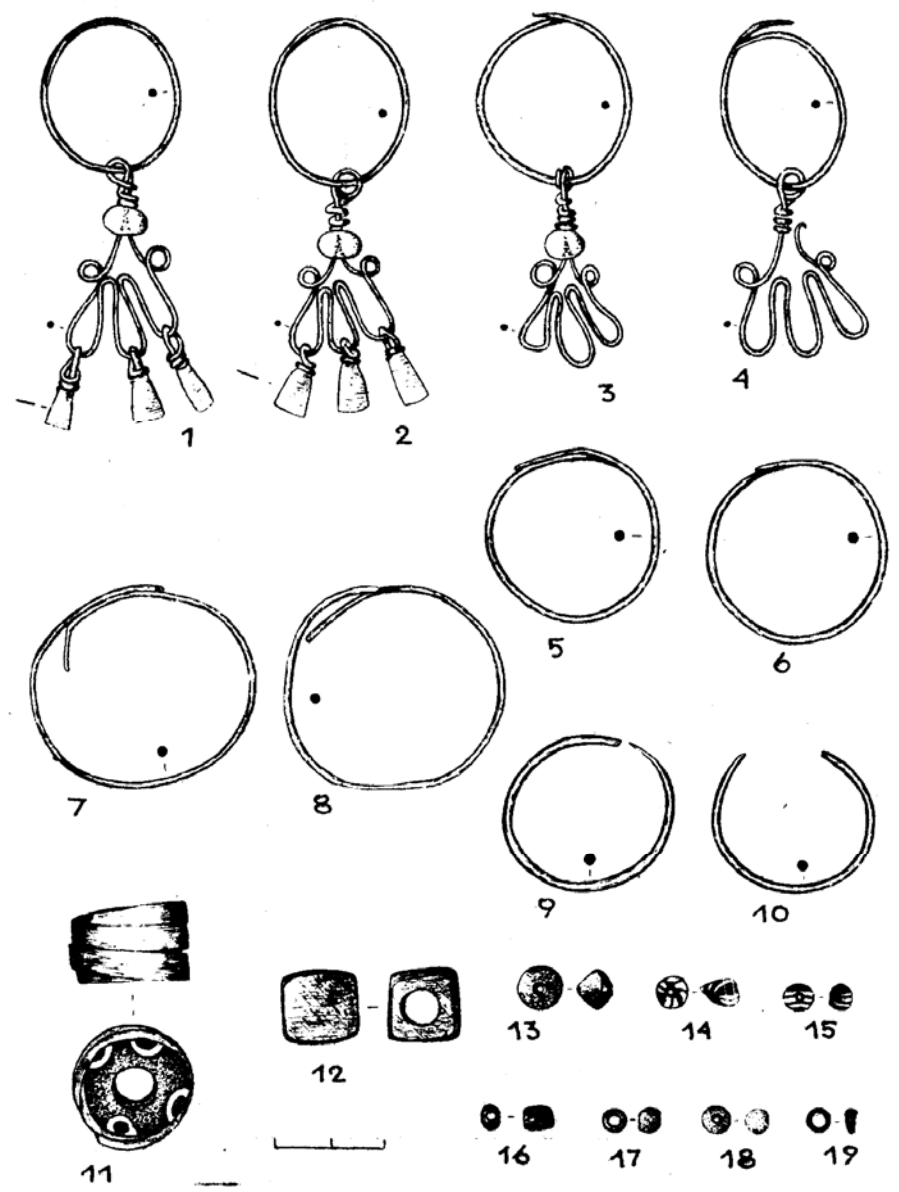


Рис. 2 к статье А. Д. Пряхина и Ю. Д. Разуваева

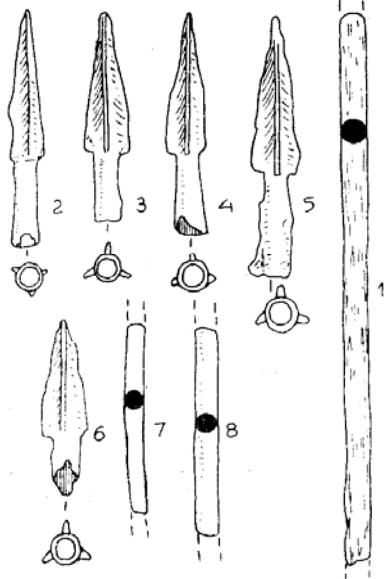
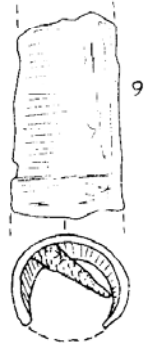
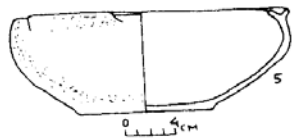
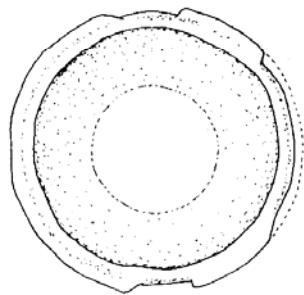
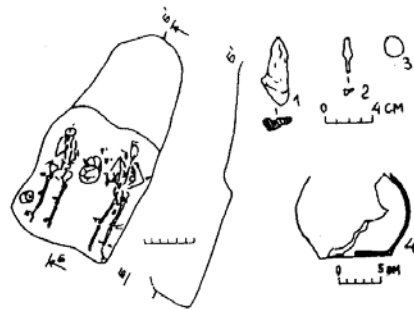
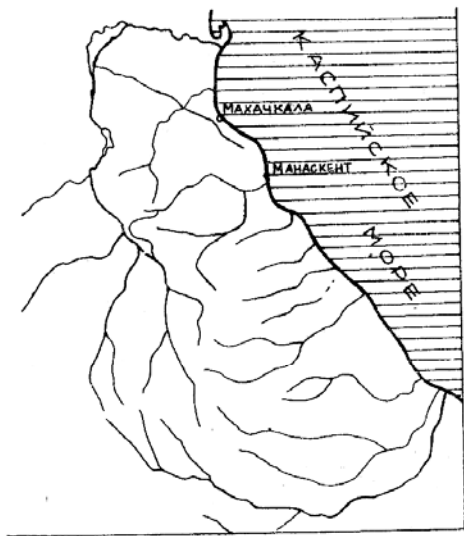


Рис. 1 к статье Б. М. Салихова

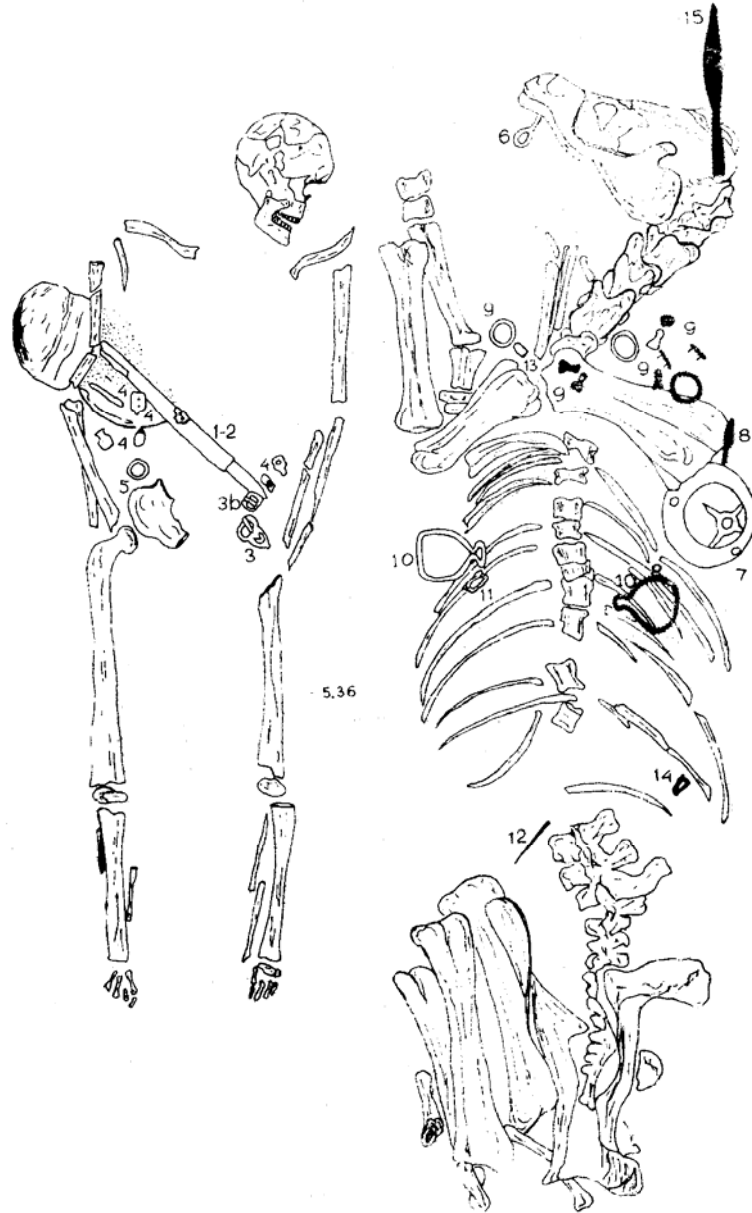


Рис. 1 к статье Б. Дженито

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. С. Скрипкин.</i> К проблеме исторической интерпретации археологических параллелей в культурах Алтайского и Доно-Уральского регионов в последние века до н. э.....	3
<i>В. Н. Зинько.</i> Этнические процессы на хоре европейской части Боспора в III в. до н. э.....	10
<i>Е. С. Нефедова.</i> Бубуечский комплекс (история находки и изучения, задачи интерпретации).....	15
<i>Б. Абдулгазиева.</i> Эллинистическая керамика Ферганы.....	20
<i>Н. Е. Берлизов.</i> Сарматы на Великом шелковом пути.....	29
<i>Е. Я. Туровский.</i> К вопросу о датировке IOSPE, I <sup>2</sup> № 403.....	37
<i>В. П. Глебов.</i> О некоторых типах амулетов в сарматских погребениях Нижнего Дона.....	43
<i>И. Н. Парусимов.</i> Расписной кувшин из Житковского кургана.....	45
<i>Т. А. Прохорова.</i> Некоторые аспекты идеологии сармато-алан (по материалам кургана 10 Кобяковского могильника).....	47
<i>Б. Ф. Железчиков, З. А. Барбарунова.</i> Погребальный обряд савроматской культуры как объект комплексного исследования формализованно-статистическими методами.....	51
<i>Г. Н. Курочкин, А. В. Субботин.</i> Боевые чеканы (клевецы) с головкой хищной птицы между бойком и втулкой в азиатской европейской частях скифского мира: к проблеме происхождения и распространения.....	59
<i>Е. В. Переводчикова.</i> Скифский звериный стиль и греческие мастера.....	65
<i>Вл. А. Семенов.</i> Реконструкция скифского погребального костюма (по материалам раскопок в Туве).....	70
<i>С. А. Яценко.</i> Центральноазиатские и среднеазиатские традиции в искусстве Сарматии.....	75
<i>Э. В. Яковенко.</i> снаряжение верхового коня из боспорских некрополей (V в. до н. э.).....	84
<i>Г. Н. Курочкин.</i> Свернувшийся в кольцо хищник и «летающий» олень.....	92
<i>А. Д. Пряхин, Ю. Д. Разуваев.</i> Клад украшений с Семилукского городища скифского времени.....	104
<i>Н. Г. Новиченкова.</i> К вопросу об этнокультурных связях в античной Таврике (по материалам святилища, у перевала Гурзуфское седло).....	107
<i>Н. П. Писаревский.</i> О целях и маршрутах античных судоходных трасс в период освоения греками акватории Понта Эвксинского.....	118
<i>А. П. Медведев.</i> Река Танаис в системе историко-археологических реалий скифского времени.....	129
<i>А. В. Эдаков.</i> Египетские скарабеи в Скифии.....	137
<i>Б. М. Салихов.</i> К вопросу о манаскентской катакомбе Дагестана.....	145
<i>Б. Дженито.</i> Стремена аварского типа в Италии.....	151
<i>Е. А. Савостина.</i> Античность и варвары: возможность сопоставления культур.....	157

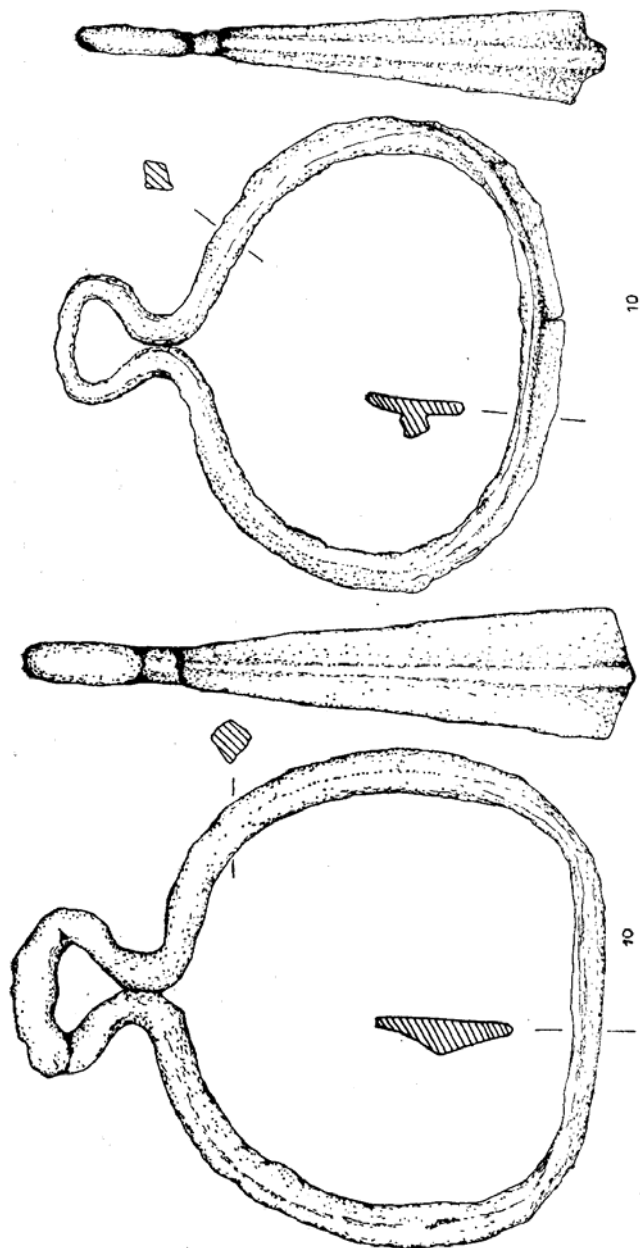


Рис. 2 к статье Б. Дженито